

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РУССКОЕ ПОЛЕ №3(17)

2016
ВЫХОДИТ С 2010 ГОДА

ЖУРНАЛ ВЫПУСКАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

СОДЕРЖАНИЕ



Воскресение

Наталья Лясковская.

Счастливого Рождества и благоденствия! 3



Дом
Пушкина

Мария Кожухарёва. Пятый элемент 10



Савостинские
чтения

Сергей Маслоброд.

«Как жить ты смог бы, в чуде разуверясь...» 14



Пушкинская
горка

Сергей Чернолев. «Так сияют во тьме образа...» 28



Конкурс
святочного
рассказа

Александра Юнко. День, вечер, ночь 36

Валентина Коваль. Синяя рукавичка 39



Один в
поле воин

«О Господи, я возлюбил врага!». **Борису Мариану – 80** 42

Кирилл Ковальджи. Ещё одна радуга поэта 43

Борис Олейник. Подвижник 44

Михаил Лупашко. Именем оплачено 44

Олеся Рудягина. Непокорное сердце поэта 48

Борис Мариан. Из новой книги стихов «Один на льдине» 52



Жатва

Александра Юнко. По имени любовь 56

Виктор Дамьян. Кто расшифрует культурный код Молдовы? 61

Константин Шишкан. Поймите меня, люди! 62



За межой

Поэты Одессы. *Елена Росовская, Людмила Шарга, Сергей Главацкий, Татьяна Орбатова* 64



Поле притяжения

Наталья Новохатняя. Под настойчивой кистью 87

Татьяна Шадрина. Провинился 96



Звезда над полем

Галина Кочарова. Идеалист, романтик, глашатай культуры 101

Наталья Родина. «Играет в лесу листопад» 106



Поли - АРТ

Сергей Сулин. Когда боги горшки обжигают 107



Русский бал

Алла Коркина. «Кружится вальса вихор шумный...» 140



Нива науки

Татьяна Котылевская. Провозвестница будущего 145



В Россию? В Россию!

Центральный федеральный округ 151

Учредитель и главный редактор: *Олеся Рудягина*

Редколлегия: *Сергей Пагын, Татьяна Орлова-Волошина,*

Виктория Алесенкова, Марина Сычёва.

Литературный редактор и корректор: *Нелли Торня*

Художник: *Сергей Сулин*

Вёрстка: *Людмила Ильина*

E-mail: russkoe-pole-md@mail.ru

ISSN 1857-1301

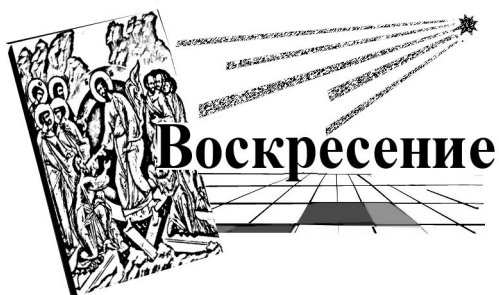
Отпечатано в типографии SRL "Metrompaş"

г. Кишинёв, ул. Фердеулуй, 4

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Перепечатка материалов – только с разрешения редакции журнала «Русское поле».

© Русское поле, 2016



НАТАЛЬЯ ЛЯСКОВСКАЯ

СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА И БЛАГОДЕНСТВИЯ!

СВЯТАЯ ЕВГЕНИЯ И РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ОТКРЫТКА В РОССИИ

В 1874 году 23 государства (в их число вошла и Россия) учредили Всемирный почтовый союз. Был принят единый международный стандарт размера открытки – 9 на 14 см. Все страны придерживались этого стандарта. Кроме России! У нас открытки положили начало особому виду искусства.

Прародительницей рождественской открытки в Европе считаются мини-гравюры с рождественскими сюжетами, которые продавались средневековыми бродячими монахами. Их охотно скупали, чтобы украсить дом или подарить родне на Рождество. Тогда их не посылали почтой, а дарили лично. Позже эти гравюры приняли более современный вид картинок с картинками.

Первую такую картинку создал английский художник Добсон в 1794 году. На картонной открытке он изобразил семейную сценку под ёлочкой. Идея понравилась, и в 1840-м году художник Королевской академии Джон Хорсли нарисовал рождественский триптих на манер складеня: в центре расположил многочисленную семью своего друга сэра Генри Коула за рождественским столом, по сторонам раскинул сценки благотворительной деятельности Коулов, на которых они щедро делились с бедняками одеждой и едой. Внизу красовалась яркая подпись: «Весёлого Рождества и счастливого Нового года!»

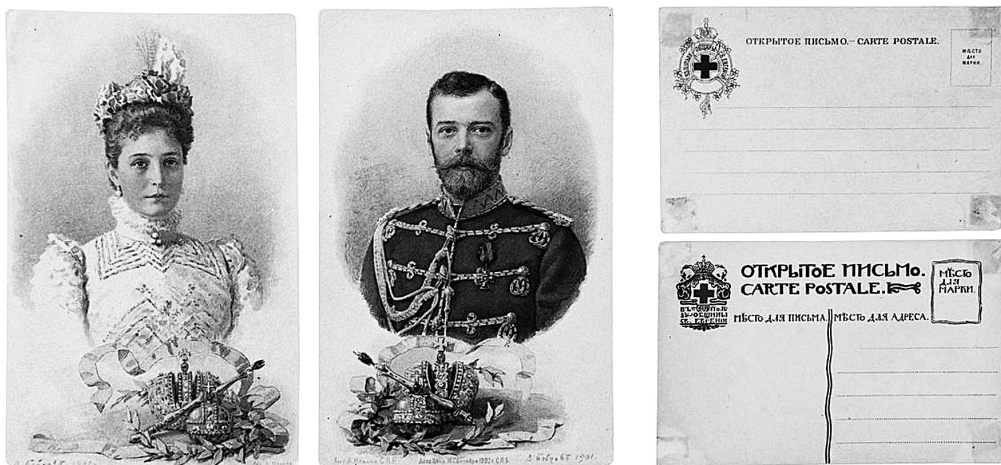
Хотя художник совершил большую ошибку: вложил в руки всех своих персонажей, включая детей, по бокалу красного вина, за что был горячо порицаем пуританской частью общества, его подарок имел бешеный успех. Интерес к «открытке Коулов» не ослабевал целых три года: её поместили в семейный альбом и с гордостью демонстрировали всем желающим. Это натолкнуло Коулов на мысль размножить свою картинку и продавать. Издатель Джозеф Канделл отпечатал 1000 экземпляров, и за каждый Коулы получили по шиллингу – очень внушительную по тем временам сумму.



А недавно на аукционе «Блумсбери» в Лондоне один из 30 уцелевших экземпляров первой открытки был приобретён неизвестным покупателем за 5170 фунтов!

В России на момент заключения Почтового союза полиграфия ещё не достигла высокого уровня и поначалу открытки печатались в Германии и Англии. Это были универсальные картинки, на которые позже вручную наносились соответствующие надписи на русском языке: кроме поздравлений с праздником, могло стоять «Привет из города Парижа!» или «Поклон от любящего Вас...». Дело было хлопотное, а потому стоили они дорого – по рублю и дороже.

Вскоре и в России занялись доходным изданием «поздравительных карточек». Петербургское издательство Фельтена начало свою деятельность в конце 1890-х. Они выпускали печатные воспроизведения гравюр, выполненных в технике офорта. Известный русский гравёр М. Рундальцев сделал для издательства серию из 6 офортов с известных живописных произведений из собрания Эрмитажа. Этим же гравёром была выполнена серия «Женщины России» и серия, посвящённая 200-летию Петербурга. В наши дни в связи с развитием печатной техники эта линия открытки практически исчезла.



Открытка с изображением императора и его супруги

Кроме Фельтена, в Петербурге выпускали открытки издательства «Ришар», «Русский музей», «Всемирный почтовый союз». ВПС, кстати, первым выпустил по заказу шоколадной фабрики Эйнем рекламные карточки – женские головки в стиле модерн...

В Киеве «открытые письма» выпускал «Рассвет», в Риге – издательство «Ленц и Рудольф». Но ведущим «открыточным» издательством того времени был Попечительный комитет о сёстрах милосердия русско-турецкой войны, более известный как Община святой Евгении. Именно эта Община выпустила в свет большинство русских открыток до революции. Как вышло, что сёстры милосердия взялись за выпуск открыток?

А дело было так.

В 1880-е годы популярный тогда русский живописец Гавриил Кондратенко отправился на этюды в Крым. В Севастополе он встретил нищую, оказавшуюся

бывшей сестрой милосердия. Во время русско-турецкой войны эти сёстры спасали и выхаживали раненых, но после её окончания оказались не у дел, без средств к существованию и сильно бедствовали. Встреча и рассказ медсестры произвели на художника сильное впечатление. Вернувшись в Петербург, Кондратенко организовал благотворительную выставку в пользу сестёр милосердия и обратился за решением вопроса к влиятельным лицам. Его стараниями в 1882 году был организован Санкт-Петербургский Попечительный комитет о сёстрах Красного креста. Руководство этой благотворительной организацией взяла на себя принцесса Евгения Ольденбургская, внучка императора Николая I. Организация получила своё название в честь её небесной покровительницы – святой Евгении.

Как и всякой благотворительной организации, Общине нужны были деньги – для строительства больницы, содержания приюта для престарелых сестёр и для работы подготовительных курсов молодых сестёр на случай войны.

Община решила заняться издательским бизнесом. Помог в этом сёстрам художник Александр Бенуа: он подружился с руководством общины, вошёл в Комиссию художественных изданий и фактически стал негласным руководителем издательства, не только определяя тематику изданий, но и контролируя производственный процесс. С помощью Бенуа в издательскую орбиту общины были втянуты в той или иной мере и другие «мирискусники». С приходом художников объединения «Мир искусства» начался самый интересный и плодотворный период издательской деятельности Общины святой Евгении по распространению и популяризации в России русского и зарубежного искусства.

К Рождеству 1896 года Община святой Евгении издала серию из десяти открыток по акварельным рисункам известных петербургских художников. И хотя на них не было надписи «С Рождеством Христовым!», они были и по замыслу издателей, и по сюжетам рисунков первыми русскими рождественскими открытками.

В сюжеты был положен стиль «а ля русс»: святочные гадания, мохноногие лошади, заснеженные ельники, летящие с горы сани, крестьянские мальчишки и девчонки, снегири и румяные девушки. Открытки посыпали блёстками, «снег» делали из борной кислоты, который выглядел почти как настоящий. В каталогах издательств того времени можно прочесть перечисление множества видов открыток, таких как:



Детские образы художницы Елизаветы Бём

множества видов открыток, таких как: «рельефные изящной работы», «блестящая эмаль», «глянцевые», «эмаль с золотом», «аристократические на лучшем полотняном картоне в стиле модерн», «бромосеребряные», «плюшевые», «настоящие гравюрные с золотым обрезом». Зачастую это были настоящие шедевры: они становились частью интерьера, девушки украшали ими свои шкатулки и альбомы. Успех превзошёл все ожидания издателей, высокие тиражи – по 10000 экземпляров каждой – пришлось повторить.

Издательство процветало: проводились тематические конкурсы на издание открыток, издатели получали в собственность оригиналы рисунков художников, имевших несомненную художественную ценность, ведь это были произведения мастеров. Многие из них до нашего времени не дошли, поскольку издательство время от времени организовывало их распродажу. Например, в марте-апреле 1905 года Община святой Евгении объявила о распродаже 145 рисунков со своего петербургского склада и 46-ти – с московского. На сегодня местонахождение большинства из распроданных образцов неизвестно, и тем большую ценность представляет их воспроизведение в открытках.

Очень популярными в России были открытки с портретами членов императорской семьи, с историческими портретами русских полководцев (А. В. Суворова, М. И. Кутузова), которые были выпущены серией из 12 работ. Отдельно была напечатана серия, посвященная Петру I. Отечественная война 1812 года была показана в литографиях известного графика Александра Орловского («Генерал от кавалерии граф Витгенштейн поражает Маршала Удино под Клясчицами 18 июля 1812 года»), в рисунках Д. Скотти и очевидца и участника событий Фабер-дю-Фора. Большой популярностью пользовались былинные герои. Особенную любовь широкой публики заслужили открытки с российскими типами и вообще сюжеты, связанные с особенностями русской жизни: торговцы разными товарами, например, сбитнем, пирожками, женскими украшениями, уличные цирковые артисты, просто прохожие на улице. Отдельные серии представляли народные костюмы различных губерний страны. Очень любимы были открытки, изображавшие детские головки и сцены с детьми, которые так любила набрасывать художница Елизавета Бём. Открытки эти с успехом переиздаются даже в наши дни.



Популяризация произведений реалистической живописи в открытке

Не меньшим спросом пользовались и открытки-репродукции произведений изобразительного искусства, в первую очередь – русского. Община святой Евгении издавала большими тиражами репродукции живописных и графических произведений в форме открыток и плакатов. Были там и плакаты, рекламирующие деятельность общины, которые создали специально для этого художники Леон Бакст, Дмитрий Митрохин,

Степан Яремич. Община издавала книги, путеводители по Павловску и Петербургу с гравюрами Анны Остроумовой-Лебедевой, путеводитель по Эрмитажу с текстом, написанным Александром Бенуа, монографии искусствоведа Сергея Эрнста о Николае Рерихе и Константине Сомове. Одним из самых замечательных дореволюционных изданий общины была книга «1812 год в баснях Крылова», блестяще выполненная Нарбутом. По поводу этой книги известный русский философ серебряного века Василий Розанов заметил: «Хорошо бы наши классики были когда-нибудь императорски изданы с таким же великолепием шрифтов

(конечно, старинного стиля!), как эти четыре басни». Раритетные издания Общины святой Евгении были продолжены выпуском «Моцарта и Сальери» Александра Пушкина, где большие страничные иллюстрации принадлежали Врубелю. Из числа наиболее популярных художественных альбомов следует назвать «Шестнадцать автолитографий» Бориса Кустодиева, «Петербург» Остроумовой-Лебедевой, «Портреты русских художников» и «Деревню» Верейского. Общиной святой Евгении были выпущены открытки, посвящённые столетнему юбилею А. С. Пушкина – в 1899 году резко вырос интерес к творчеству поэта. Издательство объявило конкурс на создание рисунков для открыток, посвящённых Пушкину. По итогам конкурса была издана серия открыток-иллюстраций к произведениям поэта, а также его фотографии. Часть тиража пушкинской серии открыток впервые продавалась наборами в художественных конвертах.

Но основной доход Общины составляла продукция, именуемая сегодня графическим дизайном: портреты, календари и альбомы, каталоги к выставкам, введённые в обиход именно этим издательством художественно оформленные почтовые конверты, в которых можно было рассылать визитные карточки. Эти конверты так и назывались: «Вместо визитов». Издание их было одним из первых шагов издательства, которое возглавил Иван Михайлович Степанов. Ещё одним изобретением Степанова стал выпуск художественного конверта, который был приурочен к Пасхе 1896 года. Он не только оправдал себя с коммерческой точки зрения, но и как всякое новое и интересное начинание имел большой успех. Вслед за изданием первого конверта к их выпуску были привлечены такие мастера изобразительного искусства, как Леон Бакст, Мстислав Добужинский, Евгений Лансере, Георгий Нарбут. Казалось бы, какие пустяки, конверт! Но в то время к эпистолярному жанру ещё относились весьма серьёзно, с любовью, люди писали друг другу письма весьма часто...

Кроме авторской открытки, Община святой Евгении выпускала видовые фотографии, нередко украшенные печатными типографскими виньетками или рисунком: Петербург и его окрестности, Москва и её окрестности, а также видами очень любимой тогда Малороссии. Популярностью пользовались открытки с видами Кавказа и Крыма, которые посылали домой отдыхающие там россияне, виды Урала и Сибири. Всего в открытках общины было представлено более 200 географических точек и около 3000 сюжетов.

Община издавала также журнал «Открытое письмо», ставший своеобразной иллюстрированной хроникой открыток. Его редактором был известный график и архитектор, директор Библиотеки Академии художеств Федор Беренштам. Журнал начал выходить 1 октября 1904 года. Интересной находкой издательства было то, что подписчики получали приложения к нему в виде открыток, не поступавших в розничную продажу и потому очень редких.



Лейб-гусары. Издание Фельтена



Тема Первой мировой войны в открытке

Ведь более всего Община святой Евгении была известна благодаря своим открыткам.

Открытки Общины святой Евгении выгодно отличались от китчевого ширпотреба того времени, поступавшего из Австрии, Германии, Франции. Репродукции произведений лучших отечественных мастеров, чьи имена произносились с гордостью, воспринимались с большим энтузиазмом. Издательство не ограничивалось праздничными темами и репродукциями мастеров: виды городов и различных мест, храмы и архитектурные памятники, портреты выдающихся государственных деятелей, военных, актеров, писателей и художников, жанровые сценки, изображения животных и растений, народные типы. Всё это отражало вкусы и предпочтения жителей России того времени, наших прабабушек и прадедушек.

Открытки Общины святой Евгении были великолепны! Один из рецензентов начала XX века считал, что у этих

открыток лишь один недостаток: они настолько хороши, что с ними жаль расставаться. Порой люди расставались с ними только в крайних обстоятельствах, именно поэтому их ещё можно найти в антикварных магазинах.

Теперь мы понимаем, чем была открытка для наших предков. Но чем она является для нас?

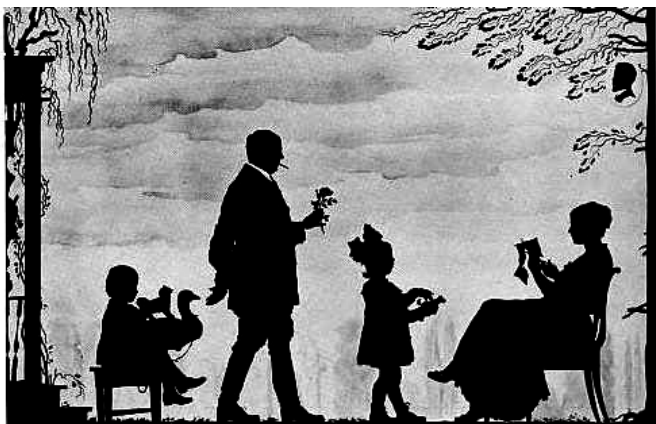
На первый взгляд, кажется, что скромная открытка не может совершить переворота в сознании людей и что её влияние на менталитет не так уж значимо. Но это не так. Открытка смогла повысить культурный уровень и существенно изменить вкусы людей на огромной территории за сравнительно короткий срок. В России на рубеже XIX-XX веков количество картинных галерей было весьма ограниченным, они располагались только в центральном регионе, а передвижные выставки были редкими событиями в жизни провинции. А открытки свободно «путешествовали» не только внутри страны, но и за её пределами!

В изданиях того времени подчёркивалась особая роль открыток Общины святой Евгении в развитии художественного вкуса широкой публики. К примеру, газета «Утро России» в 1912 году писала, что издательство «совершило переворот в истории русского открытого письма; оно сумело поднять его на высоту требований самого тонкого ценителя искусства, сделать из него общедоступную библиотеку по истории искусства».

Согласимся с коллекционером русских народных костюмов Натальей Шабельской, автором статьи «Новая отрасль художественной промышленности» из

журнала «Искусство и художественная промышленность» за 1899 год: «Почтовая карточка как одно из орудий распространения знания, развития чувства изящного, любви к природе, ко всему прекрасному – не забава, и труд, потраченный на украшение её, в высшей степени важен и плодотворен. Она сослужит верную службу для просвещения народа в самом широком значении этого слова. Художники, работающие для почтовой карточки, будут деятелями на почве народной».

И в наши дни лучшие дизайнеры страны ежегодно готовят новую программу рождественских (в советский период – новогодних) открыток. Сегодня всё меньше людей отправляют открытки по почте, для связи на расстоянии успешно применяются другие, более новые и оперативные средства коммуникации. Всё чаще открытки дарят лично. Поэтому они становятся самостоятельным подарком, сделанным вручную, с применением декоративных и натуральных материалов: ткани, кожи, сухоцветов, минералов. В эти открытки вложена душа. Никакие современные технологии пока не смогли заменить радостную поздравительную открытку. Вряд ли у кого-то поднимется рука выбросить такие открытки, а потому они долго ещё будут радовать людей...



Праздничная открытка Георгия Нарбута

Наталья ЛЯСКОВСКАЯ – поэт, прозаик, переводчик, публицист. Глава пресс-службы Международного Союза православных женщин. Председатель жюри фестиваля для детей и юношества «Таланты Московии».

Родилась в 1958 году в Черкасской области, в городе Умань (Украина). Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор книги «Матрона Московская» и одноимённого сценария для художественного фильма, нескольких книг для взрослых и детей: «Окно в давно забытый сад», «Душа Наташи», «Ежиная книга». Автор многих публикаций в центральной и региональной прессе: журналах «Москва», «Наш современник», «Простор», «Роман-журнал XXI век», «Родная Ладога». Публиковалась в антологии «Молитвы русских поэтов», «Антология поэзии XX века», в изданиях: «Вечерний альбом», «Московская муза», «Из жизни райского сада». Живёт в Москве.



Дом Пушкина

ПЯТЫЙ ЭЛЕМЕНТ

...И что ты ощущаешь, когда на расстоянии вытянутой руки оказываются два небольшого роста пожилых человека, и оба – Пушкины? Твои современники. Не однофамильцы. Потомки в пятом колене. Выросшие в Европе, но с сознанием своей принадлежности к древнему дворянскому русскому роду и с генетическим кодом гениальности в крови.

Мой любимый товарищ Витя Голков, который уже 25 лет живёт в израильском Азуре, а все равно остаётся вечным кишинёвцем и прекрасным русским поэтом, однажды сказал с горечью:

– Нет у вас опыта эмиграции.

Он говорил о собственных тяготах и потерях. И в то же время слова прозвучали почти упрёком в адрес оставшихся. В какой-то мере я готова счесть его справедливым: да, мы не уезжали в дальние страны. Нам не при-



Пушкины в Доме-музее А.С.Пушкина

шлоось выкорчёвывать себя с корнем из родной почвы, адаптироваться к другому укладу, непривычному климату и чуждому менталитету, вкалывать за гроши, не отказываясь от самой грязной и физически трудной работы, и тащить на себе непосильное бремя ностальгии. Но разве мы, оставшиеся, пропорхали прошедшие четверть века, подобно крыловской Стрекозе? И на нашу долю выпало немало серьёзных испытаний. Тектонический разлом эпохи в равной степени затронул всех. Оторванные друг от друга и разделённые границами и расстояниями, мы – и эти, и те – приобрели разный, но вполне сопоставимый опыт утрат и расставаний.

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?..

За свою недолгую жизнь Александр Сергеевич наездил вёрст больше, чем Пржевальский, но ни разу не покидал пределы России. Только что присоединённая к империи Бессарабия, где ещё недавно хозяйничали османы, стала для него первой и последней заграницей, клапаном kloкочущего балканского котла.

За невыездного Пушкина сполна расплатились его внуки и правнуки, которых разметало по свету. Сегодня его потомков можно встретить в Эстонии, Англии, Франции, Марокко, Северной Каролине и даже на Гавайях.

Европейской ветви положила начало младшая дочь поэта Наталья, ставшая морганатической супругой принца Николая Вильгельма Насаусского и получившая титул графини Меренберг. У нее было шестеро детей (трое – от первого брака с Дубельтом, трое – от второго).

Мария и Григорий Александровичи потомства не оставили. Зато старший сын Александр Александрович, отец тринадцати детей, стал патриархом многочисленной



Праправнук русского гения

русской ветви. Двенадцатым по счёту ребёнком был его сын Николай, чей внук Александр Александрович – последний прямой потомок Пушкина по мужской линии – нынешним летом впервые приехал в наши места, где его прапрадед был так молод, беспечен и счастлив. Супруга гостя, Мария-Мадлен Александровна Пушкина-Дурново, – его троюродная кузина из той же ветви, находится в родстве и с Гоголем.

После революции Николай Александрович перебрался с семьёй на летнюю дачу в Ялту,

надеясь, что «заварушка» ненадолго, но не дождался и уплыл в Константинополь. Однако прижиться в бывшем Царьграде и будущем Стамбуле не удалось: средств не было, языка никто толком не знал, необходимыми профессиями не владели.

Любопытно, что именно в этот момент определилась судьба ещё не родившихся «Саши и Маши». Здесь, в Турции, Пушкины встретились с роднёй – семейством Савицких, но дороги их разошлись: Савицкие направились во Францию, где впоследствии появится на свет Мария-Мадлен.

С берегов Босфора Пушкины перебрались на берега Адриатики – в Сербию жила сестра супруги Николая Александровича, Надежды Алексеевны. Однако корней здесь не пустили. Глава семейства обратился с письменным прошением к Дезире Мерсье, и бельгийский кардинал, покровительствовавший русским, пригласил семейство в Брюссель, помог с жильём, работой, учёбой.

«Опыт эмиграции» для Пушкиных не был сладким.

– Моему дедушке пришлось нелегко, – рассказывает Александр Александрович. – Он получил юридическое образование, был доктором права, но не знал местного законодательства и потому не мог работать по специальности. Но он не растерялся, основал геральдическую фирму и исследовал гербы. Читал лекции на пушкинские темы, занимался переводами, писал статьи о России. Отцу повезло больше, он поступил в колледж Святого Андрея в Брюгге, затем учился в колледже Святого Луи в Брюсселе. Увлёкся футболом, стал бухгалтером, а затем и коммерческим директором спортивной газеты.



Тёплая встреча с русскими литераторами Кишинёва

Родители Александра Александровича поженились летом 1940-го, когда в Европе уже шла вторая мировая. А он родился в 1942-м, и хотя считает, что его как единственного ребёнка всячески баловали, это были не самые благополучные времена. После войны, когда отец зарабатывал много, он ничего не жалел для близких. Но считал, что сын должен узнать цену деньгам, и летом, во время каникул, мальчик самостоятельно зарабатывал на свой первый автомобиль.

«Сашу и Машу» воспитывали в русском духе, с чётким представлением о чести и достоинстве, о том, что быть дворянином – значит уважительно относиться к простым людям. Оба много и упорно учились, получили хорошие профессии и всю жизнь работали. А когда узнали, что своих детей у них не будет, все силы отдали благотворительности. Хотя вовсе не являются миллионерами. Когда оба вышли на пенсию и решили приобрести жильё, пришлось затянуть пояса. Выручила страховка по возрасту, предусмотрительно оформленная Марией Александровной.

Каждому из нас трудно соблюсти баланс между «брать» и «давать». Чаще всего мы сознательно или бессознательно раскачиваем маятник в ту или иную сторону. И это касается не только материальной стороны бытия. На одном полюсе – рвач, хапуга, тотальный потребитель, отвратительный гомункулус профессора Выбегалло, лопнувший от переедания. На другом – его же сирое и убогое создание, издыхающее в муках. Крайности сходятся. Космос же напоминает нам о необходимости равновесия.

Когда немолодая бездетная чета собирает средства для больных детей России и Молдовы, это трогает до глубины души. И в то же время коробит, когда коллега, с симпатией отзываясь о Пушкиных на Фейсбуке, не преминула отметить золотой перстень и браслет Александра Александровича, его дорогие часы. Это, по мень-

шей мере, бестактно. Мне бельгийские гости показались достаточно скромными людьми, понимающими: прапрадедовское наследие – статус потомков гения – обязывает их больше «давать», нежели «брать». Не говоря уж о том, что перстень может быть фамильным или же свидетельствовать о высшем образовании, как принято в мире. А вот обсуждать чужой достаток – не принято.

Сознание принадлежности к русской культуре уравнило в наших гостях «европейскость». Хотя в полной мере они почувствовали себя потомками поэта, лишь приехав на историческую родину. До той поры им не приходилось сталкиваться с всенародной любовью к великому предку. Они сразу ощутили свою кровную связь с землёй, которая прежде была для них далёкой, едва ли не мифической. Да, Пушкиным можно быть только в России. Здесь к четырём стихиям приравнен пятый элемент, без которого невозможно дышать.

Сегодняшние реалии ничем не напоминают первую треть XIX века. В анамнезе человечества – мировые войны и ядерная угроза, на повестке дня – нашествия новых варваров, неразрешимые религиозные разногласия, терроризм, экологические катастрофы глобального масштаба, голод и перепроизводство. Но по-прежнему пророчески звучат строки Пушкина:

«В надежде славы и добра
Гляжу вперёд я без боязни...».

На Александре Сергеевиче заканчивается гармоничная цельность поэтического сознания.

«Дубовый листок оторвался от ветки родимой» – это уже Лермонтов.

Мария КОЖУХАРЁВА



*Александр и Мария Пушкины
в Российском центре науки и культуры*

***Александр Александрович Пушкин** – меценат и общественный деятель, председатель Союза русских дворян Бельгии, сопредседатель Международного благотворительного фонда им. А.С. Пушкина, последний прямой потомок Александра Сергеевича Пушкина по мужской линии. Получил высшее образование по специальности «инженер-электронщик». Впервые посетил Россию в 1994 году. В 2005-м получил российское гражданство.

Активно занимается популяризацией в России и за рубежом творчества А. С. Пушкина: организует театральные постановки по его произведениям, участвует в международных конференциях. Был почётным гостем юбилейных торжеств, посвященных 200-летию А.С. Пушкина и 300-летию Санкт-Петербурга.

В Кишинёве побывал в доме-музее А.С. Пушкина, в усадьбе помещика Ралли в селе Долна, посетил с благотворительным визитом детское отделение онкологической больницы.



Савостинские чтения

СЕРГЕЙ МАСЛОБРОД

«КАК ЖИТЬ ТЫ СМОГ БЫ, В ЧУДЕ РАЗУВЕРЯСЬ...»

К 90-летию со дня рождения Николая Савостина

Николай Сергеевич Савостин – уникальное явление в нашей литературе советского и постсоветского периодов. Поэт, прозаик, эссеист, критик, философ. Публицист, общественный деятель, участник Великой Отечественной, основоположник русской литературы в Молдове, давший путёвку в жизнь многим молодым талантам.

Ещё об одной его ипостаси, очень важной, но мало известной читателям, я хочу рассказать, пользуясь статусом свидетеля, облечённого правом профессионально судить об этом. Мой рассказ о достойном человеке, которого я знал лично и которому многим обязан. И пусть не покажется вам, дорогие читатели, что автор решил «под шумок» прорекламировать и себя: когда тебе уже 80 и ты знаешь себе настоящую цену, это ни к чему.

Первое, что сразу бросалось в глаза всем, кто знал Савостина, – это его поразительный талант человеческого общения. Очень глубоко он интересовался людьми и явлениями жизни. И границы этого круга так быстро раздвигались, что можно смело говорить о космосе его интересов. Так будет правильнее. И не только с точки зрения широты, но и полноты представления об этой личности. В Николае Сергеевиче, не побоюсь пафоса, в мир была явлена русская душа – с её соборностью, всемирной отзывчивостью, трудолюбием и бесстрашием. Вышедший «из низов», он «сам себя образовал и вылепил из праха». И, непрерывно самосовершенствуясь, всегда оставался и до сих пор остаётся нравственным ориентиром для нас.

В его лице Россия, причём глубинная, Сибирь, пришла в Молдову, маленькую уютную гостеприимную солнечную республику на юге большой многонациональной советской страны – и органически, можно сказать, кровно влилась в её менталитет, обогатив его своим менталитетом «русскости». Николай Сергеевич стал членом семьи Лупанов, гордости и совести молдавской литературы и молдавского народа. И возглавил русскую секцию Союза писателей. Молдавия стала для него воистину второй родиной. И обе его родины воспринимались им как сёстры. Он много и плодотворно переводил молдаван – классиков прошлого и писателей своего времени – на русский язык и активно инициировал обратный перевод.

Николай Сергеевич творил непрерывно, до самого последнего мгновения. Не позволяя себе расслабиться, писал стихи и прозу. И в своих многочисленных книгах (а их за жизнь набралось более сорока) неизменно уважительно и, я бы сказал, целомудренно рассказывал о поэтах и писателях – классиках, сверстни-

ках, молодёжи, о людях разных сословий и профессий, одарённых талантом жить и творить. По иронии судьбы в этих рассказах в качестве героев почему-то так и не появились люди науки, да и сама наука не попала на страницы его книг. А ведь наука и поэзия – сёстры. Я по роду своей профессиональной деятельности (доктор биологии, биофизик и генетик растений) неоднократно убеждался в том, что без поэзии в науке делать нечего.

Мне посчастливилось, благодаря тяге с детских лет к литературе, познакомиться с Николаем Сергеевичем и стать одним из его учеников, его младших друзей-почитателей. При встречах между нами всегда устанавливался консенсус по вопросу положительной роли науки в поэзии и поэзии в науке. По большому счёту, мы были единомышленниками. Ведь поэзия и наука – это две неразрывные стороны познания мира, и в своих лучших образцах (Пушкин, Лермонтов, Бор, Эйнштейн) они выходят на одну вершину! Кстати, известное во всём мире Учение Живой Этики Рерихов – квинтэссенция позитивного духовно-нравственного опыта человечества, как неотъемлемой части Космоса – как раз и зовёт на путь синтеза философии, науки, искусства и религии. Внимательно вчитываясь в прозаические и поэтические творения Николая Сергеевича, я с огромной радостью открывал для себя полное их соответствие положениям этого Учения.

Муза Николая Савостина словно подслушала разговор человека с растениями и всем сущим на земле и на небе. А мне наряду с другими учёными удалось услышать этот разговор с помощью чувствительных приборов и «застолбить» это в академических статьях как научный факт. Под таким углом зрения я написал в 2011 году большую статью «Чем старше, тем прекраснее деревья», посвящённую 85-летию Николая Сергеевича. А через три года появилась фундаментальная монография «Николай Савостин: жизнь и поэзия. Поэзия и жизнь». В ней о жизни и творчестве Николая Сергеевича рассказала профессор, доктор филологических наук, член Союза писателей России, землячка Николая Сергеевича из Читы Галия Дуфаровна Ахметова. Это ей в письме Савостин пишет летом 2011 года: «Хотя я уже глубокий старик, душевно я чувствую себя оловянным школьником, одержимым рисованием, стенгазетой, спорами о наилучшем устройстве мира...». Известно, что с детства он готовился стать живописцем, и это желание не угасало в нём до последних дней.

Галия Дуфаровна, аналитически подходя к творчеству Савостина как учёный, обнаружила, что стихи его иллюстрируют достижения самой современной физической науки. Итак, два доктора наук – биофизик и филолог – заявили: Николай Сергеевич Савостин тоже может быть причислен к учёным – не в утилитарном, а в высоком, космическом, смысле. В перечень его ипостасей смело можно добавить и эту.

Касательно отсутствия его публикаций о науке и учёных: я полагаю, что Николай Сергеевич просто не успел это сделать, но постоянно имел в виду (по крайней мере, он обещал написать обо мне и дать рецензию на книгу моих стихов «Земные небеса»).

Постараюсь научную сторону его деятельности осветить подробнее, считая это «социальным заказом», исполнением долга перед памятью Николая Сергеевича и Галии Дуфаровны, которые ушли в мир иной в одном и том же – 2015 году.

Первым вещественным результатом моего общения с Николаем Сергеевичем Савостиным было эссе на научную тему, написанное мной по его заказу и напечатанное 11 апреля 1995 года в газете «Вечерний Кишинёв», в которой Савостин возглавлял отдел литературы и искусства. Но я-то накануне как раз приносил ему не прозу, а стихи. Что больше тешит самолюбие автора, занимающегося литературным творчеством, его проза или стихи, только что вышедшие в свет? Стихи, конечно. По правде говоря, как раз их-то я побаивался отдавать в печать: вдруг мэтры сочтут меня графоманом и, не особо церемонясь, укажут на дверь. Но мне помог случай. Мои стихи до моего прихода к Савостину опубликовала газета «Коммунист». И хотя «без меня меня женили» (мой коллега тайно от меня принёс туда мои зарифмованные опусы на злобу дня), но всё равно было приятно. И я подумал: а не попытаться ли в другом издании «протолкнуть» стихи уже не на злобу, а «на радость дня»?

Мысль была интересная. Коль в одном месте прошла пессимистическая любовная лирика: «О чём же ты плачешь, коллега и друг? /Тебя нищета унижает. / Красавица, умница, доктор наук, /А денег на хлеб не хватает. /Сегодня, чтоб выжить, не надо ума. /Потребны напор и нахальство. /И вылезла хамов несметная тьма /В хозяева жизни, в начальство», то почему бы в другом месте не пройти оптимистической любовной лирике: «Прелестная заложница науки! /Тебя с любовью создавал Господь /Не только лишь на творческие муки, /Но и на то, чтобы радовалась плоть. /И ты сама себя не понимаешь, /Когда в пылу дискуссии подчас /Меня непроизвольно погружаешь /В горячий сумрак нелогичных глаз».

Вдохновлённый такой интересной мыслью, я направил свои стопы к монументальному зданию Дома печати. Тамошние работники газеты «Независимая Молдова» «паренька приветили, руку дружбы подали», но не «повели с собой», а только выразили сочувствие: «Знаете, сейчас никому нет дела до стихов, быть бы живу. Попытайте счастья у Савостина в «Вечернем Кишинёве»: он стихи любит, сам поэт, у него в газете своя рубрика». Вот так я оказался в кабинете Николая Сергеевича. К счастью, он был на месте. Стихи он взял, но как многоопытный и мудрый представитель цеха литераторов, постоянно имеющий дело с алчущими напечататься, не спешил вынести вердикт творческим усилиям неопита (вдруг что-то путное из него выйдет): «Посмотрю, через недельку дам ответ. А где вы работаете и чем занимаетесь?».

И тут у меня сработал условный рефлекс. Он всегда тут как тут, когда меня спрашивают, чем я занимаюсь. Это уже не зависит от моей воли и от количества присутствующих рядом людей. Откуда-то сразу появляется пафос, голос набирает высоту, звенит, вибрирует, руки начинают непроизвольно двигаться. Текстуально получается нечто подобное: «Наука – это постоянная встреча с чудом, это лучшее, что мог придумать человек для своих занятий: это разговор с Природой, это поиск Истины. И только нравственно чистому и порядочному человеку позволено заниматься Наукой и называться учёным...». Или нечто вроде: «А знаете ли Вы, что у растений есть своё электричество, что это его нервы, матрица его жизни?!».

Думаю, тогда Николай Сергеевич был несколько ошарашен моим эмоциональным монологом. Но быстро сориентировался, тут же оставил мысль насчёт стихов и незамедлительно предложил написать «с чувством, с толком» и, главное, доходчиво о научных достижениях Института генетики молдавской академии

наук, где я работаю. Причём предложил начать с ликбеза читателей: рассказать о том, что такое ген – вещество наследственности. «Мы создадим в газете новую рубрику», – заключил он. – Как бы конкретно назвать её для вашего эссе?». «Доступно о сложном», – был мой ответ, который моментально был принят.

Да, Николай Сергеевич, задали Вы мне работёнку. По силе авторитета Вы тогда сразу стали для меня выше президента академии наук и директора института генетики, на постоянные призывы которых профессионально изучать генетику я откликался с меньшим рвением, чем на одно Ваше предложение написать эссе о гене. Никогда – ни раньше, ни позже – не приходилось мне так основательно и ответственно заниматься вопросом гена, перелопачивать горы литературы, вырабатывать свой взгляд на объект изучения и находить такую форму лаконичной подачи материала, чтобы действительно было доступно о сложном. Так что спасибо Вам, дорогой Николай Сергеевич, за квалифицированное научное руководство.

«Ген – атом наследственности» – с таким названием я доставил своё эссе к заказчику. Там были такие перлы: «Он микроскопически мал, он в то же время – гигант, он и целый, и дробный, он настолько крепко спаян с другими генами, что его даже с помощью атомной пушки нелегко оторвать от «коллектива», и в то же время он существует с собратьями в жестокой конкуренции... Он существует одновременно в форме вещественной структуры и, возможно, в виде энергоинформационного сгустка, иначе говоря – электромагнитного поля и поля неизвестной природы». На другой день Николай Сергеевич мне звонит: «Приходите на последнюю правку, завтра материал пойдёт в набор. Я тут немножечко подкорректировал». Смотрю, у моего эссе уже новое название «Ген – единое поле всего живого». Оно куда лучше, точнее, чем моё. В самом тексте савостинский «фильтр» выцедил, казалось бы, незначительную мелочь, но после правки словарный «раствор» эссе стал заметно чище и концентрированнее. И скажи после этого, что истинные поэты – не учёные.

В тот замечательный день Николай Сергеевич был в хорошем расположении духа, ему пора было уходить с работы, и мы от улицы Пушкина прошлись пешком до его дома, что на углу улиц Штефана чел Маре и Армянской. «Собираюсь на дачу – в село Старые Дубоссары. Не желаете ли вы поехать со мной?». От неожиданности я даже приостановился: испугался, что как-то нарушу своим неосторожным ответом такую высокую степень его удивительно быстро возникшего ко мне доверия. Млея от робости и радости, я поблагодарил его и что-то промямлил про свою занятость. Уверен, мужчине перед Николаем Сергеевичем не стыдно оказаться в положении «чувствительной» барышни.

Лиха беда начало. Всего через девять дней Николай Сергеевич публикует в своей «Вечёрке» моё второе эссе «Электрическая жизнь растений». Ну, это уже моё личное, любовь, это тема моей кандидатской, а позже и докторской диссертаций. Да что тут скрывать: я вообще навек «ушиблен» растительным электричеством! Прошло ещё 10 дней. 30 мая 1995 года в «Вечёрке», появились-таки мои стихи из той подборки, что я приносил впервые Николаю Сергеевичу. И все – про любовь. С моей фотографией. Грешен, я прыгал от счастья выше, чем после публикации моей научно-популярной «серии». Конечно, раздал ксерокопии стихов всем женщинам, на которых обращал и на которых решил дополнительно обратить внимание.

В конце 1995 года Николай Сергеевич неожиданно приглашает меня к себе в кабинет и заявляет: «Ухожу из «Вечёрки», начинаю выпускать газету «Литератор». Авторы не буду ограничивать размером присылаемых материалов, даже буду им платить. Уже есть для газеты помещение в Доме союза писателей. Поэтому приносите стихи, прозу, всё, что у вас имеется». И уже в январе 1996-го во втором номере только что рождённого «Литератора» появилось моё очередное эссе «Гляжусь в тебя, как в зеркало, или Что такое платоническая любовь двух растений, а также прочих пар?». Савостин оставил и предложенную мной новую рубрику «Поэзия науки». Чтобы заинтриговать читателей (думаю, здесь пропаганда и агитация уместны), приведу из эссе три строчки: «Оказывается, растение-мужчина и растение-женщина – точно как в песне Антонова – могут глядеть друг на друга, как в зеркало, и тоже до головокружения и, естественно, видеть в партнёре своё зеркальное отражение – и всё по причине взаимной любви. А вместе так хочется жить и отдавать себя друг другу! И возникает любовь – не только в пору половой зрелости, а с самого розового, то бишь зелёного детства, когда она ещё не окрашена сексуально и поэтому более возвышенна». Я имел в виду реальное взаимодействие растений посредством собственных электрических и прочих полей, что можно зафиксировать чувствительными датчиками.

Вскоре в газете «Литератор» были напечатаны и мои стихи о любви и о природе. Помню, как в связи с этой публикацией мне передавали, что меня настойчиво разыскивает какая-то экзальтированная особа. После «очной ставки» она оказалась моей одноклассницей. Порядок, теперь обо мне заговорит вся моя родная дубоссарская школа! Причём с моей стороны даже не понадобилось дарить ксерокопии.

А теперь я хочу рассказать о факте, связанном с одной моей статьёй в «Литераторе», поскольку это касается семьи Николая Сергеевича. Этот факт для меня дорог. Он навсегда наполнил сердце теплом и благодарной признательностью. Речь о моём эссе, но посвящённом не науке, а России – «Пространство по имени Россия», напечатанном под рубрикой «Ещё одно признание в любви». В нём я пишу, что в слове Россия слышатся и живут слова – да какие! – Роса, Синь, Сияние, Сила и Я, что поэты России настолько полно и глубоко сумели выразить душу Родины, что это стало нашей общей судьбой и общей памятью. И однажды Николай Сергеевич, заговорив о своей незабвенной супруге Анне Лупан, высказался так: «Анна не раз просила меня прочесть ей ваше эссе о России». Спасибо, дорогая Анна Павловна. В глубине души поэт всегда старается, чтобы его искреннее слово порадовало читателя.

Когда Анна Павловна скончалась, я сразу позвонил Николаю Савостину, чтобы выразить ему соболезнование. «Я вас люблю», – был его ответ. Ну, скажите, можно ли об этом промолчать. Во время сильнейшего личного горя он так благодарил своих братьев по перу за сочувствие. Я не мог сдерживать слёз, понимая, что не только одному мне были адресованы такие слова. Людей он любил всегда!

Когда я бывал в гостях в доме Николая Сергеевича, мы часто рассуждали на тему чудес в науке. Обычно я сидел в кресле, в котором некогда сживали Расул Гамзатов, Андрей Лупан... Но никогда не вскакивал со страхом и ужасом, как поэт Ярослав Смеляков, который попытался сесть в кресло Ивана Грозного в его кремлёвской келье и сразу почувствовал, как его прожгла «молния веков». У меня

было тютчевское ощущение, что я «в их совет допущен был». Шучу. Было не только кресло в кабинете, но и стул на кухне. Причём часто.

Обычно Николай Сергеевич увлекательно рассказывал о своей жизни, об учителях в литературе, о «высоких зрелищах», коих он был зритель, о людях, так или иначе заслуживающих его внимания. Он мог ответить на любой мой вопрос о каком-то поэте-современнике, потому что, как правило, лично был с ним знаком и мог сообщить такие детали, о которых нигде не прочитаешь. Я сейчас обнаружую кое-что из услышанного, так как нигде об этом не написано. Например, из уст Николая Сергеевича я узнал, что созданием Аллеи классиков в старом столичном парке мы обязаны Андрею Лупану. Этот большой поэт и большой человек в течение всей жизни никогда не прогибался перед властью имущими, был поразительно скромен и бескорыстен. Так, он даже отказывался, чтобы его избрали академиком только что созданной Молдавской академии наук. Он не считал таким уж важным для себя новый высокий официальный статус, и его долго убеждали: так надо для представительности штаба науки республики. Однажды ему выплатили огромную по тем временам сумму за перевод на молдавский язык поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Он сразу же все деньги перечислил на счёт детского дома.

В одной из бесед я признался, что в оттепельные шестидесятые годы меня, как и очень многих моих сверстников, безоглядно и надолго «засосали» поэтический вихрь, лицом которого были Евтушенко, Ахмадулина, Рождественский, Вознесенский, Окуджава. Николай Сергеевич ответил словами своего близкого друга поэта-фронтовика Константина Ваншенкина:

В поэзии – пора эстрады,
Её ликующий парад.
Вы, может, этому и рады,
Я вовсе этому не рад.
Мне этот жанр неинтересен,
Он словно мальчик для услуг.
Как тексты пишутся для песен,
Так тексты есть для чтения вслух.
Здесь незначительная доза
Самой поэзии нужна.
Но важен голос, жест. И поза
Определённая важна.

При этом Николай Сергеевич добавил: «Мне однажды Твардовский объяснил, почему читать Исаковского неинтересно: он свой талант большого поэта растерял, «разжижив» песенными текстами».

Мне показалось, что Николай Сергеевич не очень жаловал Евтушенко не только за «эстрадность» его поэзии при всей её «магнитности», ибо в его текстах мелькали и популизм, и скороспелость, и приблизительность, и скольжение по верхам. Евтушенко не нравился ещё за «эстрадность» манеры общения с достойными поэтами военного поколения, чему Николай Сергеевич был свидетелем. Вкратце то, о чём он рассказал мне, воспроизведу прямой речью, за точность содержания ручаюсь. «Товарищи «по оружию», сколько вы можете написать стихов за день?». «Как когда. Пожалуй, несколько строчек, а то и вовсе ничего». «А

я могу штук десять». «Ну это подойдёт для девушек на выданье. Кстати, тебя одна уже ждёт, звонила. Так порадуй почитательницу твоего таланта, прочти ей все свои сегодняшние десять стихов и скорее от девушки возвращайся к боевым товарищам». «Хорошо, но я там оставляю уже не девушку». Конечно, эпатаж. Но демонстрировать его перед такой публикой? (Кстати, сам Евтушенко, будучи в возрасте восьмидесяти лет, самокритично признался, что из всей громады написанного им можно отобрать действительно ценного процентов на тридцать).

Николай Сергеевич настолько возвышенно и целомудренно относился к женщине, особенно к любимой женщине, что, как мне кажется, не решался писать об этом, поскольку это словами выразить невозможно. То же чувство, по-видимому, было и у его любимого поэта Твардовского. Есть у Николая Савостина в одном рассказе-воспоминании такой эпизод: идёт он по дороге, а впереди него совсем рядом – порхающая птичка, она то приближается, то отлетает немного вперёд – как будто сопровождает его. «Так это же душа Анны!», – восклицает автор. Вот вам вера в бессмертие души, что в официальной науке называется ноосферой (по Вернадскому).

Ещё об одной женщине, диаметрально противоположной Анне, о Леониде Лари. В 1979 году Николай Сергеевич руководил семинаром на седьмом Всесоюзном совещании молодых писателей. Однажды на семинар зашёл первый секретарь Союза писателей Георгий Марков и спрашивает, у кого из находящихся здесь талантливых поэтов из Молдавии набралось стихов на книгу. Союз готов её издать. Николай Сергеевич называет Леониду Лари (настоящее имя Любовь Ивановна Йорга). В результате в Москве выходит первая поэтическая книга Лари на русском языке с предисловием Савостина. Когда книгу обмывали, именинница, из чувства благодарности поднося Николаю Сергеевичу бокал вина, присела ему на колени и говорит: «А Вы меня не боитесь? Я же ведьма».

В чём-то она оказалась права, так как позже, в 1989-м, обвенчалась с кишинёвским памятником господарю Стефану Великому (какие тут могут быть шутки – церемонию освящал официальный представитель церкви). И в то же время, как утверждают уважаемые в поэзии авторитеты, она, несомненно, была профессиональным поэтом. «Есть многое на свете, друг Горацио...». Не буду далее вспоминать обо всех «успехах» Лари на ниве политики. Слышал от Николая Сергеевича: «Неожиданно увидели друг друга в парке. В девяностые она, в лучшем случае, сделала бы вид, что меня не заметила: для русскоязычных граждан активно насаждалась программа поведения: «чемодан – вокзал – Россия». А Лари была одним из главных вдохновителей этой программы. А сейчас она бросается мне навстречу чуть ли не в объятья: дорогой Николай Сергеевич, помните, как нам тогда было здорово в Москве, я никогда не забуду, сколько вы для меня сделали. Мир её праху. Я зла не держу. Тем более что она была уже безнадежно больна».

Есть в тему стихотворение у Николая Сергеевича, называется «Просьба»:

Едва обидит кто-нибудь меня,
Как тут возмездие его ужалит злее.
Боюсь желать плохое и злодею –
Потом страдаю сам, его жалея,
Себя же самого во всём вина.

Сбываются невольные желанья
К моей досаде, просто наказание.
И всем, кто злом решает нелады
Со мною, объявляю повсеместно:
Не поступайте подло и бесчестно,
Не надо, чтоб я вам желал беды.

А речь в этих стихах ведь идёт об очень серьёзных вещах – о материальности мысли и слов, в чём давно Николай Савостин убедился на личном опыте и в чём всё более убеждаются современные учёные, используя чувствительные приборы. Эту тему мы тоже не раз обсуждали в совместных беседах. Разве не материальность мыслей имел в виду и реализовывал на практике Николай Сергеевич в следующем жизненном эпизоде. В книге «Сбережённый свет» он пишет о себе, 17-летнем солдате: «Стоишь на посту... на ледящем ветру, околеваешь от холода и шепчешь непослушными губами строчки – это согревало, вселяло жизнелюбие, надежды и постепенно становилось главным содержанием внутренней жизни. Направление мыслей было самым возвышенным... И тут по загадочной логике судьбы «являться муза стала мне».

Мы касались и разных сторон научного творчества. Рассуждали о взаимосвязи науки с искусством и с поэзией, которая, по сути, присутствует во всех видах творческой деятельности человека. Помню, как-то я вошёл в раж, зацепив тему «Разговор человека с растением», а, конкретно, тему «Как растение чувствует мысль человека». Сразу зашла речь о том, о чём, пожалуй, слышали все: о «мыслящих» растениях американского инженера Клива Бакстера. Он показал с помощью специальных датчиков и аппаратуры, что растение отзывается на «крики» креветок, которых бросают в кипящую воду, на присутствие «преступника», который только что оторвал листик от соседнего растения.

Я говорил Николаю Сергеевичу, что сам я сначала не верил в это, но, когда попробовал, получилось. Тогда решил приобщить к делу своего сотрудника, классного физика, который был убеждённым атеистом. Конечно, не сразу, но потихоньку смог убедить его в наличии бакстеровского «криминала». К сожалению, мой ученик, уехав в лихие девяностые в Австралию и, став там учёным мирового уровня, полностью избавился от увлечений молодости и возвратился в лоно матёрых академических материалистов.

А ведь «общение по душам» с растением – не пустой звук для выдающихся селекционеров, создателей сортов и гибридов растений, которыми кормится человечество. Американский ботаник Бёрбанк «уговорил» кактус, чтобы тот рос без колючек. А один мой институтский коллега и друг – Фёдор Филиппович Суница – непроизвольно ощущал зуд и дрожь в теле, когда в поле приближался именно к тому растению, которое ему лучше всего подходило для скрещивания с другим растением. И, пожалуйста, у моего скромного друга весомые достижения, замечательные сорта, а у приближённых к начальству коллег этих достижений – кот наплакал. Правда, друг просил меня никому не рассказывать о своём странном методе получения новых сортов, иначе могли бы начаться проблемы с работой, ведь он рисковал схлопотать ярлык лжеучёного.

Тут же в ходе нашей беседы у Николая Сергеевича возникло предложение, чтобы я об этом написал в «Литератор». Моё эссе получило название «Как я со- вратил правоверного физика». Как видите, савостинский «Литератор», а ранее – «Вечёрка», пригревали возле себя не только поэтов и писателей, но и в моём лице – учёных.

Героический «Литератор», героический его капитан. Николай Савостин писал в статье «...Всё равно я вишню посажу!»: «Вряд ли кто поверит, что наша газета «Литератор» изначально была затеяна как убыточная. Выручки от проданных экземпляров не хватает даже на израсходованную бумагу. Надо быть круглым дураком, чтобы взяться за такое дело, решит обыватель. Но были же такие «дураки» и в прошлом веке: барон А.А.Дельвиг, затеявший при участии А.С. Пушкина «Литературную газету», которая просуществовала всего полтора года».

«Литератор», испытывая постоянный административный и финансовый прессинг, просуществовал дольше. Но его дело не пропало. Ценой невероятных усилий Николай Сергеевич вскоре создал новую литературную газету – «Нистру», которая стала выходить на русском и молдавском языках. В первой редактором был он, в молдавской версии – его друг и единомышленник Костантин Мунтян. Одновременно возник новый Союз писателей с одноимённым названием как альтернатива существующему, националистически озабоченному СП. Это было чудесное время для здоровых сил русско-молдавской литературы. Я до сих пор бережно храню удостоверение члена СП «Нистру» и считаю, что продолжаю состоять членом этого союза.

Не стану описывать усеянный розами и терниями путь «Нистру» – газеты и СП: это можно прочесть у других авторов. «Нистру» вскоре тоже пали смертью храбрых на поле брани. Скажу только, что в новой савостинской газете нашли своё место мои очередные эссе и стихи. К «Нистру» удачно «причалили» мои академические коллеги – Валерий Шварц и Денис Башкиров, последнего я лично свёл с Николаем Сергеевичем и очень рад содеянному. Здесь под эгидой самоотверженного Савостина, смею сказать, они состоялись как настоящие поэты.

Подчеркну, что редактор исправно платил каждому автору за его произведения и за членство в союзе. Сумма, понятно, невеликая. Однако с точки зрения принципа, поведение редактора самое достойное, потому что настоящий поэт – штучное изделие Природы, непременно заслуживающее уважения и поощрения.

В последнее время Николай Сергеевич свою волю и неуёмную энергию направил на собственное творчество. В 2006 году выпустил объёмную книгу «Честь поэтов» – итог многолетних раздумий о судьбах литературы и её творцах, с воспоминаниями о своих встречах с выдающимися поэтами и писателями Молдовы и других республик, за которую получил от Правительства Москвы Международную литературную премию имени Юрия Долгорукого. А спустя год «за большой вклад в распространение и изучение русского языка, сохранение культурного наследия, сближение и взаимообогащение культур, наций и народностей» Указом президента Российской Федерации был награждён медалью Пушкина.

Членам «Нистру» он продолжал помогать тем, что постоянно перезванивался с ними или общался лично. Он стал куратором литературной страницы в популярной неконъюнктурной газете «Коммерсант-Плюс», в которой работали про-

фессионалы своего дела, в том числе «литературный» ученик Николая Сергеевича поэт, журналист и учёный Валерий Косарев, особо благоволивший ко мне и к Валерию Шварцу. Под рубрикой «Сейте разумное, доброе, вечное» на этой странице появлялись стихи маститых авторов и новичков, очерки, эссе, часто савостинские. Здесь также публиковались и мои стихи. И здесь Косарев, по секрету от Николая Сергеевича, разместил мою большую статью «Чем старше, тем прекраснее деревья», посвящённую 85-летию Николая Сергеевича. И я очень рад, что она оказалась для юбиляра приятным сюрпризом.

Мы рассуждали и на такую тему: выдающиеся поэты в определённой степени являются большими учёными. И не без ведома Николая Сергеевича на странице «Коммерсанта-Плюс» появился мой очерк «Пушкин и электричество». Дело в том, что я отыскал в материалах «болдинской осени» выражение Пушкина, которое, по сути, предсказывало электрон – отрицательную элементарную единицу электричества – задолго до того, как он стал известен науке. Разве Пушкин тут не проявил себя как учёный-интуитивист?*

В другой моей статье с конкретным названием «Пушкин как учёный. О поэзии науки в отрывке «О, сколько нам открытий чудных...» я постарался путём сопоставления слов и выражений в черновом и окончательном беловом вариантах наброска показать поэтическую лабораторию Пушкина как одновременно научную лабораторию. Статья была опубликована в Трудах международной конференции по естествознанию, проходившей в Алуште, в Крыму. Но до публикации я апробировал её у Савостина и видного филолога Риты Клейман. Николай Сергеевич добавил для концовки статьи сведение о том, что они вместе с Давидом Кугультиновым в своё время настояли, чтобы в заставке популярной передачи Сергея Капицы «Очевидное-невероятное» отрывок Пушкина звучал полностью (атеист Капица выбросил из него последнюю строчку «И случай – Бог-изобретатель»).

Как жить ты смог бы, в чуде разуверясь,
Как беспросветно стала б жизнь пресна,
Когда б антинаучнейшую ересь
Не приносила вновь и вновь весна?

Прочитал эти савостинские строчки из стихотворения «Вновь жёлтое цветение кизила» и ахнул. Какая для современной науки глубокая мысль! Как здорово схвачена обострившаяся в ней до предела ситуация нынешнего противостояния «традиционалистов» и «революционеров», консерваторов и новаторов! В чудо надо верить! – говорит поэт, и он в данном случае в большей степени учёный, чем увитый лаврами академик. Надо верить не потому, что тебе так хочется, а потому, что чудо – это и есть сама природа, особенно весной, в пору своего расцвета, это есть сама жизнь, которая кипит в тебе и вокруг. Весна вновь и вновь «несёт» такое... – а некоторые маститые учёные мужи в ответ на заявления незашоренных учёных о таком хватаются за голову: антинаучнейшая ересь! Простите, а вы, до-

*Цитата А. Пушкина: «Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю».
(Полное собрание сочинений в 10 томах, т.7, «Наука», 1978, с.120).

рогие, ну очень себя любящие, что изучаете – не природу ли? Не это ли ваш хлеб, ваш объект исследования? А коли так, то и не говорите, что природа несёт ересь – вы по совести и чести должны дотошно разбираться с вопросом и потихоньку одевать эту «ересь» в зримое материалистическое платье.

А что мы имеем сейчас? В Москве ещё в девяностые годы была создана Комиссия по борьбе с лженаукой (КБЛ) при Российской академии наук. В неё вошли известные, и не очень, академики. Сколько КБЛ успела крови испортить тем, кто всё делает не так, как они предписывают, кто выдумывает какие-то биологические и торсионные поля, «память» воды, телепатию, «мыслящие» растения, эффекты пирамид и прочая и прочая... «Этого не может быть, потому что не может быть никогда!».

А Джуна всё-таки излечивала пациентов, от которых уже давно отказалась официальная медицина, а селекционер Лютер Бёрбанк в далёкой Америке всё-таки уговорил кактус, чтобы тот рос без колючек, а тамошний инженер, изобретатель детектора лжи Бакстер всё-таки записал на приборах «мысли» растений. В тему и свидетельство самого Николая Сергеевича: когда в детстве он так сильно заболел, что уже находился на грани жизни и смерти, а доктора ничем не могли помочь, его вылечила простая знахарка: шептала молитвы, варила травы, топила воск... Ещё из письма Савостина Ахметовой от 14 июля 2012 года: «Воистину существует телепатическая связь: как раз думал о Вас, Галия, о Чите, и тут – Ваше письмо». А ещё от меня: если издеваться над фотографиями семян или воды – резать, кипятить, морозить их или облучать гамма-лучами, то эти семена и вода «почувствуют» что-то неладное, хотя фотографии будут находиться за тысячи километров от оригиналов – сам убеждался неоднократно, ставя опыты, за методику которых головой отвечаю. У моих коллег получается то же самое!

Разошёлся. Простите, рефлекс. Сейчас успокоюсь. Но разрешите ещё небольшую ремарку. Все знают знаменитое тютчевское выражение: «Чему бы жизнь нас ни учила, а сердце верит в чудеса». У Тютчева верит в чудеса только сердце. А у Савостина чудо живёт в самой жизни, а верить или не верить в него – дело хозяйское. Считаю, что выражение у Савостина научно более правильное, чем у гениального Тютчева. Да, вот ещё: лидер «поэтической весны» шестидесятых Евгений Евтушенко в своём знаменитом «Идут белые снеги» утверждает нечто кардинально противоположное: «Я не верую в чудо, я не Бог, не звезда, и я больше не буду никогда, никогда»; в общем, «быть бессмертным не в силе». Такие дела.

В воскресенье 16 декабря 2012 года во время нашей очередной посиделки Николай Сергеевич сообщил, что Галия Ахметова в своей книге упомянула о моей заметке, напечатанной в Москве в «Литературной газете» в связи с его 85-летием. Мне, конечно, было лестно заполучить или хотя бы прочесть эту книгу, и Николай Сергеевич на следующий же день переслал мне её электронный вариант с припиской: «Серёжа, обещал – сделал. Вот эта книжица. Салют! Н.С.».

Я с большим подъёмом прочитал, нет, «проглотил» книгу Ахметовой, после перечитывал ещё не раз, делясь впечатлениями с Николаем Сергеевичем. И с радостью обнаружил во многом совпадение её взглядов с моими. Приведу только несколько выдержек, касающихся её оценок савостинских стихотворений с точки зрения физики.

Анализируя строки из стихотворения «Горящее сердце Данко»: «Те, что душу вознесут на небо, наготове за спиной стоят» и «Вверх и вниз земля и небо тянут,

разорвать готовые меня», она посчитала, что Савостину известно понятие общего энергоинформационного поля, наличие которого уже постулировано в современной физике. Следующее выражение, отмеченное Ахметовой, читатели сами определяют, к какой области знания оно относится: «Как хиромант, по линиям нагих ветвей под инеем судьбу читаю дерева». Упомянувшееся уже стихотворение «Просьба» Ахметова считает констатацией Савостиным материальности мысли и слова.

Приведу строчки, в которых образность для рядового читателя, возможно, не покажется имеющей отношение к науке. А Ахметова, прочтя их, заключила, что Николай Сергеевич «интуитивно понял и достиг совершенства и просветления, придя к мысли о вибрации Души, приблизившись к открытой недавно теории струн». Ахметова ссылается на конкретные научные источники по частотам вибрации предметов и существ и по теории струн, что представляет собой новейшие разработки в теоретической физике.

Неверный свет...
Хвораю.
В горячем бреду
То ощупью по раю,
То в пекло вновь бреду.

Потом – нечеловечий
Мучительный полёт.
Что это – утро? Вечер?
Огонь? Или же лёд?

И словно бы в испуге,
На ясный свет спеша,
От яростной натуги
Вибрирует душа.

В статье «Чем старше, тем прекраснее деревья» (кстати, выражение Савостина) я писал, что для невидимого мира души, мира тонкого, мира иллюзий и мислеобразов характерны «бесвременность», мгновенность скоростей перемещения мысли из одной точки пространства и времени в другую. Поскольку для Николая Сергеевича как поэта этот мир реален, он может смотреть на настоящее как бы одновременно из прошлого и будущего («Воспоминание о дневном кино»).

В одном из своих первых, написанном в 1949 году стихотворении «Отец», кстати, высоко оценённом Маргаритой Алигер, Савостин пишет, что видит своего отца, как тот в кавалерийской атаке сваливается с седла. И ещё не рождённый сын кричит: «Но он поднимется, он встанет, ведь должен же родиться я!» Здесь не искусственный приём усиления впечатления, а живая картина, вставшая перед глазами поэта. Но кто он сам в данный момент? Душа отца? Душа его сына? Наверное, и то, и другое. Здесь и тючевское «... души смотрят с высоты на ими брошенное тело», и лермонтовское «В полдневный жар в долине Дагестана с свинцом в груди лежал недвижим я...». И ещё, конечно, своё личное.

Эта линия просматривается и в балладе «Мать и сын». Мать разыскивает среди погибших тело сына – и не находит. «Прошла, – обречённо говорит погибший сын. – Меня безвестным похоронят.» И тот сын – сам поэт. Как у Твардовского – «Я убит подо Ржевом». Кстати, Твардовский для Николая Сергеевича – поэтический и человеческий эталон, Учитель. Он помог ученику приблизить небо к земле, чтобы его можно было обжить. Небо же Лермонтова завораживало, но было, по признанию Николая Сергеевича, слишком высоким и поэтому холодноватым, впрочем, позже оно тоже было им принято. А стихи Твардовского воспринимались Савостиным «в виде живых картин, они несли запахи, звуки, краски живой жизни», хорошо знакомой и его ученику (книга «Сбережённый свет»).

Язык и чувства природы – это язык и чувства Николая Сергеевича: «Я ощущаю всю кровью и всю клеточкой своей лесов могущее здоровье, пожатые братское ветвей» («Утро после грозы»). Он уверенно заявляет, что видит, как «потягиваются во сне, хрустя суставами, деревья», «у них есть живая душа» («Зимний дождик и ветки на льду»). Порыв «души поэта, желающей всё понять», он видит и у животных («Киту, выбросившемуся на берег»). Цветы рассказывают ему, какова земля внутри, когда они, расцветая, выносят из земли ее красоту. Но это и красота неба, зари («Понять бы, какова земля внутри»), и красота людей («Цветами говорит о нас земля»). Поэт с радостью констатирует, что, по данным науки, растения реагируют на прекрасное, как люди: им нравится классическая музыка. «А не есть ли сама жизнь – гармония, ритм, мелодия?» – резонно спрашивает он. И сам же отвечает: «Жизнь есть гармония звучания, стук сердца – вот его исток» («Скрипач»). «Всё сообразно в природе – во всём есть и ритм, и размер» («Как бабочка или кузнечик»). Об этом же говорят последние достижения науки. Он смотрит на ленту кардиограммы и думает, не начертан ли здесь «клик земли роди-

мой» – её горы, лес, долины, увалы («Кардиограмма»). И одновременно осознаёт, что «каждый уголок пейзажа наполнен смыслом», рассказывая «что-то про меня». («Любой пейзаж, подробности земли»). Его пронзают «тревожные токи – земли пытливый взгляд» («Весенних заморозков сушь»), замечает, что «земля слитна с [его] собственным ликом» («Побежит березняк»).

А что на небе? «Там что-то говорят высоким слогом созвучия, в ночи мерцающая немо. Ну, напрягись же, мысль, ещё немного, постигни речь мерцающего неба» («Иду один в степи морозной ночью»). Постигнуть, конечно, непросто. А вот полежать «на облаке лохматом» – это пожалуйста. Заранее парируя брюзжание «правильно мыслящих» оп-

Николай САВОСТИН

Савостин!

Вил поэт нагн.

Улан!

С восточной стороны

17 Савостин.

2.1.14

ТРАВА ЧИТЫ

понентов, он лукаво заявляет: «Лежу себе... А что, нельзя?». Земной космизм слышится и в его детских стихах, таких, как «А я во сне летаю», «Пью солнце», «Из чего растут стихи». Его космизм какой-то домашний, согретый теплотой соучастия в делах земли и неба. Ему близки поэты конкретики (например, Кайсын Кулиев с его «раненым камнем», Давид Кугультинов с его раскрывшимся бутонем тюльпана, глядя на который поэт видит «раскрывшуюся рану» и слышит «стон»).

Поэта волнуют и другие темы, имеющие отношение к восточной философии: учение Будды о бессмертии души, пагубность увлечения только физической стороной йоги, закон притяжения подобного к подобному. О последнем он судит по личному опыту: люди, причиняющие ему зло, получают удар возмездия, так что ему приходится обидчиков пожалеть («Просьба»).

Племянница Николая Сергеевича Татьяна Андреевна Лупан подарила мне на память о Николае Сергеевиче фотографию, на которой он изображён в окружении высоких деревьев. И я подумал, что тогда, в тот момент, между деревьями и поэтом шёл доверительный, душевный разговор. Как раз такой, о котором я попытался рассказать вам, уважаемые читатели, в этой статье-воспоминании о прекрасном человеке и творце. Я хочу, чтобы эту фотографию увидели и вы. И как своё удостоверение на право говорить от имени учёного о поэзии и поэта о науке предъявляю дарственную надпись Николая Сергеевича на последней книге его стихов «Трава Читы». И, думаю, что не нарушу закон единого энергоинформационного поля Земли и Космоса, посчитав ближайшего друга Николая Сергеевича и профессора Галию Дуфаровну Ахметову в значительной степени соавторами этой публикации.

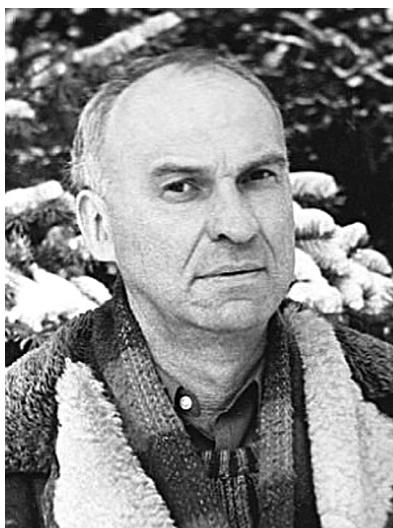


Сергей МАСЛОБРОД родился 1 января 1937 года в селе Дойбаны Дубоссарского района Республики Молдова. Доктор биологических наук, главный научный сотрудник Института генетики, физиологии и защиты растений Академии наук Молдовы. Член Союза писателей «Нистру». Автор более трёхсот научных работ и пяти монографий, в том числе научно-популярной книги «Электрический «язык» растений». Область научных интересов – биофизика, нелокальная связь в живых и неживых макросистемах, эниология (энергоинформационный обмен), нанотехнология в растениеводстве, генетика, электрические свойства растений, мысль как фактор воздействия на воду и растения. Публиковался в республиканских и российских периодических изданиях в различных жанрах. Автор книги стихов «Земные небеса».

ПОЭЗИЯ



Пушкинская горка

СЕРГЕЙ ЧЕРНОЛЕВ**«ТАК СИЯЮТ ВО ТЬМЕ ОБРАЗА...»****ЗОЛОТЫЕ ХОЛМЫ**

Мы сумели пройти беспредельные дали
И скопление мёртвой клубящейся тьмы.
И вернулись домой, и застыли в печали.
– Что там, брат, впереди? – Золотые холмы.

Может, это обман изнурённого зренья
Иль видения бреда морочат умы.
Как престолы, сияли они в отдаленье.
На отлёте Отчизны – золотые холмы.

После бражных пиров и куражного срама
Безучастное сердце забилося в груди.
Ведь вершина холма – это место для храма.
Если высится храм, мы проложим пути.

Это зрело в веках, это было издревле,
Словно ветер, и степь, в степи ковыли.
Здесь встречается свет, нисходящий на землю,
С благодарственным светом родимой земли.

Замираю – пред Славой грядущей – в поклоне.
На ресницы слеза набегает, светла...
Как возжжённые свечи, в малиновом звоне
Надо мною плывут купола.

РОЖДЕСТВО

Хвала тебе, мать! И годы спустя
Не тронет твой образ дыхание тлена.
Над миром восходит знаменье Вождя –
Звезда Вифлеема, звезда Вифлеема.

Звезда, как и Слово, не знает границ.
Она озарит гефсиманские кроны
И храм, что падёт пред язычником ниц,
И холм искупленья, и воды Кедрона.

Исход декабря. Но в степи борозда
Черна и черства. Снега нет и в помине.
– Господь, укрепи меня! – просят уста.
В рождественском празднике – привкус полыни.

Исполнен печали рожденья устав,
Так Воля Господня издревле судила.
Качаясь от боли – как Руфь и Рахав –
В беспамятстве губы она прикусила.

Она одинока в пустынной ночи,
И нет ей подмоги в том акте великом.
Так плачь же, Мария, и в голос кричи,
На крик твой Младенец откликнется криком.

Все ближе пророком предсказанный час,
Устам нечестивым ниспослана милость.
На стыке столетий младенческий глас
Вы слышите, братья? Свершилось, свершилось...

Восстанем от морока долго сна,
Рождённые свыше не ведают злобы.
Омоет Его Иордана волна,
Как ране – вода материнской утробы.

В разошедшие ясли постелит рядом
Мария, улыбки смиренной не пряча.
Она и не знает, что ей суждено
Застыть у креста изваянием плача.

На плоску осыплется свечки нагар,
И к сердцу внезапно подкатит кручина
В тот миг, когда смиру – провидческий дар –
Волхвы принесут к изголовью сына.

Спит Первенец в яслях. Просёлки глухи,
Лишь изредка вскрикнет полночная птица.
В лощине костёр разожгли пастухи,
И пятна огня обозначили лица.

Отведали вдосталь нехитрой стряпни
И стали устраивать место ночлега.
Пришествия Бога не ждали они,
Их души снедало предчувствие снега.

И снег, словно свет, снизошёл с высоты
.Он был вожаденнее манны небесной.
Мерцала пороша на склоне гряды,
На кровлях лачуг и на храмине местной.

Снег выпрямил кручи вдали и вблизи,
Поскольку щедры были горние сферы,
И страждущим всем приготовил стези,
Ведущие к входу заветной пещеры.

И Ангел Господень предстал пастухам:
– Я радость великую вам возвещаю...
По снежным просёлкам, по торным снегам,
К Спасителю мира припасть возжелая,

Мы двинулись скопом. Мы пастырям вслед
Ступаем по снегу скользящей стопой.
Смотрите, над яслями зыблется свет,
И темени бездна стоит за спиною.

Словно памятные святцы,
Строки теплятся в груди.
Уходить, чтобы остаться.
Возвращаться, чтоб уйти.

И не праздные прогулки,
Не морока, не тщета....
Но в знакомом переулке
Внове всё, как и всегда.

В этом крохотном пространстве
Снова властвует зима.
В хрупком праздничном убранстве
Дерева, как терема.

Безмятежный белый снеже.
Бесконечный чистый свет.
То ли я пока и не жил,
То ль меня в помине нет.

И храню в душе, как милость,
Уверение одно:
– Господи! Ведь то случилось,
Чему быть не суждено.

Звезда – для знамени,
Для злака – земля.
И это незыблемо – ныне и присно.
Пусть вечно вершится под кровлей жилья
Рождение жизни и скорбная тризна.

Есть разум во всём, и слепому зерну
Дано – пусть однажды – взойти из-под спуда.
Господь милосерд – в подтвержденье сему
Не стоит выпрашивать вещего чуда.

И следует жить, доверяясь судьбе,
И, взглядом касаясь рассветного неба,
Не требовать больше, чем нужно тебе.
Ни блага мирского, ни влаги, ни хлеба.

Лишь свет приглушённый и плоскость стола.
Подступят слова в тишине нелюдимой.
И Божьего слуха достигнет хвала
За миг на земле, мимолётный, единый.

От Господа – щит наш...
Псалтирь, 88,19

Я говорю себе – пора.
Но в темноте не слышно слова.
И ледяная глубь двора
Родней оставленного крова.

Я говорю, и мне в ответ –
Небесных сфер звенящий трепет.
И слабый отдалённый свет,
Как паводок, растёт и крепнет.

День только начат, но уже
Я повернуть назад не вправе.
Стою на смертном рубеже,
Готовый к подвигу и славе.

И гнёт сомнений не томит.
Внимаю Божьему реченью.
Ничто меня не устрасит
И не повергнет к отрешенью.

Вдали светлеет небосклон.
Стою, открыт и непреклонен.
За мной – сияние знамён,
И перед грудью – щит Господень.

Это труд – состраданье.
Так случалось всегда,
Меж людьми расстоянье
Сокращает беда.
Это вечное право
Языком не молоть,

Дать убогим хотя бы
Хлеба грубый ломоть.
Жить не праздным рассудком,
Видя в роскоши – толк.
... Это – друг перед другом –
Искупительный долг.

МАТЬ

Этот сон донимает упрямо
И покоя никак не даёт.
Снилось мне, что ослепшая мама
Проводила меня до ворот.

Вечерело ... Я помню поныне
Синий сумрак короткого дня.
– В добрый путь, мой возлюбленный сыне!
И крестом осенила меня.

Я слегка задержался с ответом.
Загляделся в родные глаза,
Что мерцали слабеющим светом.
... Так сияют во тьме образа.

По небу облако скользило,
И на лицо ложилась тень.
Я не нашёл твоей могилы
В печальный поминальный день.

И я прикрыл устало веки
От бесконечной синевы.
Шумели скорбные побеги
Сухой кладбищенской травы.

Так и стоял, осознавая,
Что этот день мне так постыл.

Я не пришёл к тебе, родная,
И хлеба не переломил.

Всё это было не случайно –
Вот так заплакать в тишине,
Чтоб неожиданная тайна
Невольно приоткрылась мне.

Я шёл безмолвно и бесславно,
Грустя от мыслей непростых...
– Дано умершим это право –
Презреть раскаянье живых.

Глядит в упор безжалостная старость.
Скорбеть не стоит бедам вопреки.
Что в этой жизни, в сущности, осталось?
– Молитва и прощальный взмах руки.

Но даже там – у вечного порога,
В неодолимый и печальный миг,
Просить я буду милости у Бога
Для всех презренных, бедных и больных.

ИСЦЕЛЕНИЕ ПРОКАЖЁННОГО

*И вот, подошёл прокажённый
и, кланяясь Ему, сказал: Господи!
если хочешь, можешь меня очистить...*

Матфей 8, 2

Я с ним столкнулся в пёстрой толчее –
Лицом к лицу – на рынке в Вифсаиде.
Был душный полдень. В рыбьей чешуе
Дробилось солнце. Пахло прелым злагом,

Навозом, сукровицей палых смокв
И травами египетского плена.
Струился мёд, как зною пелена.
Звучал картавый галилейский говор.

Отрывисто и звонко хлопал бич
В загоне для скота. Вдали шумело море,
А в двух шагах почтенный прозелит
Вёл пылкий торг на греческом наречье.

Он брёл один вдоль глиняных лачуг,
«Нечист! Нечист!» выкрикивая хрипло.
Сухой обезображенной рукой,
Как птичьей лапой, суковатый посох

Сжимал. Лицо в гноящихся буграх,
Багровое, как пьяный лик сатира,
Он прикрывал изорванным плащом.
Зной не спадал. И плоть его смердела.

За годы странствий на лице земли
Я не встречал ещё ничтожней твари,
Чем этот прокажённый. Видит Бог,
Нет пагубы страшнее чёрной лепры.

И всё же он внушал невольный страх,
Недаром был гоним он отовсюду
Людской толпой. Как часто неприязнь –
Лишь хорошо скрываемая зависть.

Он был свободен, как любой изгой.
Копьём его коснуться не решались
Солдаты Рима. Не хватал его
Прислужник-мытарь за полу хитона.

Он был свободен. Лишь один Господь –
Изгою кесарь. Доблестная участь!
... Я отшатнулся. В сторону свернул
И под ноги швырнул ему динарий.

2

Совсем неожиданно – сорок дней спустя –
Мы встретились. То было в праздник Кущей.
Он шёл в толпе. Он не скрывал лица,
Очищенного от зловонных струпьев.

Кто от проказы исцелил его?
Кто руку протянул к его позору?
На площади светильники зажгли –
По окончанию праздника – левиты.

Люд ликовал. Плясали языки.
И он, счастливый, ликовал со всеми.
Так кто же тот, которому дано
От Бога власть над обречённым телом?

Я понял всё... и кинулся к нему.
Кричал в лицо. Нещадно тряс за плечи.
И он, не унимая влажных глаз,
Ответил: «Иисус из Назарета».

Сергей ЧЕРНОЛЕВ родился в г. Резина Молдавской ССР в 1957 году. Работал токарем, художником-оформителем, слесарем по обслуживанию автомобилей, гончаром и обжигальщиком керамики. С середины 80-х активно публикуется в периодике и альманахах Молдавии и Приднестровья. Член Ассоциации русских писателей Молдовы, член Союза писателей Приднестровья. Автор сборников стихов «Високосные дни» и «Золотые холмы», книги литературных пародий «Восьмая нота». Регулярно печатается на страницах литературных альманахов и периодических изданий России, Молдовы, Приднестровья, США (газета «Кстати»), Бельгии («Эмигрантская лира»). Творчество его представлено в «Антологии современной литературы Приднестровья». Постоянный автор журнала «Русское поле».



Конкурс святочного рассказа

Первый в Молдове Конкурс святочного рассказа был объявлен в 2015 году Ассоциацией русских писателей Республики Молдова и редакцией журнала «Русское поле».

По глубокому нашему убеждению, только самое серьёзное понимание ответственности за нравственное здоровье общества, совместные усилия по отстаиванию культурной идентичности, гуманистических ценностей православия, исторической правды, помогут выжить нашему народу в захлестнувшем мир богоборческом безумии. А на этом пути можно решать не только глобальные задачи, но и вести «бои местного значения». Наш конкурс можно считать одним из эпизодов такого «боя».

Возвращая на молдавскую землю, казалось бы, совершенно утраченный литературный жанр, мы радуемся и предвкушаем новые открытия в нынешнем году. Ведь конкурс снова объявлен, а победители его будут названы уже в будущем, 2017 году, накануне праздника Крещения Господня.

Жанр Святочного рассказа, зародившийся в Европе с лёгкой руки Чарльза Диккенса, прижился и нашёл благодарного читателя в России. Звёздные имена авторов, которым полюбился этот тёплый жанр – Фёдор Достоевский, Антон Чехов, Александр Куприн, Владимир Короленко, Леонид Андреев. А писатель Николай Лесков, тоже поклонник святочного рассказа, столетие назад точно определил задачу нашим конкурсантам: «От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера – от Рождества до Крещения, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец – чтобы он оканчивался непременно весело».

Ну, а насколько лучшие из присланных на конкурс рассказов соответствуют этим требованиям, судить, дорогие наши читатели, вам. Членам жюри так понравились все тексты, что случилось волшебство, как бывает под Рождество: победили все авторы. Всем вручили Почётные дипломы, книги от Российского центра науки и культуры и призы от Русской Свято-Георгиевской церкви.

Публикуем два из конкурсных рассказов.

ДЕНЬ, ВЕЧЕР, НОЧЬ

ДОЧЬ. Настроение у Катьки хуже некуда. Что за радость от искусственной ёлки? Настоящая им не по карману. И в чудеса Катька не верит. Загадать-то она загадала, но желание её никто исполнять не торопится. Новый год прошёл, Рождество на носу, и с каждым днём надежды всё меньше.

Снег слегка припорошил землю и сразу не то чтобы растаял – просто исчез, испарился, словно и не было. Ни погулять, ни в снежки поиграть, ни на санках прокатиться. За окном молочный кисель, и то ненадолго. На часах нет пяти, а кажется – ночь.

На кухне мама крутит голубцы, будто вот-вот нагрянут гости. А кто к ним придёт? Никто.

– Катюня, ты чего в темноте сидишь?

Она торопливо шмыгает носом:

– Берегу электричество.

– Хватит экономить. Праздник пришёл!

Никто не пришёл, вертится на языке, и не придёт, но не хочется расстраивать маму.

МАТЬ. Ночью приснилось: она в байкерском клубе, куда брала с собой бабушка; вокруг щеголяют татушками седые пижоны. Один, как маленькую, погладил по голове, другой похлопал по плечу, а третий, старый греховодник, потихоньку сунул ей в карман сложенный листок. Она проснулась и пожалела, что не успела прочесть записку. Глупость сплошная! Но сердце взыграло, она уж и забыла, как это бывает.

Раньше к праздникам разменивала деньги, накупала конфет и пекла печенье. Колядовать собирались дети со всей округи. Последние годы почему-то никто не приходит рассыпать на пороге рис, петь песенки по-русски и по-молдавски с неизменной присказкой под звон колокольчика и рёв «бугая»: «Открывайте сундучки, доставайте пяточки!».

Сменились соседи. Выросли дети. Нынешние не отлипнут от ноутбуков и айпадов ради мелочи и горстки сластей. Или, может, родители не разрешают. Она и сама побоялась бы Катюню отпускать, вдруг кто спьяну обидит.

Никогда не была трусихой, а теперь от любого скрипа вздрагивает. Приступы паники, доктор говорит, – признак депрессии. Она и сама диагноз может поставить. С тех пор, как пропал муж, пусто в квартире, пусто в мире, пусто внутри. И не заполнить эту пустоту, сколько ни загружай себя работой.

Но сегодня всё будет по-другому, сказала она своему отражению в тёмном зеркале. И в ту же минуту нащупала в кармане бумажный комочек. Как во сне! Руки тряслись, пока разворачивала. На измятом листке прочла: «Кутья (сочиво, коливо). Отварить цельные зёрна пшеницы, добавить толчёные орехи, распаренные сухофрукты и мак, растёртый с мёдом. Украсить изюм...». А чего ждала? Смех, да и только.

ОТЕЦ. Никого не вини, повторяет мама, пока не выслушаешь другую сторону. Но Катька винит. Когда умер любимый кот Марсик, отец не пришёл и даже не позвонил. И был ведь совсем рядом. Мама уже писала заявление в полицию, а тут соседка ей:

– Твой-то у Ляльки ночует! Да Лялька же, второй корпус, пятый этаж... Не его первого шалава из семьи уводит!

Потом Катька увидела отца во дворе. Побежала следом: «Папка!». Он не обернулся, хотя слышал, не мог не слышать. Чуть заметно напряг спину, покраснел шейей. Как током ударило: отец шёл с чужой тёткой, держал за руку чужую девочку, – и слова застыли у Катьки на губах.

Может, он потерял память, как в кино? Или выполняет секретную миссию. Да мало ли... Фонарь за окном мигает. Тоже не верит в детские сказки.

ГОСТЬ. Закончил визит, стал спускаться, но прихватило, повело в сторону, к чужому порогу. Не было сил позвонить. Стоял, прислонясь, старался дышать. Дверь открылась, как будто его ждали. Малая с косичками: «Па... Ой, дед Мороз!». Извини, без подарка, хотел сказать, но губы не слушались. С грохотом

рухнул посох, и он впал в квартиру, увидел встревоженное женское лицо и сполз по стене.

Очнулся на диване. Рядом сложены шуба, шапка, борода. Возникает малая. «Не знала, что деды Морозы бывают лысые». Ничего-то ты не знаешь.

– Катюня, отстань, – командует женщина. И ему: «Держитесь, скорая едет».

Для него, как и для врачей, в праздники – самая запарка, особенно на Новый год и Рождество. Здоровье вот подвело. Возраст, что делать. Пора завязывать.

«Где больной?» От фельдшера несёт бухлом. Но в вену попал. «Семейный врач, кардиограмма, гипертония, погода...». Он улыбается, уплывает в сон. Хорошо, когда кто-то рядом. Пусть не родня – приютили, и на том спасибо.

МУЖИК В ТАПКАХ. Вырвался, вроде как покурить. Угар прошёл, утомлял животный Лялин голод, раздражали её бабские уловки. Давно нужно было объяснить с женой, но чувство вины и стыда всё нарастало, и чем больше проходило времени, тем невозможней казалось возвращение. Он скучал по дому и, переминаясь с ноги на ногу, поглядывал на свой подъезд, на фургончик с красным крестом. Скорая? Мила, Катюша?! Вышли доктор с чемоданчиком и медсестра, зафырчал мотор. Он прошлёпал по лужам, рванул вверх по лестнице. Дверь нараспашку, запереть-то некому. И его девочки, живые, слава те господи, невредимые! Обе смотрят на него с одинаковым выражением – вопросительно-недоверчиво.

– Мне... меня... – сбивчиво начал он и тут увидел, что какой-то лысый хрен внезапно разлёгся на семейном диване. – А это кто такой?! Дядюшка из Калараша?

– Толя, – ахнула жена, – это не то, что ты думаешь!

– Как ты могла? Интеллигентная женщина! – и он двинулся на захватчика родной территории. Но навстречу метнулась Катька, огрела отца волшебным посохом.

– Сам виноват, – крикнула она, – изменщик коварный! – и заплакала впервые за два месяца.

РОЖДЕСТВО. В кухне шёпотом ругались родители, потом притихли – помирились. Часы пробили двенадцать. Разом рванули петарды, небо расцвело, разошёлся туман. Под окнами взревели мотоциклы, трое байкеров – белые космы, косухи – погнались на восток, к Чеканам, где уже разгоралась яркая звезда. Померилось, подумала Катька, зевнула и пошла к себе. В зеркале мелькала встревоженная тень: бабушка мусолила карточную колоду, поджимала губы – не одобряла. А на мягком диване спал как младенец Михаил Кудрин, кличка Кудрявый, и в красном мешке Деда Мороза нежно позвякивала последняя пожива старого домушника – рыжьи и бельё с верхнего этажа.

Александра ЮНКО

СИНЯЯ РУКАВИЧКА

Новый год встретили весело, но не было главного его атрибута – снега. Снег пошёл только в первых числах января. Вначале он был мелкий, робкий, неуверенный, но с каждым днём чувствовалось, что зима вступает в свои права: начались морозы, и снег падал большими, белыми, лохматыми хлопьями. И вскоре всё кругом покрылось чистым сверкающим полотном: крыши домов, деревья, земля. Великолепен был зимний пейзаж! Природа словно надела на себя царственный, торжественный наряд: готовилась к Рождеству.

Светлого Рождества с нетерпением ждали и все жители села. И вот наступал рождественский вечер. Когда я была маленькой, я не могла дожждаться его. С самого утра шестого января я что-то приносила, уносила из дома на кухню, помогая маме, но, наверное, больше путалась у неё под ногами. Мама была отличной хозяйкой, у неё в руках всё спорилось, и готовила она очень вкусно. Когда часы показывали четыре, мама, умытая, красиво причёсанная, одетая в свою праздничную одежду, ставила на стол приготовленные ею блюда. В центре горкой стояли три больших калача, их мама пекла сама, на которых были конфеты, печенье, румяные булочки с маком (такого сдобного я больше ни у кого не пробовала). И над всем этим великолепием возвышалась толстая, высокая, настоящая восковая свеча, сделанная мамиными же руками из нашего домашнего воска, так как отец занимался пчеловодством. Рядом с калачами ставилась большая тарелка, каждый год одна и та же, мама её берегла для торжественных случаев, её когда-то нам подарили, – с зелёными полями и золотистой каёмочкой, в которую выкладывалась кутья с леденцами и конфетами-горошками. Ещё на стол ставили несколько приготовленных тарелок с кутьёй и калачами. Их потом мама относила за поману за своих родителей и брата, погибшего на войне. Когда мама, весёлая, улыбающаяся, зажигала большую свечу, я понимала, что наступил Святой вечер.

Наконец-то очередь доходила до меня. Мама брала новое белое вафельное полотенце, расстилала его на столе, на середину укладывала калачик, специально испечённый для этой цели для меня, яблоко, конфеты, орехи, печенье, завязывала крест-накрест концы полотенца и давала мне в руки со словами: «Вот теперь можешь идти. Не забудь слова: «Просылы вас тато и мама, приймить вечерю». Это был долгожданный, счастливый момент. Я вспархивала бабочкой и начинала свой добрый обход: вначале я шла к тёте Марушке, потом к тёте Анне и дедушке с бабушкой, потом к нанашкам. Иногда я забывала говорить слова, которые повторяла действительно мама, но все понимали, зачем я пришла. И радостно улыбались. По дороге я встречала других детей, которые, как я, разносили «вечерю», получая гостинцы. Возвращалась домой я всегда довольная и счастливая с множеством конфет, орехов, а, главное, с подарками. Один презент запомнился мне на всю жизнь. Мои нанашки подарили мне ситцевое с цветочками платье (по тем временам это был дорогой подарок), но не угадали с размером и мне пришлось очень долго ждать, чтобы его надеть. Как давно это было! Какое счастливое это было время...

Я, как и мама когда-то, с грустью вспоминая о том далёком прошлом, накрывала на стол, но не было уже того обилия блюд, какое было у мамы: калачи и свечи куплены, а не сделаны своими руками. По традиции поставила в центр стола три калача со свечой, тарелочку с кутьёй и ещё две тарелки с кутьёй и калачами,

которые собиралась отнести за поману. Всё было очень скромно. Я зажгла свечу и присела рядом у стола. Свеча мерно потрескивала, язычок пламени чуть-чуть колебался, наверное, от моего дыхания. И чем дольше я за ним наблюдала, тем загадочнее он мне казался.

Вдруг я услышала какой-то отдалённый шум, гомон, а потом явственно стала различать весёлые голоса. Дверь в комнату открылась, и вошли молодые, красивые, румяные от мороза, как на старых фотографиях, мои родители, два маминых брата с жёнами, мамина сестра, тётя Марушка с мужем. Я вскочила обрадованная, чтобы рассадить, угостить дорогих гостей.

- Раздевайтесь, присаживайтесь к столу! – приглашала я.

- Нет, мы всего на минутку. Мы к тебе случайно зашли, увидели свет в твоём окне. Мы захотели тебя поздравить с Рождеством и пожелать тебе крепкого здоровья ещё на многие годы, – отвечали такие родные мне люди.

- А куда же вы собрались все вместе так дружно, как когда-то? – поинтересовалась я.

- Мы хотим навестить Надьку, она нас ждёт, – ответила мама.

- Но уже темнеет, – забеспокоилась я.

- Ничего, мы как-нибудь доберёмся, – успокоил меня дядя Вася.

Они дружно кружочком сели на диваны и продолжали разговор, начатый, наверное, до того, как вошли ко мне в дом. Они были так увлечены разговором, что не замечали меня. Я смотрела на них и любовалась ими. Бабушка Анастасия очень рано осталась без мужа с восьмью детьми, но сумела воспитать в них любовь и уважение друг к другу, несмотря на войну, голодовку. В её семье старшие помогали младшим, а младшие уважали и слушались старших. Взаимоуважение, взаимопомощь, любовь и забота – качества, которых в современном мире так не хватает. Вот рядышком сидят мои любимые дядя Сашка и дядя Вася, улыбающиеся, с живым чувством юмора, готовые всегда прийти на помощь маме.

...У моих родителей долго не было детей. Отец мечтал о дочке. И когда я появилась на свет, папа был на седьмом небе от радости. Когда меня привезли из роддома, стали думать, как назвать дочку. И тут вовремя появились два маминых брата – Сашка и Вася. Они сказали, что имя должно быть очень красивое и должно сочетаться с отчеством. Долго они думали, перебирали имена и, наконец, решили, что племянницу назовут Валентиной ...Валентиной Павловной. А ещё решили, что с таким именем племянница обязательно должна стать учительницей. В то время учитель в селе был очень уважаемым человеком; учителя, выходцы из родного села, были большой редкостью. Я им так благодарна за имя и за предсказание судьбы!..

Рядом с братьями сидит тётя Марушка с мужем Иваном. Во время голодовки дядя Иван спас от голодной смерти всю бабушкину семью. А было это так. Когда началась война, дядя Иван отправился на фронт, дошёл до Берлина. После Победы его не демобилизовали, а отправили в город Стрый на Украине, так как там действовали банды националистов. В городе он работал заместителем начальника военной пекарни. А в Молдавии 1946 год после засухи был неурожайным, да ещё местная власть по указке вышестоящих органов забирала в счёт налога незаконно у людей не только излишки зерна, но и самое необходимое. У бабушки забрали зерно, в снопах припрятали немного кукурузы, и её нашли, на чердаке был горшок с фасолью и его унесли. И началась голодовка. Старший сын бабушки по-

гиб на войне, две дочки были замужем, а остальные пятеро детей еле выживали с бабушкой. За ведро картошки бабушка отдала большой ковёр, а потом готовила кашу, которая состояла из кукурузной муки, лебеды и древесных опилок. Люди шли по дороге, падали и умирали от голода. Правительство организовало в селе столовую, чтобы поддержать тех, кому совсем нечего было есть. Так как тётя Надька работала секретарем сельсовета, то её и ещё двух женщин взяли готовить еду для голодающих. Брать домой продукты строго запрещалось. Чтобы спасти свою семью, тётя Надька выливала вместе с помоями на улицу или одну рыбку, или кость, а дядя Сашка быстро подбирал и бежал домой. Но для шестерых этого было очень мало, поэтому решили, что тётя Марушка и тётя Надька поедут к дяде Ивану, и если они устроятся на работу, то к ним поедут и младшие. А столовую через три месяца закрыли. Когда уже отправились в Стрый Сашка и моя мама, то беженцев было очень много. Милиция не пускала в переполненные вагоны, и люди лезли на крыши вагонов, их оттуда гнали, били скрученными проводами. Мама и дядя Сашка тоже залезли на крышу вагона, но когда их оттуда сгоняли, мама уронила маленький узелок, в котором была еда для них, узелок упал на рельсы, и мама, не задумываясь, выхватила его прямо перед идущим поездом. Милиционер покачал головой, так как поезд мог отрезать девочке руки, пожалел и посадил их в поезд. Маме тогда было шестнадцать... В городе они прожили больше года, а затем их отправили домой, чтобы поддержать бабушку и дядю Васю, дали соли, немножко муки, сухарей, продали мамину вязаную кофту и купили мешочек картошки. В конце 1948 года дядя Иван демобилизовался и вместе с женой, с сыном и тётей Надькой они вернулись в село ...

Раздался удар колокола. Мои гости быстро встали, попрощались, велели не провожать и весёлой стайкой выпорхнули из комнаты. Закрылась входная дверь, раздался второй удар колокола, затем третий ... И я очнулась.

В комнату вошёл сын:

– Ты ещё не готова, я так и знал.

– Пять минут – и я оденусь.

Я сложила тарелки и калачи в два пакета и невольно оглянулась на диваны, на которых только что сидели такие дорогие сердцу люди из моего детства. На одном из диванов лежала забытая синяя рукавичка ...

Мы вышли. Торжественно звонил колокол. Небо было усеяно многочисленными звёздами. Снежные шапки на деревьях, домах, заборах. По сторонам дороги – большие сугробы. Подморозило, снег скрипел под ногами. По всему селу горели фонари. Взрослые и дети, поодиночке и группами, спешили, кто в церковь, кто к родственникам. На душе было легко, спокойно и радостно.

Как хотелось бы, чтобы эта православная традиция сохранялась, жила. Чтобы и мои внуки, правнуки через многие годы вспомнили обо мне в такой же вот зимний Святой вечер...

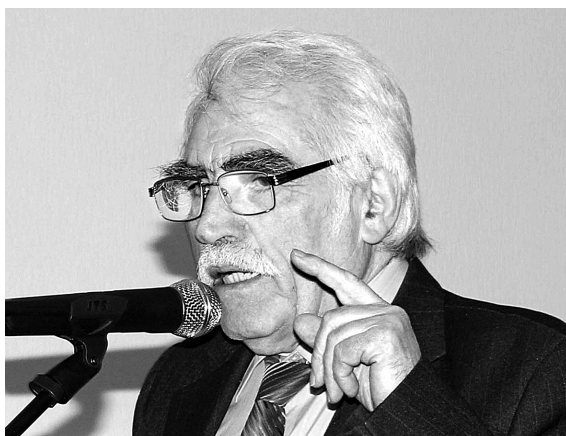
Валентина КОВАЛЬ, учительница русского языка и литературы лицея
им. Дмитрия Кантемира в г. Рышканы, живёт в селе Нагоряны.



Один в поле - воин

«О ГОСПОДИ, Я ВОЗЛЮБИЛ ВРАГА!»

Борису Мариану – 80



Известный в Молдове и за её пределами публицист, поэт, переводчик, общественный деятель. Член писательских Союзов Молдовы, Украины, России. Автор десяти поэтических книг на русском языке.

В творческом багаже писателя нескольких книг документальной прозы на молдавском языке и пять детских книжек на обоих языках. В 2011 году в Киеве и в Кишинёве одновременно вышла его поэма «Сказ о Белом аисте» на украинском, молдавском и русском языках.

Более полувека успешно работал в республиканской печати – корреспондентом, главным редактором правительственной газеты «Независимая Молдова», генеральным директором Информационного агентства «МОЛДПРЕС», главным редактором журнала «Молдова». Активно участвует в политической жизни страны, ратую за независимость и целостность Молдовы, отстаивая идею самобытности молдавского народа, его право на государственность. Печатался в России, Румынии, Украине, Турции, Венгрии.

В настоящее время пишет мемуары и работает на общественных началах в Международной организации Платформа «Диалог Евразия», выступает в прессе против румынизации страны. Ни в каких политических партиях не состоял.

Дважды лауреат Национальной премии в области публицистики, дипломант Литературной премии имени Великого князя Юрия Долгорукого. Удостоен высшей государственной награды – «Ордена Республики». Награждён правительством Венгрии медалью и орденом «Венгерская революция 1956 года», а правительством России – юбилейной Пушкинской медалью.

ЕЩЁ ОДНА РАДУГА ПОЭТА

Свою третью поэтическую книгу, написанную в 1987 году, Борис Мариан назвал «Третьей радугой». Следуя за этой метафорой, я озаглавил моё вступительное слово к его седьмой книжке «Нить моей Ариадны» так: «Седьмая радуга Бориса Мариана». И вот оказывается, что мой кишинёвский друг и земляк, подготовив к изданию новый, очередной сборник – «Один на льдине», зажгёт уже десятую поэтическую радугу в молдавском небе. Простите, дорогие читатели, но сами видите, я и на сей раз не могу избежать похожего заголовка. Тем более что в поэтической оптике автора радуга является также связующей нитью времён. Пользуясь случаем и исключительной возможностью, сердечно поздравляю Бориса с юбилейным 80-летием и желаю, чтобы десятая радуга была у него не последней.

В 56–57 годах прошлого века десятки тысяч сталинских политзаключённых возвращались из лагерей, а на смену им на нары отправлялись первые хрущёвские, получившие кличку *диссидентов*... Среди них был и двадцатилетний юноша Борис Мариан, студент Киевского университета, недавний участник моего литобъединения при газете «Молодёжь Молдавии». К тому времени он уже успел прогневить партийное руководство Кишинёва, Москвы и в особенности Киева, которое направило по его следу вездесущие «органы», слегка присмирившие в связи с памятной «хрущёвской оттепелью». За ней, однако, вскоре последовали хрущёвские же заморозки. Пять самых лучших молодых лет он провёл в тюрьме и в мордовских лагерях для политзаключённых, в небезызвестном «Дубравлаге». Да и потом, после освобождения, до перестройки, власти держали его, что называется, в чёрном теле. Таким образом, Борис рано, даже очень рано обрёл то, что считается абсолютно необходимым для писателя – *судьбу*...

Не буду настаивать на этой особенности его биографии, чтобы не заслонить в ней основное. А основное – это поэтическое дарование. То, которое отличается своеобразием, верностью себе, умением сделать своё заветное притягательным для читателей и открытым миру (недаром свой предыдущий стихотворный сборник он назвал «Наедине со всеми»!).

Сильно и ёмко «сформулировал» Борис Мариан наше недавнее прошлое:

*«Объездил я в поисках рая
Огромную зону – Союз...»*

Тут и пережитая нами утопия – рая на земле, и пережитое поэтом лично – зона, и более чем лично – конкретное слово становится метафорой: «первая страна социализма» действительно превратилась в огромную зону, отгороженную от остального мира, если не колючей проволокой, то железным занавесом. Поэт захватывает серьёзные нравственно-социальные и политические темы, естественно переплетая в своём творчестве любовную лирику с гражданской, публицистику с поэзией. Уверен, что эта книга, благодаря такому удачному литературному сплаву, надолго и прочно запомнится читателям.

У Бориса Мариана не так много стихов о любви к Молдове, зато все они запоминаются и соседствуют со стихами, полными любви к России, Украине, Абхазии, Крыму. Иначе, по-моему, и быть не должно, потому что поэт – это мост через границы, пропасти и зоны.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ,
русский поэт, прозаик, литературный критик и переводчик

ПОДВИЖНИК

Однажды январским вечером 1957 года мы, студенты четвёртого курса факультета журналистики Шевченковского университета в Киеве, белорус Степан Михайлюк-Каштелянчик и я, грешный, курили тайком от коменданта у окна общежития по улице 6-ой Новой.

Не успели мы обменяться несколькими фразами, как вдруг рядом, будто из-под земли, выросли двое незнакомых мужчин средних лет, спортивного вида, прилично по-зимнему одетых. Один из них спросил, где тут проживает студент Мариан? Ничего плохого не подозревая, мы показали комнату на первом этаже.

– Что ж, пойдёте с нами – будете понятыми при обыске!..

Так мы стали невольными свидетелями ареста нашего однокурсника – молдаванина Бориса Мариана, имя которого на тот момент стало популярным среди киевской молодёжи в связи с его антисоветскими высказываниями и громогласным собранием, исключившим Бориса из комсомола...

Как видите, я начал вступительное слово с горького воспоминания об этом эпизоде более чем 50-летней давности, чтобы современный читатель объёмной воспринимал поэзию этого безоговорочно талантливого мастера – и как творца, и как гражданина. Борис Мариан принадлежит к тому отряду словотворцев, ныне, увы, немногочисленному, у которых слово никогда не расходилось с делом. Удары судьбы не сломили его. После тюрьмы он сумел окончить Литературный институт имени Горького в Москве, руководил важными печатными органами. Но первой и пожизненной его любовью остаётся Поэзия.

Я бы хотел, чтобы современный украинский читатель, особенно молодой и очень молодой, прочитал под этим углом зрения поэму Бориса Мариана «Легенда о Белом Аисте», в основу которой положена молдавская народная легенда о верности, любви и присяге. Думается мне, что украинские издатели заинтересуются творчеством нашего молдавского собрата и удосужатся опубликовать весомый сборник его замечательных стихотворений. Кстати сказать, тюремное творчество Бориса уже вошло в классику зековского фольклора.

Я счастлив, что небо подарило мне такого побратима, который стал для многих из нас, его ровесников, нравственным мерилom в борьбе за социальную справедливость, национальное достоинство, верность в дружбе, за духовную чистоту и честность.

Борис ОЛИЙНЫК,
народный поэт Украины (Киев, 2011 год)

ИМЕНЕМ ОПЛАЧЕНО

В русскоязычном многоголосии Молдовы, где, кроме русских, звучат и украинская, и гагаузская, и болгарская, и еврейская струны, его голос поражает неповторимыми, рвущими душу, порой умиротворяющими, но всегда жизнеутверждающими обертонами.

Мудрец и полемист, максималист, когда дело касается государственности Молдовы; остросоциальный публицист, лирический поэт он в свои 80 готов хоть до утра вести молодые споры о былой и новой эпохах, о судьбах литераторов и

литературы, о предательстве и способности прощать. И о том, что в жизни время от времени, происходят настоящие чудеса. Надо только верить... Борис Мариан верит в Молдову, в народ молдавский и в силу поэзии.

Эпоха формирует личность

Как рассказывает «аксакал» молдавской русскоязычной лиры, с поэзией он соприкоснулся ещё в раннем детстве. «Притом что жили мы в глубинке, в приднестровском селе, – говорит Борис Тихонович, улыбаясь в усы, – казалось бы, какая уж там поэзия! Когда я родился, время было ещё горячее, послереволюционное. Шла коллективизация, индустриализация. Отец читал мне вслух сказки Пушкина. Он-то и заронил в мою детскую душу первую искру поэзии, приохотил с шести лет к чтению».

Гигантский социальный разлом, возникший после революции 1917 года и разгоревшейся на просторах бывшей Российской империи гражданской войны, прошёл и через семью Марианов. Это стало драмой всей жизни Бориса Тихоновича. Отец его был прирождённый анти-большевик, а вот старший брат Александр стал пламенным защитником Советской власти, комсомольцем 30-ых. Это был не просто воинствующий атеист, а ярый активист колхозного строительства. Он не сомневался: большевики строят справедливое государство, и весь мир надо большевизировать. И, как говорит Борис Тихонович, был он честнейший, искренний человек. О том, какие муки он испытывал, сталкиваясь на каждом шагу с несправедливостью, косностью и тупостью советской партийной бюрократии, Мариан узнал много позже из его дневника, который брат вёл с 11 до 78 лет, то есть до самой кончины. В эту огромную рукопись (две тысячи страниц мелким почерком!) поместились коллективизация и довоенные политические репрессии, вся Отечественная война, послевоенные надежды, вся советская действительность, увиденная глазами сельского паренька, комсомольского активиста, колхозного председателя, фронтовика, пенсионера.

«Брат никогда не врал, и отец всегда был честен, но у каждого из них была своя правда жизни, своя вера. Они оба живут во мне неутихающей болью», – Борис Тихонович надолго замолкает...

Энергия творчества

Мариановская фамильная черта – бурлить и разбрызгивать через край энергию жизни, энергию творчества. По окончании школы выпускника мучили сомнения: пойти в науку или в журналистику? Победило в нём стремление писать. И он поступил в Киевский государственный университет. Своими корреспонденциями Борис ещё с седьмого класса стал заваливать районку и даже республиканскую газету «Молодёжь Молдавии». Стихами же он просто фонтанировал. Стихи, по словам самого Мариана, были дрянными, слабенькими. И только в университете сокурсник Владимир Приходько (Леин) приобщил начинающего поэта к русской волне Серебряного века (Иннокентий Анненский, Николай Гумилёв, Саша Чёрный, Игорь Северянин, Анна Ахматова). У Бориса Тихоновича до сих пор хранится тетрадь, где переписаны стихотворения больших русских поэтов. Тогда лишь Мариан и стал понимать, что такое поэзия. «Э, брат, сказал я себе, – замечает Борис Тихонович, – тут надо пахать и пахать. Как говорил Маяковский, «изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды».

Студенты-бунтари жаждали перемен и движения вперёд. Как же, культ личности разоблачён, ленинские нормы восстановлены, будем строить социализм с человеческим лицом. Тогда-то они и составили программу переустройства советского общества. И тут вдруг как гром среди ясного неба: в Будапеште молодёжь подняла бунт против своего руководства сталинского типа, на его подавление брошены советские танки! Пролилась невинная кровь. Студенты Киевского университета были возмущены, они вышли на массовый протест под лозунгом «Руки прочь от Венгрии!»...

Потом был ласковый такой, голубоглазый прокурор с проседью, но с иезуитской душой, допрашивая бунтаря, этак, по-отечески говорил: «Мол, Боря, ты, я вижу, хлопец честный... Не мог же ты сам всю эту антисоветскую ахинею сочинить, видно, кто-то из старших надоумил. Да и на эти дурацкие протесты кто-то из-за кулис вас подбивал. Так назови негодяя, пусть он за тебя тюремную баланду похлебаёт! А тебя мы на волю отпустим».

Мариан молчал. И суд вынес приговор: пять лет заключения «За антисоветскую агитацию и пропаганду, изготовление антисоветской литературы». Таким вот образом энергию Мариана упрятали за колючую проволоку. И там, в «Дубравлаге», он прошёл настоящие жизненные университеты. Там наш бунтарь был согрет душевным теплом больших людей, в особенности поэтов. Настоящих – таких, к примеру, как загубленный 30-летним заключением Валентин Соколов.

Студенты, вузовские преподаватели, армейские офицеры и даже люди из рабочего класса, честные ребята, не антисоветчики, а скорее бунтари, бросившиеся по примеру Хрущёва, реформировать диктаторскую партийную систему. Но Никите Сергеевичу, вероятно, показалось, что такие на воле будут опасны для него. За колючей проволокой оказалось много начинающих литераторов, которые кучковались днём в рабочей зоне, по вечерам – в бараках, каптёрках, читали друг другу свои стихи, издавали тайно рукописные литературные альманахи. Пять лет «от звонка, до звонка». Другой бы сломался, сгинул, спился... Но Борис Тихонович ещё в советскую эпоху, на рубеже 70-х, несмотря на клеймо антисоветчика, сумел вернуться в поэзию и публицистику. Для того времени это было настоящим чудом.

Жизнь Мариана вообще полна чудес. Замечательные люди помогали ему на разных этапах жизни. Когда в 1963-ем выгнали из «Молодёжки» и он оказался безработным, главный редактор еженедельника «Культура Молдовой» поэт-фронтовик Петря Крученюк взял его к себе литработником. Ещё большее участие в литературной судьбе Мариана принял Кирилл Ковальджи, ныне крупный московский писатель, наш соотечественник. Он помог Борису Тихоновичу поступить в Литературный институт в Москве. А наставниками бывшего зека в Литинституте были Евгений Винокуров и Илья Сельвинский, поэты высокой пробы. Живое общение с ними дало Мариану намного больше, нежели занятия в официальном семинаре.

Переводчик Борис Мариан

Переводы – важная ипостась его творческого самовоплощения, наряду с поэзией и публицистикой. С переводов молдавских поэтов на русский он и начал свою литературную работу. Эту настоящую профессиональную школу Мариан

прошёл под руководством народного поэта Молдовы Андрея Лупана. Какие бы гадости ни говорили о нём сейчас некоторые из тех, кто, как говорится, «кушал с его ладони» в советские времена, Лупан – это величина в истории отечественной литературы! «В чём-то он был похож на моего старшего брата Александра, – говорит Борис Тихонович, – столь же прямой и непоколебимый, верный Советской власти. Но надо отдать должное Лупану: он не был таким фанатом, как Александр, и даже вступил в своё время в схватку с всесильным правителем МССР Бодюлом, когда многие другие писатели, включая нынешних ярых унионистов, лебезили перед ним. Он видел и знал многое из того, о чём стали говорить и писать лишь в начале 90-х. Лупан был честный мужик – он покаялся перед народом за заблуждения молодости, написав потрясающее откровение в стихах – «Меа culpa». Да такое искреннее, что читать его без слёз невозможно... После него упрекать большого мастера в лакействе перед прежней властью было бы низостью, однако, новое руководство писательского союза 90-х годов опустилось до неё, официально заявив, будто творчество Лупана не представляет никакой художественной ценности...».

Познакомился Мариан с Андреем Павловичем Лупаном в 1972-м, когда в Москве был запланирован выход большого поэтического сборника, и Лупан подбирал себе переводчиков, не доверяя «московским халтурщикам», переводившим с любого языка по подстрочникам.

Мэтр и молодой переводчик сдружились. Лупан терпеть не мог поэтических красотостей. Однажды мастер посмотрел очередной черновой перевод Мариана и сказал с некоторым стеснением, но всё же весьма решительно: «Не надо так красиво! У меня была простая хата, обмазанная глиной с соломой, а у тебя получился мраморный дворец. Верни сюда шершавую лупановскую стенку!».

В 80-е застойные годы Мариан, задумав издать отдельной книжкой фрагменты дневника брата Александра за 1925–1955 годы, попросил Андрея Павловича написать предисловие. Тот внимательно прочитал рукопись, хмуро и долго отмалчивался и, наконец, отказался: «Борис! Я не могу подписать приговор своей молодости и своей жизни, потому что это слишком правдивая книга: она показывает страшную цену того социализма, который мы строили». Вот такой человек был Андрей Лупан. Когда литературные генералы из нашего СП начали антилупановскую кампанию (увы, впереди всех был Григоре Виеру), Мариан выступил в защиту ведущего молдавского поэта, написав, что его критики уподобились прежним партийным гонителям поэта. Лучшее из написанного им, стоит вне времени и вне политики. Например, стихотворение «Имя». Вот лишь отрывок в переводе Бориса Мариана:

«Достойное достойному к лицу –
Ты береги его сильней зеницы ока,
Оно от деда перешло к отцу,
Найдя тебя из древности далёкой.
...Вражду и кривду встретив на веку,
Сквозь горести пройдя и неудачи,
Разбитый, соберись по черепку –
Есть шанс ещё, он именем оплачен!».

Кто из пресмыкающихся перед либеральными властями Молдовы дней нынешних написал хоть что-то похожее? И близко нет ничего подобного! Мариана же всегда доводила до бешенства эта гадкая привычка унионистов «от литературы» лебезить у кресла градоначальника или главы правительства...

Двадцатый век ушёл в прошлое. Сегодня двадцать первый своими информационными вихрями уносит в утиль многое из того, что вчера было привычным. Мариана списать в архив не получается. В свои 80 лет он бодр и актуален!

«Чем скорее наши литераторы – и русскоязычные, и молдоязычные, – утверждает Борис Тихонович, – отойдут от политических коров, питающих их отравленным молоком, тем здоровее и качественнее станет их творчество, тем прочнее будет единство русской диаспоры. Верю, что в ближайшие годы на горизонте русскоязычной словесности Молдовы появятся яркие молодые таланты. Вы же знаете, что я верю в чудеса!».

Михаил ЛУПАШКО,
писатель, общественный деятель

НЕПОКОРНОЕ СЕРДЦЕ ПОЭТА

Яркий человек неукротимой энергии. Правозащитник. Публицист. Нет смысла перечислять все должности и ипостаси, в которых Борис Тихонович неизменно проявлял себя как личность неординарная. Современники знают его неуёмным, активным, мятежным, деловым. Разным. И у каждого сформировался собственный образ Мариана. Впервые встретив его 16 лет назад, я «идентифицировала» Бориса Тихоновича прежде всего как поэта. На одной из встреч первой Ассоциации русских литераторов Молдовы, которые проводил в Союзе писателей РМ её создатель Николай Сундеев, поэты читали друг другу стихи. Вышел коллега «значительной» внешности, сверкнул глазами и очень просто прочитал стихи о том, как зеки нечеловеческими усилиями корчуют пни в местах не столь отдалённых. Как подземный спрут, пень:

*«...Под ругань и при жутком скрежете
Он вырван и заброшен в снег...
И каждый, корни лишь обрежете,
Лежит в снегу, как мёртвый негр...»*

Я хорошо помню, как следом повисла долгая тишина, а потом кто-то неуверенно сказал: несколько, мол, нарочитое сравнение, неестественное: тайга, снег и вдруг – негр... Мы заспорили... Но вот сколько лет уже прошло, а этот образ – живой, яркий, ёмкий – перед глазами. И действительно, что может быть более неестественным и жутким, чем люди, занятые подневольным трудом в ледяном пространстве, ограниченном колючей проволокой?!

Одна из книг Бориса Мариана «Наедине со всеми», вобравшая пять поэтических сборников и стихов разных лет, являет собой, по сути, поэтическую исповедь. Мариан в ней ранимый, распахнутый всем ветрам, тревожный, глубоко чувствующий. Не этакий железобетонный, самоуверенный и неуязвимый в своей

правоте «классик», грешной земли почти уже не касающийся, добившийся при жизни всевозможных почестей, наград и благ, а человек страдающий, страстно ищущий ответов, расшибающий в кровь лоб о «вечные вопросы».

Опыт расплаты за собственное мнение, опыт общения с людьми, жертвующими собой ради справедливости, наверное, дают ему право чувствовать себя избранным, более мудрым и знающим, говорить *с высоты* испытаний и прожитых непростых, полнокровных лет. Но этого не происходит! Горячее, как в юности, непокорное сердце не позволяет Борису Мариану превратиться в «мэтра», снисходительно похлопывать людей по плечу. *«Считать не стану странных вех, но приобщаюсь к древней вере, – Что мир наш вовсе не трёхмерен, И что бессмертен человек!»*...

Не кем быть, а *каким* быть – его пожизненный поиск. До седых волос он экзанирует свою душу на стойкость, на достоинство, он берёт на себя вину за трусость и подлость толпы, распинающей пророка (стихотворение «Убить человека»).

По-моему, Мариан до сих пор живёт чувством неоплатного долга перед теми, кого оставил в лагере, перед тысячами тысяч невинно осуждённых, или виновных в том, что пытались сопротивляться бесчеловечной машине порабощения человеческого духа. *«Моя муза – справедливость, ей и служу»* – его поэтическое кредо. Он не впадает ни в истерику обличений, ни в кликушество лжепророчеств. Его вера во всеислие Духа неизменна. Но он ещё и ДОБР. И благодарен. И благодарен. Без этих качеств любое правдоискательство обречено.

*«Как будто ты всю ночь проплакал,
Обласканный рукой Творца»* – это о первом снеге, о приходе зимы.

*«Сердце громко стучится
В алые двери зари.
Усталое, как волчица,
От бега любовной игры...»*. Это – о предчувствии перемен.

И то, и другое написано в лагере! Там, судя по стихам, кроме жестоких уроков неволи и бесценного дара настоящей человеческой дружбы, Мариану было явлено много чудес. Мне кажется, в том, что он выстоял, вынес из ада веру в человека и любовь, огромная роль поэзии. Потому что его единовверцы, его кумиры – гонимые и прекрасные, вольные духом, исполненные сострадания к людям Овидий, Пушкин, Эминеску, Лермонтов. Им поклоняется, к этим жизненным и поэтическим вершинам устремляется автор. По ним сверяет часы своего безжалостного времени.

*«Мужчина плачет некрасиво,
Как будто кто-то плачет им...»*. Время, «век – волкодав», по Мандельштаму, прорывается страшными рыданиями...

В более поздних стихах Бориса Мариана – всё отчётливее неодолимая тяга земли его предков, этой вечной и святой земли, что зовётся Молдовой. Её легенды, её доины и жок, её «зелёные колокола холмов» (чудесный образ Мариана), её аисты, кодры, поля, ручьи и прозрачный воздух – питают его поэзию, словно животворящие соки – могучее дерево. Он заново открывает для себя жизнь, радуясь обыкновенным вещам: цветам, городу, детям, весне, цену которым можно понять, лишь всего этого однажды лишившись:

*«Но стоит окунуться в улицы,
Увидеть, как дома растут,
Как газосварщики сутулятся,
Как детский сад в кино ведут –
Стиха стихия тут как тут!».*

Однако любовь к родной земле и глубокая преданность ей не мешают поэту восхищаться и воспевать близких ему по духу прекрасных людей Украины, России, Абхазии, где старики-землепашцы так похожи на стариков-молдаван. Потому что схожи у них и заботы, и тревоги, и вечный труд:

*«Их речь скромна и незлобивы взгляды
И так же руки от земли темны,
И непривычны им наряды,
И одинаково они толкуют сны...».*

Борис Мариан искренен в каждой своей строчке. Его захлёстывает Любовь. Любовь, чей лик угадывается в лицах многих прекрасных женщин, поэтому он безрассудно влюбив, за что часто себя корит. Земной и возвышенной любви к Женщине посвящено множество замечательных строчек Бориса Мариана. Он умеет удивляться миру и восхищаться им! Он не боится быть беззащитно-откровенным и, возможно, освистанным за эту откровенность. И это вовсе не духовный стриптиз, а драгоценнейшее свойство души! Желание жить «на миру»! Ведь, если на миру и смерть красна, то жизнь – тем более!

К людям обращена публицистика Мариана; к людям, современникам, обращена его поэзия. В этом отношении показательна совершенно беспрецедентная «акция» Бориса Тихоновича. Однажды в 90-е годы, будучи главным редактором правительственной газеты «Независимая Молдова», он опубликовал на полпалосы подборку собственных стихов, а, по сути дела, крик уязвлённой, потрясённой поздней любовью души: «Прощание с любимой». Помню, как недоумевала, возмущалась, шушукалась и ухмылялась читающая и пишущая публика, но, тем не менее, в общем тоне осуждения сквозила тайная зависть: не восхищаться подобной раскованностью, свободой, невероятной юношеской горячностью этого солидного человека, было невозможно!

Таков Борис Мариан и в журналистике. Пока более осмотрительные его коллеги оценивают возможные дивиденды и санкции от публикации собственного мнения по поводу вопиющих несправедливостей, творящихся в обществе, Мариан уже отреагировал, уже вынес на суд сограждан животрепещущие вопросы, уже получил отклик – анафему или поддержку «ответственных» лиц и читателей. Достаточно вспомнить его выступление по поводу попытки ограничения работы, а, по сути, закрытия теле- и радиоканалов, вещающих на русском языке. Его статья «Стартовый выстрел» вызвала широкий отклик у читателей и незамедлительную реакцию деятелей культуры, подписавших письмо протеста против решения Наблюдательного совета... Если говорить о *действенности* журналистики, выступления Мариана могут быть в этом отношении ярким примером. Каждая его статья в колонке редактора представляла собой яркое, самобытное произведение, не оставляющее читателей равнодушными! Мариан, безусловно, романтик – и в жизни, и в творчестве. Стремление к идеалу сквозит в каждой его строчке, вера в Разум, в Высшие, непреходящие ценности – безусловна, мечта о справедливости

– неугасима! Для меня незабываемым стало его выступление на одном из съездов Союза писателей Молдовы. Попытавшийся говорить с трибуны этого форума, Борис Мариан оказался «затопанным» и освистанным. Он был единственный, попытавшийся донести до присутствующих мнение инакомыслящих, коих немало: промолдавски (а не прорумынски) настроенных, безгласных, малодушно отмалчивающихся, виновато и растерянно улыбающихся писателей, мнение которых давно никого в писательской организации не интересует!

Пройдёт десять лет и снова он один (ОДИН!) из молдаван проголосует на съезде Союза писателей Молдовы против решения об объявлении 16 мая, дня, когда в 1812 году Бессарабия перешла под крыло Российской империи, – днём траура. (Вторая поднявшаяся рука была моя).

Можно как угодно относиться к личности Мариана, какие-то черты в нём не понимать и не принимать, но отказать ему в гражданской смелости, в последовательном, убеждённом интернационализме, вовсе не исключающем чувства национального достоинства и любви к родине, невозможно!

Высший судья для настоящего поэта – не власти предрержащие, не поклонники, не хулители, но Бог. В отношении Мариана это действительно так. С Всевышним он спорит, ему внемлет и видит, чувствует Его в триединстве: Слово, Совесть, Любовь. А Слово для Мариана священо, оно для него прежде всего – Истина. Как в его хрестоматийном стихотворении «Чудо-слово», где во время очередного собрания штатных «праведников», вещающих с трибун банальности, в открытое окно влетела шаровая молния, разоблачив лицемеров:

*«...И вот Оно или Она,
Сияя праведной любовью,
Высвечивало всех до дна,
Как сердце, шар горячий бился,
Паря по кругу и звеня,
И каждый про себя молился:
«Да минет истина меня!»».*

Памятуя о том, какое множество заслуженных поэтов, прежде завсегдаев таких собраний, ринулись клеймить, обличать советский строй, а затем стравливать братские народы, я восхищаюсь Марианом, его неподкупной позицией! В том, что сейчас в обществе, после многих лет разлада, возшли ростки взаимоуважения, в том, что оно осознало себя полиэтническим, огромная заслуга и журналиста, поэта Бориса Мариана.

С юбилеем, дорогой Борис Тихонович! Многая лета!

Олеся РУДЯГИНА,
*поэт, прозаик, публицист,
председатель Ассоциации русских писателей Молдовы*

БОРИС МАРИАН

Из новой книги стихов «Один на льдине»

ТАК ЗАКАЛЯЕТСЯ СТАЛЬ

«Будь самым, будь лучшим,
 будь первым!» –
 Толкала природа меня...
 По бритвам ходил я, по нервам,
 Бросался в огонь из огня.
 Тонул я в Оби и в Дунае,
 В безводной степи иссыхал,
 Судьба, точно лодку цунами,
 Швыряла меня среди скал.
 В Мордве, Воркуте, в Зауралье
 Морил меня голод и гнус,
 И в диком гулаговском ралли
 Объездил я в поисках рая
 Огромную зону – Союз.

И всюду –
 «Будь лучшим, будь первым!» –
 Звал внутренний голос меня...
 Был брошен я в топку к неверным,
 Но ангел мой спас из огня.
 Был взорван в барже на Байкале –
 Она была зеков полна
 (Чекистам за «подвиг» тот дали
 По ордену с водкой в бокале),
 А Бог меня поднял со дна...

Я первым не стал в этих гонках,
 Но понял, отринув печаль,
 Как выжить и жить для потомков
 И как закаляется сталь.

Март–ноябрь 2005-го.

СОЧЕЛЬНИК 1946-ГО

Облака разрыдались дождём,
 Волком воет норд-ост,
 то есть ветер,
 Тьма сгустилась...
 Но где же наш дом?
 Почему хоть окошком не светит?

 Я бреду по колени в грязи
 И по пояс в снегу, во вчерашнем...
 Где ты, Бог мой?
 Помилуй, спаси!
 Где ты, конь мой?
 Приди, увези!
 С плеч мешок я роняю, как башню.

 Вдруг сквозь бурю
 послышался лай,
 Он роднее родительской ласки,

Налетаю во тьме на сарай –
 Дух овечий радостней Пасхи.

 Сбросив бремя пудовых сапог,
 Повалился я в ясли к овечкам,
 И приснилось мне, будто я Бог,
 Бог-младенец
 в библейском местечке,
 Маги хлеб мне кладут на порог,
 Мать купает в евангельской речке...

 Это было в 46-ом,
 Неприметном, голодном и злом,
 Меж Бендерами и Одессой,
 В Бессарабском просторе степном,
 Когда было мне отроду десять.

29 декабря 2012 года,
 доработано 27 января 2013-го

БУБЕН

Бубен, бубен, бубен – на!
Жизнь моя загублена...
Сделай вихорь бубенный –
Я спляшу, загубленный.

Карта что-то не идет –
Эх, козырна карта!
Но зато чарует рот
Огненная кварта.

Мне стихи читает Блок
Лунными ночами,
В царстве псов, бомжей и блох,

Где народом правит лох...
А ведь шел я к маме.

Там за тридевять земель
Мать была царевной,
В царстве у летучих змей,
Только было то древней
Будущности древней.

Бубен, бубен, бубен – на!
Жизнь моя загублена...
Сделай вихорь бубенный –
Я спляшу, загубленный!

Дубравлаг, 1959 год.

У МОГИЛЫ ВРАГА МОЕГО

Однажды я заплакал у могилы,
Сказать по правде,
 моего врага...
Не знал, что упокоился нехилый, —
Я думал, что ударился в бега
От бед, обид и от жены ревнивой,
От шефов злых,
 оболтусов-детей.
Я в спорах с ним
 бывал, друзья, счастливым,
Открыв немало истин и идей.

Он бичевал —
я становился лучше,
Грехи считал мне —
я бежал к Творцу,
Покаяться...
И помню странный случай,
Когда мой враг
стал равным мудрецу.
Повис я на верёвочке на круче,
К вершине выбираясь, еле жив,
Он мимо ехал на коне могучем,
Но не столкнул,
хоть мог столкнуть,
в обрыв.

Враги порой приносят нам удачу,
 Без них бывает жизнь недорога...
 Вот у могилы недруга я плачу –
 О Господи,
 я возлюбил врага!

13 марта 2013 г.

СУПРУГЕ

Вся жизнь –
 такая крутоверть!..
 По ней прошли мы,
 не ославясь,
 Ты –
 неподкупная, как Смерть,
 Я –
 несгораемый, как Зависть.

ПРОЩАНИЕ С ПОЭТОМ САВОСТИНЫМ

Вот и ушёл ты, Николай Савостин,
 Сергея сын,
 России и Молдовы,
 На неродном прописанный погосте,
 Ты в лучший мир уходишь,
 мастер Слова.

А в нашем не нашёл, увы, ответа
 На скорбные свои вопросы к небу,
 Но отстоял зато ты честь поэта
 И нашу честь, и честь Земли и Хлеба.

На том спасибо.
 Ну, а в мире вышнем –
 Привет всем нашим,
 с кем мы недопели,
 Скажи:
 поспели яблоки и вишня,
 А зёрна правды так и не созрели.

Ещё скажи,
 что в нашем мире лживом
 Таких, как ты, осталось немного,
 Но нас не обуюет дух наживы –
 Мы отстоим честь языка родного!

Кишинёв, 17 июля 2015 г.

* * *

Упокоиться мне бы в России –
Тесен мне европейский уют,
Потому что в просторах России
Даже птицы по-русски поют.

Растворюсь я в просторах России,
Как журавль, устремлённый в полёт,
Потому что одна лишь Россия
По – есенински плача, поёт.

Потому что в снегах своих синих,
Отрыдав, успокоится Русь,
Потому что теперь из России
Во второй раз придёт Иисус.

Кишинёв, июнь 2012 г.

БЫВАЕТ ЖЕ...

Бывает же –
ни боли нет, ни горя,
Покой в душе, а мир –
из бирюзы,
И сам себя я ощущаю морем
После большого шторма и грозы.

Судами правлю и мирю державы,
От бед оберегаю берега,
Топор вражды в пучину бросил, ржавый
–
Учусь любовью побеждать врага.

Бывает, что огонь –
синоним рая,
Не адский вихрь, а божья благодать...
Я стал костром гигантским,
чтоб сгорая,
Собой самым землян обогревать.

Бывает, смерть желаннее свободы,
Когда Содом с Гоморрой правят бал...
Иду к Тому, кто спас из тьмы народы,
Кто первым в мире
смертью смерть поправал.

28 мая 2016 г.

НОВЫЕ КНИГИ



АЛЕКСАНДРА ЮНКО

ПО ИМЕНИ ЛЮБОВЬ

Два года назад, после открытого письма и настойчивых усилий Ассоциации русских писателей РМ, Министерство культуры объявило конкурс для пишущих на русском языке. И оказалось, что русская литература в Молдове существует, развивается – и игнорировать её невозможно.

К настоящему времени вышло уже примерно полтора десятка книг на русском языке с заветным грифом «Aprobat de Comisie de selectie pentru editarea cartii nationale». Не так чтобы много, но если сравнивать с прежним безрыбьем... Большая часть из этих книг – прозаические. И в этом вполне достойном ряду «Поиск любви» стоит особняком.

Одна из величайших тем мировой литературы, казалось бы, исследована вдоль и поперёк. «О любви не говори, о ней всё сказано». Философы и социологи, химики и биологи, врачи и математики, художники и поэты на протяжении веков составляли бесчисленные «формулы любви», но тайну так и не открыли, а тему так и не исчерпали. Разве что выяснили, что это отнюдь «не вздохи на скамейке и не прогулки при луне». Так что мелодраму не ищите. Ведь понятие гораздо шире, чем стандарт – «волнует кровь». Колоссально влияние этого чувства на человеческую личность и на общество в целом. «Дитя свободы, законов всех она сильней». И даже законов природы, ибо «пятое время года» теснит весну, лето, осень и зиму. А об эстетическом воздействии не скажешь лучше отца нашего Пушкина:

Одной любви музыка уступает,
Но и любовь мелодия...

Концепция самого тёплого и самого женского (составитель – Оксана Мамчуева) из всех «белоарапских» сборников носит не умозрительно-метафизический, а вполне сердечный характер и принимается читателями сразу и безоговорочно. Вкратце её можно выразить словами Осипа Мандельштама: «...Всё движется любовью».

Уже обложка содержит в себе тонкое и ненавязчивое приглашение к чтению. Оформление стилизовано под поиск в «Гугле»: открываются названия рассказов, имена авторов и по несколько строчек текста, дающих представление о сюжете и стилистике.

Ещё одно поразительное свойство издания связано с его композицией. Даже тексты, которые уже доводилось читать (а для меня это в какой-то степени собрание любимых рассказов), благодаря расположению и соседству неожиданно поворачиваются новыми гранями и наполняются новыми смыслами.

Объясню на конкретном примере. «Тикэ» Анжелы Енаки – безусловная удача, вещь высочайшего уровня. Но другой её рассказ, «Восьмой сон Антониони», казал-

ся мне прежде надуманным, затянутым, каким-то недопроявленным, перегруженным диалогами в ущерб тонкой прозаической ткани, с которой работает Анжела.

Между тем – через призму любви – многое в нём становится понятным. И главный герой, и девушка, и старик, и юноша, и путешественник – все состоят с городом в страстных центробежно-центростремительных отношениях. Они и здесь, и одновременно не здесь, как сестра Микеланджело, называющая ему из Италии. Эта позиция позволяет читателю иными глазами взглянуть на Кишинёв, увидеть его недостатки как достоинства – «здесь дожди вторую неделю», между тем как во Флоренции засуха, город маленький, зато «тут невозможно потеряться», жителей всего-то «не более четырехсот шестидесяти тысяч», но «в каждом дворе или кафе у тебя есть друг». Именно поэтому в такое заколдованное место «должен приехать каждый, кто чувствует себя несчастным». Не случайно англичанин говорит итальянцу: «Ты и не уедешь, пока не поймёшь, зачем ты сюда приехал».

Можно сколько угодно декларировать любовь к родному городу, но, пожалуй, впервые это чувство выражено таким образом: Кишинёв есть некое экзистенциальное испытание, посылаемое не только его жителям, но и всем, кто с ним соприкасается.

Любому человеку, родившемуся в наших пенатах или приросшему корнями к молдавской земле, потрафляет мысль о том, что именно здесь находится некий энергетический центр мира, его солнечное сплетение, что и объясняет его магическое притяжение.

Многие сюжеты напрямую пронизаны этим особенным духом, будь то экскурс в жизнь еврейского местечка в начале тридцатых годов («Моё частное бессмертие» Бориса Клетинича) или послевоенного молдавского села («Катинка» Вики Чембарцевой), столичной окраины с её колоритными персонажами («Про любовь» Александры Юнко) или юных адептов андеграунда, нашедших приют у пьющего инвалида («Ледяная ракушка» Дениса Башкирова).

Там и сям всплывают говорящие детали времени и места.

В «Бронзовых драконах» Олега Краснова город не назван, но безошибочно узнаваем по «запаху палёных листьев». В условном Звягинске («Святой Николай» Натальи Гандзюк) продублированы названия кишинёвских улиц – Париж, Дубрава. В «Дне вина» Сергея Сулина (как и в романе «S Золотой рыбы», откуда взят фрагмент) придумана прозрачная анаграмма этого же населённого пункта – Вишёнки, и это не считая совершенно отечественного содержания. В «Улице Чкалова» Натальи Новохатней читаем: «На фасаде одного из домов была табличка. Неказистая, прожавевшая, зато по-русски. Удивительно – правда?...». И удивительно, и до боли знакомо. В рассказе Олеси Рудягиной «Дорогой товарищ Бабрак Кармаль» есть отсылки к новейшей истории: «И потянуло с площади Великого Национального Собрания кострами инквизиции. И растащили по винтику громадный завод Инны Ипатьевны». В общем, как верно заметила Евгения Соломонова («Недокомплект»): «Можно жить в другом столетии и даже тысячелетии, можно уехать в другую страну и начать даже с близкими друзьями говорить на другом языке, но от себя, как обычно, уехать, убежать не удаётся. Свой футляр каждый тащит с собой».

В данном случае Кишинёв, Молдова, МССР, Бессарабия – тот несессер, в который вложено множество футляров поменьше, и всё их наполнение связано с темой сборника.



Главными идеологами любви, так же, как и во всех других вопросах, выступают авторы-мужчины. «Бронзовые драконы» Олега Краснова и «Экзистенция для балалайки с оркестром» известного российского прозаика и сценариста Романа Михеенкова в этом отношении дают самый широкий охват. Любовь к ближнему возможна, будь то сосед, «понаехавший» таджик или даже тот, кто может перерезать тебе глотку. Больше того, герой Краснова, пощадив своего противника, получает бонус в виде вдохновения, он готов жить долго и ходить мимо «наших чугунков».

Зато михеенковская же «Занимательная генеалогия» весьма жестока по отношению к советским Ромео и Джульетте, которые встретились после многолетней разлуки – и ничего хорошего из этого не получилось. «Удивительно, драмы и трагедии человеческой жизни у Чехова или Шекспира имеют тот же набор фактов и событий, что и любая телесериальная мелодрама. Но как же их можно опопшлить» – эпически замечает автор.

Во-во, и мы о том же. По тонкому льду ходим, уважаемые граждане, над тёмной водой.

Татьяна Орлова-Волошина, нежно любимый мною прозаик, совершила за несколько лет огромную работу, и это чувствуется в каждой её строчке. В повести «Вариации солнца. Шива» она затрагивает непростую тему – ромы, отношение к ним. Написана повесть живо, отличным языком, каждая из героинь снабжена яркими речевыми характеристиками, особенно удался образ ребёнка – цыганского мальчика Алика. И всё же по прочтении не оставляет чувство некоторого разочарования. Повесть похожа на ларчик с секретом, над которым бьёшься-бьёшься, а в результате всех усилий находишь всего лишь листок с надписью «Все люди – братья» (или, в данном случае, сёстры). Не маловато ли? А если бы героини не оказались ближайшими родственницами, что тогда – не любить, не жалеть, не сочувствовать друг другу? Притянутым за уши кажется и вливание индийской экзотики – она совершенно излишня, тормозит действие и сбивает читателя с толку. Ну, а про исход некоторых каст из Индостана мы и без того помним. И

вагон многозначительно пуст, и встречающих нет, и все эти персонажи – всего лишь грёзы автора. Как точно и куда более лаконично отмечено в прелестном рассказе Тани «Бесконечно малые величины», «мне снятся разные страны, и чудится за окном шелест баньяна в период муссонов».

Очень приятное впечатление производят миниатюры юной Марины Шупак. Она ищет правильную интонацию, работает над пластичностью языка, насыщает фразу поэзией. Не боится быть дерзкой: «Фонари, как аскеты, ютятся на мистических перекрёстках, мироточа исцеляющим светом, и в глубине запылившихся улиц...» Без издержек не обходится, вот почему обрываю цитату на полуслове, а над следующим пассажем: «...Ему я изменила всего лишь раз, но и этого оказалось достаточно, чтобы разбить вдребезги хрусталь наших отношений» – с трудом удерживаюсь от хохота. Ничего, опыт – дело наживное. Лучше перебор, чем недобор, лишнее проще вычеркнуть. Вместе с тем не могу не оценить полуторастраничный рассказ «Коллекционер» (Джон Фаулз отдыхает!), герой которого теряет интерес к своей необычной галерее, ведь сокровища его – всего лишь бледные копии оригинала, и совершает акт вандализма, уничтожая их. «Позже жители окрестных домов расскажут участковому, что заметили, как дворник вышел из своей каморки с ведром краски и начал уверенно закрашивать все надписи на заборах, стенах и дорожках, в которых подростки признавались друг другу в любви».

Миниатюры Михаила Поторака, в которых поэзия неотделима от обыденности, а бытийная тоска тесно переплетается с иронией и самоиронией, заслуживают отдельного обстоятельного разговора. Хотелось бы отметить точно выверенную тональность и сугубо индивидуальную манеру, что отчётливо заметно по книжке «Идёт ветер к югу» (изданную также под эгидой минкульта).

Однако автор подобен канатоходцу, к тому же работает на очень небольшом пространстве, потому так бросаются в глаза нарушения баланса, когда он вдруг начинает кокетничать или впадает в мизантропию.

Никак не причисляя себя к пуристам и эстетам, всё же спотыкаюсь на вульгаризмах: бухие, морда, башка, задница, нажрут... При том, что художественной необходимости в этом нарочитом снижении стиля нет. (В прекрасном рассказе Ирины Косых «Ревность», например, обценная лексика вполне оправдана, к тому же речь ведётся от лица персонажа).

Не может не тревожить и тенденция как можно чаще употреблять звукоподражания и междометия. Уф! Фу! Мурляу. Бульк! Гыж-гыж. Тпрррр!

В отдельно взятых вещах Поторак практически переходит на язык междометий. За примерами далеко ходить не нужно, достаточно заглянуть в «РП» №2 (14), 2015. Быф, ах, бах, тарарах, габ-габ, гхо, гхяууу, хххссь, тьяаа и т.д. Хотя можно понять: без таких особенных слов непросто написать сцены из личной жизни мыши Петра, воробья Евгения, собаки Спиридона, игрушечной лошади Экуса и прочих обитателей бестиария.

Художественное решение всегда остаётся за автором, и советы со стороны неуместны, но о каких-то вещах молчать не могу. Сейчас замахнусь на святое. В «Марье Моревне» горячо мной любимой Оксаны Мамчуевой, мне кажется, присутствует нераскрытая линия – о взрослении Саши, о его непростом пути от мальчика до взрослого человека, и очень хотелось бы эту историю узнать, да только она почему-то так и не написана. В другом рассказе автор своими руками перечёркивает читательское доверие к неистовой страсти Оливии и Кольма, заставляя

героиню под занавес резко переключиться на другого юного красавца. Прошла любовь, завяли помидоры? Или был просто зов плоти и потребность «трахаться до изнеможения»? Впрочем, название – «Автокаталитическая реакция» – намекает на ускорение процесса, но недоумений от этого не меньше.

Выходить из рассказа, как и входить в него, непросто. Олеся Рудягина лихо расправилась напоследок с Бабраком Кармалем, а вот Сергей Сулин в «Подкидыше», который весь – красивая развёрнутая метафора, концовку сделал слишком любовой: «Имя тому было – любовь!»

Александр Седельников на протяжении всего рассказа «Кофейная миниатюра» неторопливо исследует особенности разнообразных напитков, а в конце каламбурит по поводу кофе в постель и отдаёт предпочтение соку, полезному «и тебе, и маленькой крошке, которая в тебе». Финал пришит белыми нитками, с таким же успехом можно было использовать другие варианты – «началась война» или, допустим, «включили отопление». Не говоря уж о быющей в глаза фальши последней фразы.

Но это так, по мелочи, отдельные блохи. А лучше читать этот сборник как нечто единое и цельное. Пить долгим-долгим глотком («За любобфф!»), а потом ощущать лёгкое сладкое послевкусие.

«Если я выживу, может быть, мне будет дарован шанс родить ребёнка. Это будет девочка. Однажды я увидела её во сне, и там моей душе показали, что такое материнская любовь. Показали и сокрыли, но я живу с этой памятью, как с закладкой в книге, и эта книга – я сама». (Наталья Гандзюк, «Проститутка»).

Даже когда ситуация кажется безнадёжной, да не покинет нас надежда. Чтобы и жить хотелось, и любить, чёрт возьми! Или, по меньшей мере, находиться в поиске любви.

Александра ЮНКО – поэт, прозаик, эссеист. Живёт в Кишинёве. Родилась в 1953 году. Окончила филфак Молд ГУ. Работала в школе, Доме-музее А.С. Пушкина, муниципальной еврейской библиотеке имени И. Мангера, различных СМИ. Как литератор и журналист печатается с 1968 года. Автор нескольких книг стихов, прозы (переводных, оригинальных и в соавторстве с Юлией Семёновой), сборника эссе «Гадание на Пушкине». Регулярно публикует рассказы, статьи и подборки стихов на интернет-портале «Подлинник». Стихи печатались в альманахах: «Связь времён», «Поэзия – женского рода» («Согласование времён»), «Порт-Фолио», журналах «Русское поле», «Дети РА», «Артикль», в сборнике «Прощай, Молдавия» (Тель-Авив – Москва).

КТО РАСШИФРУЕТ КУЛЬТУРНЫЙ КОД МОЛДОВЫ?

Исследование Светланы Прокоп «Литературные портреты: Олеся Рудягина, Александр Милях, Юрий Харламов. Книга первая» – одно из её многочисленных исследований, вышедших в печать в последнее время.

В центре внимания автора – творчество лидеров русскоязычного литературного движения республики как составной части этнокультурной жизни русского населения Молдовы. В этом контексте культурная деятельность **Олеси Рудягиной, Александра Миляха и Юрия Харламова**, их вклад в поддержку местной Ассоциации русских писателей, установление литературных связей с писателями других республик, а также русского зарубежья в целом.

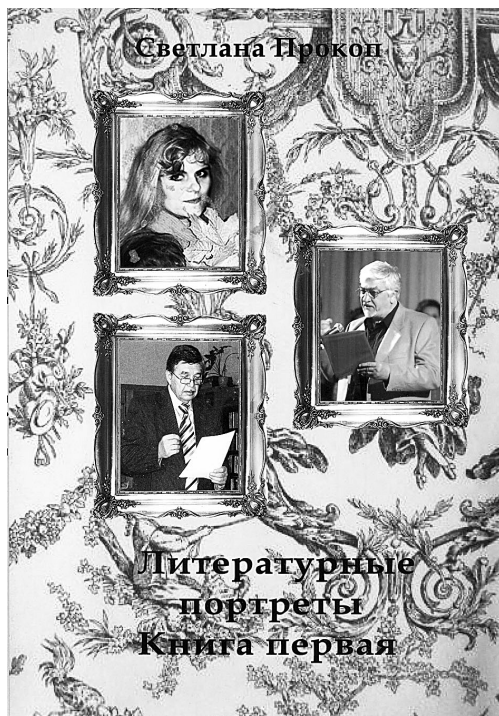
Это исследование во многом дополняет предыдущие работы, в которых автор уделяет особое внимание местной русской и русскоязычной литературе. Эта тема по-прежнему остаётся малоизученной, однако именно благодаря Светлане Прокоп она становится всё ближе не только исследователю, но и представителям местной молдавской литературы, читателям.

Важен тот факт, что впервые автор попытался проследить этапы развития русской и русскоязычной литературы в нашем регионе на протяжении двухсот лет и деятельность лидеров литературного движения второй половины XX-го, начала XXI-го века.

Следует отметить, что этот период был непростым в истории, как Бессарабии, так и Республики Молдова. Подчеркнём также, что каждый из литературно-исторических периодов автор хронологически связал с геополитическими изменениями в судьбе этой территории. Сложилось так, что во многом именно эти изменения обусловили специфику местной русской литературы.

В своей монографии Светлана Прокоп уделяет должное внимание этим важным моментам, чётко выявляя исторический контекст не только в судьбе литературы, но и в истории региона. Исследователь с достоинством справилась с этой серьёзной задачей, показав особенности русскоязычной составляющей литературного процесса Молдовы сквозь призму многогранного творчества его лидеров на фоне конкретных исторических обстоятельств.

В эту книгу, которая стала первой из серии «Литературных портретов», автор включает очерки о жизни и творчестве двух последних председателей Ассоциа-



* Прокоп С.П. «Литературные портреты: Олеся Рудягина, Александр Милях, Юрий Харламов. Книга первая». (Кишинёв, 2015).

ции русских писателей Молдовы – Александра Миляха (2002–2005 годы) и Олеси Рудягиной (2005 – по настоящее время), а также бывшего заместителя председателя Ассоциации, не так давно ушедшего из жизни – Юрия Харламова. Все они, как отмечает Светлана Прокоп, имели непосредственное отношение к изданию новых книг, проведению многочисленных этнокультурных мероприятий, связанных с активной деятельностью Ассоциации русских писателей Молдовы, направляя свои усилия на сохранение культурной и этнической идентичности русского населения республики. Шаг за шагом в этой книге читателю открываются малоизвестные стороны жизни и творчества столь не похожих по стилю и поэтике одарённых литераторов.

У Молдовы свой, особый культурный код. Расшифровкой его занимаются представители всех компактно проживающих на её земле этносов и этнических групп, как верно замечает Светлана Прокоп в аннотации к книге. Деятельность лидеров литературного движения, ярких и талантливых представителей его русскоязычной части, призвана гармонизировать межэтнические отношения в Молдове, выполнять, по сути, культурную и миротворческую миссию.

Виктор ДАМЬЯН,

*старший научный сотрудник Центра этнологии
Института культурного наследия Академии наук РМ, доктор истории.*

ПОЙМИТЕ МЕНЯ, ЛЮДИ!

К жанру литературного портрета писатели обращались довольно часто. У одних он был яркой картиной встреч, у других – способом самовыражения через судьбу портретируемого, у третьих – пазлом в красочной мемуарной мозаике, у четвёртых – эмоциональной вспышкой, выхватившей из потока быстротекущей жизни знакомое, но нерассмотренное современниками вблизи лицо творца; у иных – портреты писались как диалоги со временем.

Литературные портреты Светланы ПРОКОП выходят за рамки этих разнообразных, но всё же замкнутых в основном на личных впечатлениях от встреч с портретируемым. Её очерки ломают более или менее привычное представление о принципах портрета. В их основе – всегда научное исследование, обогащённое щедрым познавательным материалом, освещённое теплым светом авторского неравнодушного отношения к художнику, участливого внимания как к человеческим слабостям портретируемого, так и к его успехам, которые автор, не скрывая, приветствует и разделяет. Через галерею портретов-образов русских, русскоязычных поэтов Молдовы автор выстраивает концепцию развития всего поэтического литературного процесса, опираясь на его вершинные точки.

В каждом из трёх портретируемых – **Констанине Семеновском, Григории Перове и Рудольфе Ольшевском** – автор ищет и находит зерно, лежащее в глубине творческого характера, из которого и вырастает древо его поступков. В портрете Константина Семеновского найден болевой нерв его беспокойной натуры – личная жизненная неустроенность, неудовлетворённость, осознание недооценённости, поистине уважительного к себе отношения. И вот именно этого постоянного внимания к его таланту и к нему, как к творческой личности, он

добивается всю жизнь любыми средствами – вплоть до эпатажных и экстравагантных выходов. Подлинного душевного единения с людьми достичь не удаётся. Посиделки за бутылкой, конечно же, не в счёт. С отрезвлением приходит тоска. Истинную гармонию поэт находит только в природе. Её он любит и понимает как никто другой. И она ему отвечает взаимностью, даря порой удивительно яркие образы.

Обо всём этом автор не говорит напрямую, но в подтексте читатель это обнаружит.

Светлана Прокоп, словно сумела услышать крик души поэта: «Я родился, я пришёл! Увидьте меня, услышьте меня, поймите меня, люди!»

Современниками, к сожалению, Константин Семеновский не был понят. И трагический его уход из жизни можно было заранее предсказать. Он посмел подняться выше обывателя, благодаря своему таланту. И тот ему этого не простил.

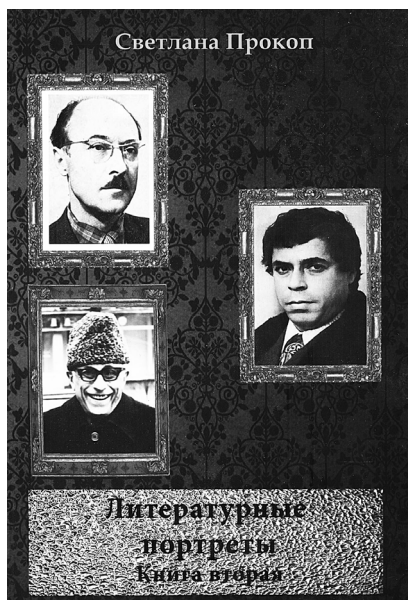
Через много лет Константин Семеновский всё же был увиден, услышан и понят. И вернул его из забвения литературный портрет Светланы Прокоп.

В эссе-портрете Григория Перова исследователь сумела вскрыть и объяснить причину успеха и необыкновенной живучести его сатирических стихов. Дело в том, что поэт видел корни аморальных явлений не в том или ином государственном строе, а в общечеловеческом их происхождении. И это открытие стало для автора ключом к разгадке тайн творчества поэта.

В портрете Рудольфа Ольшевского Светлана Прокоп также находит зерно в творческой натуре. Это его жизнелюбие, радостное восприятие жизни. Правда, порой и наигранное, когда приходилось надевать маску бодрячка-жизнелюбца. И всё же светлое отношение к жизни, к окружающим поэт пронесёт через всю свою судьбу. Автор видит это, шаг за шагом продвигаясь по тропинкам строк его книг.

Даже будучи уже тяжело больным, в Америке, поэт не изменяет своей натуре. Он выступает перед читателями с широкой доброй улыбкой и, преодолевая боль, теперь уже играет в жизнелюбца и, в конечном счёте, погибает как актёр на сцене, оставшись верным своему кредо.

Светлана Прокоп видит все стороны души своих героев, не скрывая, не затушёвывающая кистью цензора их недостатки, выносит к свету их достоинства и складывает из талантливых строчек творческую судьбу. В целом возникает галерея талантливых личностей, которые по праву войдут в наше культурное наследие.



Константин ШИШКАН,

поэт, прозаик, кинодраматург, переводчик.

*Прокоп С. П. «Литературные портреты: Константин Семеновский, Григорий Перов, Рудольф Ольшевский». (Кишинёв, 2016).

ПОЭТЫ ОДЕССЫ



За межой

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДРУЖБА ЖУРНАЛОВ!

Шестнадцать лет назад, в августе 2000-го года, в Одессе образовался Южно-русский Союз Писателей. Вдохновители создания союза – писатель, критик, искусствовед, в прошлом литературный редактор, секретарь Анастасии Цветаевой Станислав Айдинян и одесский писатель Олег Дрямин.

Председатель ЮРСП с 2002 года – поэт Сергей Главацкий.

В 2013 году Союз стал по-настоящему международным: сейчас только 50 его авторов живёт в Украине; 67 писателей, среди которых большинство одесситов, нынче проживают за пределами Одессы – в России, Беларуси, Приднестровье, Узбекистане, Таджикистане, США, Германии, Польше, Черногории, Греции, Израиле. Самое многочисленное после одесского отделения теперь российское, в нём зарегистрировано 37 писателей.

В 2008 и 2010 годах нашей организацией издавались антологии произведений членов Союза, а с осени 2011-го у ЮРСП, к счастью, появляется своё периодическое издание – «толстый» литературно-художественный журнал «Южное Сияние», который с тех пор выходит ежеквартально. Презентации номеров журнала в первый же год его существования проходили в Одессе, Москве, Киеве, в Крыму, в Приднестровье. Читать его можно и в Интернете, он размещён на сайте ЮРСП (<http://ursp.org/index.php/uzhnoe-siyanie>), а также – на журнальных порталах «Мегалит», «Читальный зал» и «ЛитБук». В состав ЮРСП входят главные редакторы литературных изданий: «День и Ночь», «Дети Ра», «Кольцо А», «Футурум АРТ», «Меценат и Мир», «Зинзивер», «45-я параллель», «Новая Реальность», «Гостиная» и ряда других.

За 16 лет существования организации члены ЮРСП провели более тысячи авторских и коллективных вечеров, литературных презентаций. В последние годы наша творческая организация полноценно участвует в 20-ти международных литературных проектах, в крупнейшем литературном форуме на юге Украины – Международном арт-фестивале «Провинция у моря», который проходит в Одессе и в Ильичёвске каждый год и продолжается в течение двух недель.

Мы очень рады, что наша дружба с русскими писателями Молдовы обретает своё печатное воплощение. С удовольствием представляем подборку стихотворений нескольких одесситов, членов Южно-русского Союза Писателей в журнале Ассоциации русских писателей Молдовы и, конечно же, будем искренне рады познакомить нашего читателя с авторами «Русского поля» в рубрике «Дружба журналов» своего «Южного Сияния». Уверены, что обмен «авторами» продолжится и в дальнейшем. В добрый путь!

Сергей ГЛАВАЦКИЙ, *председатель Южно-русского Союза Писателей, выпускающий редактор журнала «Южное Сияние»*

ЕЛЕНА РОСОВСКАЯ

Поэт. Родилась в 1972 году в Одессе. Окончила филологический факультет Одесского государственного университета им. И. Мечникова и Экономический колледж. Публиковалась в журнале «Южное Сияние», коллективных сборниках «Лит-Ё», «Провинция у моря – 2014», «Провинция у моря – 2015», на интернет-порталах «45-я параллель», «Авророполис». Победитель Основного поэтического конкурса и Анонимного конкурса одного стихотворения на IV Международном арт-фестивале «Провинция у моря». Победитель IV Международного литературного фестиваля «Шорох» (Симферополь, 1 место в номинации «Поэзия»). Член Южнорусского Союза Писателей.

СТО ПЯТЬ ИСТОРИЙ**МАШЕНЬКА**

Все детали сегодня важны, потому что
Будет Машенька ёлку одна украшать:
Черепашки, снежинки, солдатики, пушки
И на самой верхушке оранжевый шар.

Так спокойно, снегурка и дед краснощёкий,
Ни беды, ни еды, только снег и луна.
Очень хочется праздника, пряников, сока,
И немного здорового крепкого сна.

За окошком сиротствуют город и ветер,
А на праведном небе сиротствует Бог.
На земле же хватает гробов и отметин,
Правда, в этом году было больше гробов.

Жаль, чудес не случилось, и Машеньке ясно,
Что подарки под ёлкой – родительский трюк,
Но сегодня под ёлкой дырявая каска,
И уродливый старый угрюмый утюг.

Сон приходит внезапно, целует в затылок,
Время сладкое, будто бы сахар-песок,
Предлагает на выбор: верёвку и мыло,
Или небо, разорванное под шансон,

Под весёлые вспышки и грохот кромешный.
Но за небом дорога из белых камней.
И в саду Гефсиманском молящийся грешник
Так доверчиво смотрит и плачет о ней.

О единственной маленькой глупенькой Маше,
О прощённых убийцах и добрых царях,
О смертельно здоровых и временно павших,
О земле плодородной и мёртвых морях.

И остаться бы здесь, и прилечь под оливой,
И, свернувшись калачиком, плакать о том,
Что сегодня зима и сегодня мы живы
В нашем городе-голоде полупустом.

Но часы замирают от воя сирены.
Сон уходит без боя, сдавая дома.
Маша делит людей на героев и пленных,
На сошедших с небес и сошедших с ума.

Город дышит огнём без единого шанса
Сохранить прежний вид до скончания лет.
Маша кутает ёлку в своё одеяльце
и твердит: мамынетпапынетмашинет...
Бога нет.

АУТИСТ

странные праздники, небо качается,
тело по улицам плавает медленно.
что-то случится, наверное, в пятницу:
мальчик Артур до сих пор ищет Мерлина.

схема известная: детство наивное
(втайне писал тебе письма). без паники,
долго качается небо фиктивное,
я – не – хочу – эти – странные – праздники!!!

лозунг в окне: дураками становятся,
плаваются буквы по ходу истории.
пятые сутки бега и бессонница.
письма хранятся в твоём крематории.

мысли и те на двоих – уравнение,
выжжены солнцем в моём подсознании,
Мерлин не жалуется маленьких гениев,
он награждает их небом и манией.

давит на психику рыхлое прошлое:
дети задорные, барды, ботаники,
томные женщины, боги дотошные,
крепкие челюсти, тульские пряники.

праздники, праздники, душ формалиновый.
все пиротехники в полночь расстреляны.
мальчик Артур с головой пластилиновой
в пятницу встретит великого Мерлина.

«КАЗНЬ» ЛОЛИТЫ

Продавщица в ларьке на углу Прототындарь Лолита –
Баба хваткая, жирная с наглыми злыми глазами,
Рано утром покинула пост и ушла. Дверь открыта.
Просто сгинула враз и теперь поминайте как звали.

В эту ночь то ли Ангел явился во сне ей, не знаю,
То ли дьявол её искушал, только виделось многое:
И маманя, и старенький дом, и игрушечный заяц,
И Москва, вся прошитая крепко бинтами-дорогами,

И пустые глазища витрин и калеки – вокзалы,
Купола, гастарбайтеры, плесень, свинцовая осень.
Всё казалось Лолите – крестилась, но больше казалось,
И хотелось сквозь землю – самой, и с моста себя сбросить...

Утро сонно тянуло на город своё одеяло,
У ларька три бомжа, а вдали на Москве на реке
Посиневшее жирное тело у берега сжалось
И застыло с иконкой Пречистой в холодной руке.

СВЕТЛО?

...ты просила меня рассказать о светлом...

всё когда-нибудь будет, не спрашивай только, когда.
я не знаю ответа, я знаю, что будет и ладно.
а пока мы лежим на ладонях и дышим на ладан,
согревая дыханьем своим города, города,
у которых от холода сводит замки и ограды.
понимаешь, и время, и люди – вода.

ты смотрела так часто, как солнце летит под откос,
как на крышах весёлые дворники трогают небо.
я бы тоже по крыше под утро с тобою побегал.
или вышел туманом на каменный северный мост,
и лепил бы кораблики из почерневшего снега,
а потом превращался бы в воду и рос.

ты бы мне улыбалась... под воду уйдут корабли,
мы не станем чужими, мы будем дышать, как и прежде.
пусть на ладан, пусть с нами останутся там же и те же
согревать ледяные ладони замёрзшей земли,
и вода, и весёлые дворники в синих одеждах,
и все те, кто за ними под утро на крышу ушли...

АЛИСЕ НАПУТСТВИЕ В ДАЛЬНЮЮ ДОРОГУ

Береги себя, Алиса, прощай,
Будь сильна в борьбе с собой и со злом.
Принимай лекарство, не принимай
Близко к сердцу ни волков, ни ослов,
Ни угодников чеширских. Ни-ни!
От улыбок их пойдёшь по рукам,
Если сможешь, то сама улыбнись.
Береги себя, Алиса, пока...
Ты пока – пока – покатишься вниз,
Где количество бездомных Алис
На квадратный сантиметр потолка,
От небесного пупка до пупка
Чернозёма, так и тянется ввысь.
Береги себя, Алиса, беги,

Сохраняя имена и дома,
Где лежат твои родные враги,
Где друзья чужие сходят с ума,
Где количество крестов и могил
заполняет чернозём, «черно ил»,
плоть от плоти в закрома – в закрома...
Береги себя, Алиса, лети
через север под «кусток», на Восток,
оставляя за собой серпантин
из обстрелов и костлявых мостов.
мимо армий и купцов травести.
Береги себя, Алиса, лети...
там сойдутся все земные пути,
там Господь целует небо в висок.

АНГЕЛ ПОСЛЕДНИХ ЭТАЖЕЙ

в одном городе и не то что бы очень большим, а так...
не на главной улице, а в маленьком переулке
жил да был настоящий ангел, да-да,
в обычной «пятиэтажке». по утрам чайник булькал,
старенький радиоприёмник подхватывал мотив:
ангел выпивал кофе и, как все, спешил на работу,
а с неба смотрел на ангела солнечный объектив,
изредка подмигивая, мол, я-то уж знаю, кто ты.
неважно, как и куда проходил добрый день,
люди – рабочие единицы – становились одним целым,
и никто не задумывался, что ангел среди людей
живёт, принимает пищу, трудится, у него есть тело,
паспорт, прописка... а по вечерам,
когда невидимый фотограф укладывал в кофр солнце,
ангел выходил на балкон, улыбался всем-всем домам,
и прислушивался, как в каждом из них сердце бьётся.
ночь медленно натягивала тёмное одеяло
на город, даже на ангела, который творил чудо,

дома росли, становились выше, ночь наблюдала,
как появляются новые этажи из ниоткуда,
которые вряд ли порадуют потом местных эстетов.
утром этажи все превратятся в прозрачный воздух.
потому что людям не следует знать об этом,
мало ли какие ночью происходят метаморфозы...

А пока ангел всё достраивал и достраивал невидимые этажи,
Чтобы любому бездомному ангелу было куда прийти и где жить.

НА ВЫХОД

Если снег подползает к морю,
Море жмурится и хохочет.
У меня есть сто пять историй,
Я бессмертный небесный кормчий.

Я зимой выхожу на берег
Каждый вечер и глажу море.
Только море в меня и верит,
Только море меня и помнит.

Снег – что сахар сегодня сладкий,
Мир – что волк истощал, озлоблен.
И горит на горе лампадка,
И ревёт у лампадки гоблин.

Всё смешалось и всё сместилось,
Равновесие ближе к бесам.
Где искать мне, скажи на милость,
Равновесие равновесий?

В человеческих бетонных норах
Время вышло и замертвело.
Больше не с кем о вечном спорить,
И душа покидает тело.

Ночи зимние откровенны,
Море зимнее одиноко,
Снег похож на морскую пену.
Мир похож на огромный кокон.

ТАМ

ТАМ падал снег, и снова жгли мосты.
их вечно жгут, по правде, до и после.
я всех собак выстраивал по росту,
и с ними шёл по улицам пустым,
чтоб никогда не становиться взрослым.
и никогда не превратиться в дым.

пришла зима. пришла? садись за стол.
смотри в окно, смотри куда угодно.
на небе столько звёзд и производных
от этих звёзд, что я с ума сошёл,
совсем сошёл, почти бесповоротно.
с тех пор смотрю бесстрашно только в пол.

куда спешить, когда, зачем, к кому?
полощет день бельё, опять полощет.
я стал бы тем, кого ведут на площадь,
кому привычно крепко руку жмут:
умнее, лучше, ближе, в чём- то проще,
я стал бы частью, кем-то нужным тут,

но... падал снег, шло время по пятам.
со звонким лаем строились собаки,
на белом небе появлялась накипь.
я имена дарил своим мостам,
мосты горели, продолжая плакать,
о том, что больше не случиться ТАМ.

ВСЁ БУДЕТ

Лишь раз в году и раб, и господин
спешат к своим столам одновременно.
Домохозяйки, вырвавшись из плена,
С мужьями проплывают вдоль витрин.
И пьют вино старушки и спортсмены:
салют, чин-чин.

Под детский хохот режут оливье,
труба дымится, печь дрова глотает,
и Герда отправляется за Каем.
Больной, с улыбкой, поправляет плед,
как будто понял главную из тайн,
что Бога нет.

А Бог летит на синем корабле
над гордой Ригой, над мостом Нью-Йорка,
над Сомали, над фермами и фьордом,
И девочке со спичками теплей.
Промозглый ветер, кажется, надолго
приник к земле.

ЛЮДМИЛА ШАРГА

Поэт, прозаик, публицист. Родилась в 1963 году. Автор сборников прозы и поэзии «Адамово Ребро», «На проталинах памяти», «Билет в осенний день», «Рукой подать...», «Повесть о падающих яблоках», «Яблоневого сна». Лауреат международных литературных конкурсов и премий, автор многочисленных публикаций в печатных и электронных периодических изданиях. Произведения Людмилы печатались в журналах: «День и Ночь» (Красноярск), «Дон» (Ростов-на-Дону), «45-параллель» (Ставрополь), «Гостиная» (Филадельфия), «Камертон» (Москва), «Что есть истина» (Лондон), в альманахе «Меценат и Мир» (Москва). Заведующая отделом поэзии литературного журнала «Южное Сияние». Член Южнорусского Союза Писателей.

ЧТО ТЕБЕ ПРИВЕЗТИ ИЗ РОССИИ...

* * *

Мы с тобою тоску износили,
разживёмся ли новой тоской,
что тебе привезти из России...
чтоб вернулись и сон и покой,
откровения мёртвых поэтов,
что кочуют по белому свету
в назиданье поэтам живым?
И моё – не касаясь травы –
проплывает под сенью воздушной,
одному лишь наитию послушно,
колокольчиком тихим звеня,
кем услышится, кроме меня...
Отвечай за слова.
Отвечаю.
Пусть порой моё слово печально,
но держу и удар и ответ,
и беру свои силы от Вед.
На родном отвечаю – на русском,
на родимом своём языке,
вьётся вязь переулочков узких,
что ведут неизменно – к реке.
Та река глубока – не осилить,
и стоит за рекою Россия.

Вплывь ли, вброд ли,
от рос ли, от слёз...
в лёгком мареве белых берёз.
Что тебе привезти из России...
Мы с тобою мечту износили,
впору новой разжиться мечтой,
попроситься к своим... на постой.
Будет день – будут кров и работа,
и родительской будет суббота,
будем из дому рваться...домой,
на большак с перемётной сумой,
где срывается с губ омертвелых
птицей русское слово моё,
и летит над безмолвием белым,
над пожухлым осенним жнивьем.
В нём и отсветы сини воздушной,
и частица живого огня.
Значит, это кому-нибудь нужно
кроме памяти...
кроме меня.
Мы с тобою себя износили.
Что тебе привезти из России...

ОТКРОВЕНИЕ ДОЖДЯ

Прошлое нам только предстоит...

Ольга Ильницкая

Осенний дождь идёт и говорит,
что прошлое нам только предстоит.
Накроет, настоящее отнимет,
а будущего нет как нет – в помине,
но есть дорога: длинный коридор
до самой дальней из опочивален,
сквозь двор,
сквозь сад, что листьями завален,
сквозь тишину,
сквозь вечный разговор
о вещих снах,
о листопадах вещих...
А осень перетряхивает вещи –
старинный, молюю траченный ковёр.
Мчит пара вороных во весь опор –
не царская, но всё-таки... охота,
и беспричинно грустно отчего-то.

Не утихает бесконечный спор
о мимолётном, вечном и грядущем...
Его вести пытался всяк идущий.
Но наша память – бочка данаид,
и радости и горести свои
несём в неё, пытаемся запомнить,
чтобы до края пустоту заполнить,
от сотворенья мира счёт ведя,
не слыша откровения дождя.
Ещё немного, и ещё немного...
Стоишь один у нового порога.
Охота – стоп.
Затравлена лисица,
Не выдохнуть и не остановиться...
Всё заново – всё с чистого листа,
но память неподъёмна и... пуста.

ГОРОД ПРЕВРАЩАЕТСЯ В КОРАБЛЬ

В полночь возвращаются ветра
в те края, что по весне бросали,
город превращается в корабль
и плывёт, плывёт под парусами
в белое безмолвие зимы,
в белое исчадие метелей,
где, врасплох застигнутые, мы,
к холодам привыкнуть не успели,
и к тому, что беспощадный лёд,
обратит морскую воду в смальту...
Мадоннари – дождь ночной – идёт
и вскипает море на асфальте,
и летит в беспамятстве листва
возрождаясь из золы и пыли...
И приходят заполночь слова,
о которых здесь давно забыли.

Их исконный, первозданный смысл
разрывает пелену забвенья,
и надежда – самый верный мыс –
срачивает порванные звенья.
И тоска стихает, уходя,
до зимы, до заморозков первых,
мастихин осеннего дождя
затушует сумерками нервы
и сердца, промокшие насквозь,
и стихи, промокшие до нитки,
и дворы – цыганские кибитки,
вроде вместе – а на деле врозь.
Осень.
И давно отплыть пора бы.
Дом мой превращается в корабль.
И дрожит, дрожит земная ось...

МЫ НЕ БЫЛИ

Мы не были...
 Мы казались
 друг другу с тобой живыми,
 но яблонь весенних завязь
 твоё сохранила имя,
 в саду, где губы несмело
 не раз к нему прикасались...
 В пространстве обледенелом
 горел на снегу физалис.
 В том доме, будто вчера мы,
 устав от долгих скитаний,
 вставляли зимние рамы,
 наполнив вазы цветами,
 и зимними вечерами,
 остывшие души грея,
 смотрели как спит в межрамье
 рябиновое горенье.

Слезами играли льдинки
 на гроздьях рябины спелой,
 потрескивала пластинка,
 и девочка пела.... Пела
 о тех, кто как мы, пытались
 согреть этот мир любовью,
 о странниках и скитальцах,
 идущих, как мы с тобою
 сквозь радости и сквозь беды,
 сквозь взгляды, хулу и зависть...
 Мы были здесь.
 Алым следом
 горит на снегу физалис,
 и яблони рано-рано
 качаются виновато,
 и яблоки пахнут пряно
 предснежием и утратой.

* * *

*Из-за жизни наплывает золотое,
 Золотое, что назвать мы не умеем.*

Карл Гершельман

Сколько можно об осени всуе,
 и о том, что зима у двери.
 Незвестный идёт и рисует,
 ты же просто иди и смотри.
 Об увиденном всуе не стоит,
 здесь слова не простые нужны...
 Слышишь, это скользит золотое
 сквозь прозрачную сень тишины...
 Удержись от нелепых восторгов,
 не иди у них на поводу.
 многословье отринь и отторгни,
 и пройди как по тонкому льду,
 за спиной оставляя пустое:
 разговоры в миру, суету...
 И смотри, как летит золотое,
 в первоснежье рядясь на лету.

ПРОЧТИ МНЕ ЧТО-НИБУДЬ ИЗ...

В ненастный хмурый вечер, помнится,
ты мне читал стихи Камознса.
Слова легко кружились стаями
и в сумраке вечернем таяли.

И я, мой друг, Бодлером бредила,
с Рембо с ума сходила медленно,
была Верленом очарована
и лордом Байроном взволнована.

Их дивных строчек оперение
меня пронзало вдохновением,
мне с ними не бывало скучно, но,
прочти мне что-нибудь из Пушкина.

Я так люблю его творения
и «дум высокое стремленье»,
и сердце рвётся к милой родине,
где в золоте осеннем Болдино.

А ты не можешь успокоиться,
терзая бедного Камознса...
И я к нему равнодушна, но,
прочти мне что-нибудь из Пушкина.

И долго-долго будут помниться
и вечер, и стихи Камознса,
свечей оплывших чад удушливый
и ты, читающий мне Пушкина.

ЛИЛИТ

*Как живётся вам с сотысячной,
Вам, познавшему Лилит...*

М. Цветаева

С ней, наверное, проще и легче, Адам?
Не противится воле твоей никогда,
И кротка, и покорна вторая,
Видно, помнит изгнание из рая.
И собой хороша, и хитра, и мудра
Плоть от плоти твоей (говорят – из ребра?).
Тяготит только грех первородный.
Ну, а я, как и прежде – свободна.

Говоришь, что ты выбрал покой и уют,
Только боли сердечные спать не дают.
В дуновении ветра ночного
Слышишь голос мой снова и снова.
То не сердце, несчастный, то память болит –
Никогда ты не сможешь забыть о Лилит!
Это боль об утраченном рае,
И её не излечит вторая.

Ты, познавший сакральную сущность огня,
На безмозглую плоть променявший меня,
Утешаешься жалким подобием,
А ночами взываешь к свободе?

Со второй оставайся, живи без затей
И плоды вместе с нею бескрылых детей,
Первородством торгующих робко,
Чечевичной прельстившись похлёбкой.
Не шепчи бесполезных бессвязных молитв, –
Никогда ты не сможешь забыть о Лилит,
Что дыханию ночи подобна
И как ветер – легка и свободна.

МАРГАРИТАМ...

...Невидима! Невидима и свободна!

... Рукописи не горят!

М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»

А Маргариты и средь нас живут,
Подчас, скрываясь в женщинах обычных,
Их не сломил рутинный быт привычный,
Не погубили сытость и уют.

Порой у них иные имена,
И не в Москве – в провинциях забытых,
Томятся в ожиданье Маргариты,
Когда их позовёт в полёт луна.

Когда весною, в месяце нисан,
Неудержимо их к себе поманит
Путь лунный, серебрящийся в тумане,
К свободе уводящий, к небесам...

Вступая в сделку – только б помогли,
Хоть с дьяволом, хоть с чёртом – с кем угодно,
Невидима, – воскликнут и – свободна!
Лишь только б Мастера творить могли.

Да что там дьявольщина, что там ад –
С самой судьбой вступить готовы в битву...
Пока летят к любимым Маргариты,
То рукописи – верю – не горят!

СЕРГЕЙ ГЛАВАЦКИЙ

Родился в Одессе в 1983 году. Председатель Южнорусского Союза Писателей, председатель Одесской областной организации Конгресса литераторов Украины. С 2009-го по 2012-й – член руководства Конгресса литераторов Украины. Выпускающий редактор литературного журнала «Южное сияние», главный редактор литературного интернет-проекта «Авророполис», председатель оргкомитета международного арт-фестиваля «Провинция у моря», член жюри ряда литературных конкурсов и фестивалей. Автор более 600 публикаций в изданиях Украины, России, ближнего и дальнего зарубежья. Печатался в журналах «Дети Ра», «День и ночь», «Зинзивер», «Октябрь». Автор книг «Неоновые пожары», «Апокалипсис Улыбки Джоконды», «Падение в небесах». Живёт в Одессе.

СУГУБО СУККУБЫ

МОЙ СОЛДАТ

Мой боец, мой солдат, я теряю тебя,
Будто армию, будто победу над злом.
Если ангелы спят, когда демоны спят,
Я тобой прикрываю себя, как крылом.

Я тобой прикрывался, ты этим – жила,
Это был твой суровый солдатский паёк.
Моя армия больше не стоит крыла,
О ней грустные песни сирена поёт.

Твоего офицера знобит, мой солдат,
И победа над злом далека, за рекой.
Я поднялся на борт, и – уносит вода
Твоего офицера домой, на покой.

* * *

С утра пойдёт толчёный снег,
Такой, что толком не увидишь,
Каков – ослепший человек,
Каков – в глазу обрюзгший Китеж.

Лето снежинок сменит лёд.
Воздушным змеем в Третьем Риме –
Ты в мир отпустишь самолёт,
Чтоб он лавировал меж ними.

Не чужа трещин миража,
Не повинуюсь отраженьям,

Войдёшь в начинку гаража
И станешь собственной мишенью.

И не поймёшь, что носишь мор
С собой, что вразнобой – все птицы,
Что я, мой Свет, так и не смог
Принять, что ты – самоубийца.

И станет Змей воздушный сед,
Упавший в Ирий, и, конечно,
Найдя на энной полосе
Тобой растерянную нежность.

ТРОИЦА

Плоть – наказание нам за то, что тянемся мы к свету.
Мы – наказание Господу за то, что – собственник.
Нам больно оттого, что твари мы – с иной планеты,
Что мы друг другу более, чем чёрту – родственны.

Нам дух – расплата: вышли мы из замкнутого круга.
Чёрт – Богу: дань за то, что мы друг другом колемся.
Нам стыдно оттого, что брезгуем мы все друг другом,
Что мы друг другу более, чем Богу – ...

Здесь, в инкубаторе «Земля», всем нам дано смирение,
Но в зорких снах мы все равны и одинаковы,
И взыщем каждый с каждого, и наши сновиденья
Нас защитят от Бога, чёрта и от всякого.

ПОРТРЕТ

Мы – белые пятна божественных помыслов,
Мы – чёрные дыры суккубовых промыслов,
Ослепших картографов праздные домыслы,
Судеб оговорки, бездушных саркомы Слов...
Мы – те, кого выдумал северный вакуум.
Мы – с теми, по ком ошиваются дракулы.
Мы – там, где оплакали тайны Аввакума,
Каракули не понимая оракула...

Для падших народов Земли, увы, все – свои,
Исправно сбоит пересылка словес – в Аид,
В горячке бессрочной заходятся трезвые,
Геном гуинплена отточен, как лезвие...
Мы – те, у кого за спиною коммун ГУЛАГ,
И стадные идолы в древних карбункулах.
Мы – те, кого ждёт – Совершенный Гомункулус.
Мы – то, для кого – Абсолютное Бунгало.

На падшей Земле – теснота не по нам была,
Мы – зайцами – в Небо, шныряя по тамбурам,
Орбита пчелиной волны – как сомнамбула,
Которая держит прозрения – в ампулах...
Мы – те, от кого ожидают исчадия
Внутри их самих, не рождённых, зачатия,
Но ор непорочной матрёшечной братии
Для мертворождённых звучит, будто радио...

У падших планет – всех констант аберрация,
Поставлена их на поток эксгумация,
Орбитам их больше не свойственна грация,
Они – астероидов конфедерация,
Но я тебя слышу – и всё растворяется,
И всё – исчезает, бесследно теряется,
И нам – не нужны больше те, что – смиряются,
Ни мир, ни Вселенная – пусть расширяются!

* * *

Давай с тобой поедem на косу.
Когда-нибудь. Хоть в прошлом, хоть в былинном.
Не может быть такого в жизни длинной,
Чтоб вечно продолжался Страшный суд,
Чтоб лес был полон стреляных косуль...
Готов молить хоть Господа, хоть джиннов,
До старости ждать времени машину,
Чтоб чёрную покинуть полосу...

За нею будет кедра хризолит,
И хризопраз полыни, прячущей седины,
Там море станет нашим паланкином,
Хранящим сны, которым чужд Эвклид,
Которые ещё не расцвели...
Готов извлечь себя из карантина,
Перекроить себя, как бомбы – паладина,
Чтоб видели дельфинов корабли...

Давай с тобой уедem на косу,
Каким бы именем тебя не звали
И сколько лет тебе в миру бы не давали,
Давай с тобой окажемся в лесу,
Где аисты давно тебя пасут,
Где зиждется берёзовая дача,
Перерастая в Сож. Я не могу иначе,
Иначе не могу, не обессудь.

БОЛЬ

1

Ты знаешь, мир умер. Фантомное счастье –
 Как хрономираж, где детей кутерьма.
 А здесь – только вакуум, вакуум настужь,
 И я в нём – как самая страшная тьма...

Ты даже сейчас – сингулярность, омфал, ось.
 Я – только с тобою, я только с Тобой! –
 Во мне и себя-то почти не осталось.
 Душа разболелась... Фантомная боль...

2

Ну что ж, всё обернулось адом.
 И что с того, что каждый миг,
 Как вакуум – залётный атом,
 Сны ждут твой знак, чтоб стать людьми...

Пускай ты – смысл мироздания,
 Пускай – ядро души само,
 Навек навесь на подсознание
 Амбарный проклятый замок!

И мрак напалмами не выжечь,
 Не утопить сны в водоём...
 Хоть без тебя душе не выжить,
 Оставь, я – прошлое твоё.

Пусть немые без тебя авгуры,
 И мир похож на ГМО,
 Лишь ярче в камере обскура
 На мне предательства клеймо!

Пусть без тебя лишь Здесь я – дома... –
 Молчи, скрывайся и таи...
 Там – нас счастливые фантомы...
 Не плачь. Я – п-р-о-ш-л-ы-е т-в-о-и!

И в этой келье ли, каверне,
 В одной из тысячи кают –
 Лишь тень твоя и здесь, наверно –
 Последний мой, ночной приют.

Печёт Сансара караван –
 От боли слепнет окоём,
 И пусть я при смерти, взываю, –
 Молчи. Я – прошлое. Твоё...

А что люблю тебя без меры,
 Как любят дети – первый снег,
 Так это лишь... мой Символ Веры...
 И будет мне. И будет мне.

3

Отринувши купол,
 в побеге от юбок,
 о колокол – зубы,
 и копьё свои...
 Сугубо суккубы
 теперь будут любви,
 и званны, во и-

-мя снов саблезубых...
 по мне, как по трупам,
 хромя, в Аид,
 к своим душегубам,
 шли дуры на убыль,
 как мясо, сбойть.

Сугубо суккубы,
сугубо суккубы
отныне теперь.
В аквариум-кубок
разомкнутым кубом
вмурована дверь.

И если дать дуба
не хочешь, бей в бубен,
растерянный зверь –
ни браков, ни шлюбов,
сугубо суккубам,
суккубам сугубо
дари свои губы
веки теперь...

НЕМОТНАЯ ГРАМОТА

Генофонд, геноцид, геномор, геноцирк...
Золотые тельцы нас берут под уздцы.
Кто был ночью убит, тот сто лет уже спит.
За Садовым кольцом обретается спирт,
Под Садовым кольцом пьют коллекторы СПИД,
И за крепкое здоровье пьёт инвалид,
И скорбят по нам – Киев, Одесса и Минск...
Поминать уже некого – чёрный помин.

Мы – обрубки без ног, мы – культяпки без рук,
(Девятнадцатый год в наших генах – хоругвь),
Ходим в чёрном – сто лет и не знаем, что так –
Поминаем царя, что мы всё ещё – там,
И морально мы – трупы – уже – навсегда
(С девяностых душа наша стынет во льдах),
И нам снится, что вместо царя мы лежим
На постели его, что – постельный режим.

Это княжество катится в тартарары –
В состояние искусственной чёрной икры,
И никто никогда не поможет ему,
И на нём – нефтяной чёрной метки хомут,
И славяне ему, будто валенки, жмут,
Все замкадыши молча шагают в тюрьму,
Под замкад, под замок, под кладбищ телеса...
Улетайте, славяне, в *свои* небеса!

ТАТЬЯНА ОРБАТОВА

Поэт, прозаик. Одесситка. Родилась в семье научных работников. По окончании университета имени И. И. Мечникова работала в научно-исследовательской лаборатории. Позже – в газетах, пробовала себя на поприще тележурналистики. За десять лет опубликованы более полутора тысяч статей на различные темы. Печатается в одесских журналах «Южное Сияние», «Дерибасовская – Ришельевская», а также в других периодических изданиях: «45-я параллель», «Гостиная», «Ликбез». Автор книги рассказов «Пациенты планеты Земля» и поэтического сборника «Ты видел рыб над головами?». Член Южнорусского Союза Писателей, многократный призёр сетевых литературных конкурсов.

МИФОЛОГИЯ ТЕЛА

I

всё дальше пустыня гоби от наших с тобою лун,
всё явственней переходы в подземные миражи.
кружить по оси – привычней, и только мальчишка-гунн
вдруг в генном плену очнётся, и вмиг от скупой межи
(кусочка земли с обличьем забытого нами дня)
помчится на запад шумно. вернётся ли он на юг?
где краскам давно под солнцем приказано не линять,
где чувствам не отозваться на хор... нет, на общий звук –
торговцев и гастарбайтеров, как вестников чёрных зим.
но... впрочем, с тобой придумали мы – чёрные покрова,
для скрытия всеусталости, которой болеет мим,
для совести, выступающей за равные с ним права...

и когда марсельезу играет нам ветер на крыше,
и когда из морских одиночеств – скользкая манта
колыбельную нам напевает под вечер – мы дышим,
машинально листая в себе философию канта.
но с ладоней деревьев срываются тёплые слёзы
в кистепёрую память, пленённую в соке клепсидры.
до мгновения этого все виноградные лозы
нам казались забытыми в плоскости старой палитры.
до мгновения... рядом зашлись в астматическом кашле,
сигаретную проседь на лбах поправляя – народы.
сколько их в наших клетках – глядят на просторные пашни,
примеряя, как платья, ещё не рожденные хорды.

звери и птицы бьются под панцирем наших тел,
лапами – на зеро – чтобы услышать нас,
не попирая Азь и законы небесных дел,
знающих объектив – вписанных в рыбий глаз.
звери и птицы, сколько продлится ваш плен?
сколько вершин достичь нам вместе и врозь?
скольких из вас увидел в себе гуинплен,
скольких не видим мы, проживая вскользь...
в мрачном кругу безволия, в стенах своих квартир
блѣклый последыш памяти высушен, но живѣт.
слышит – компрачикосы рожают, рожают в мир
каменных истуканов из озера чермных вод.

дороги, дороги, пути – от покоя до битвы...
начало берут из сердечного ритма и выются
от локона страсти до вязи безмолвной молитвы –
к большим кулакам, что сжимает на площади нунций.
зовут нас к заутрене – кто? голоса безымянны.
но бритва оккама готова к работе, как прежде –
из абрисов тел, отражающих тени в туманы,
срезает слоями ненужное – слишком небрежно.
дороги, дороги... проснутся ли в нас далай-лама,
кричащий во сне инквизитор, седой герменевтик?
срезает, срезает ненужное бритва оккама,
пока золотые телята купаются в нефти...

II

дни замерзают от ветра, когда их считают.
дни соляными столбами стоят у дорог –
по номерам и по датам. тропинка витая
кажется длинной, и долгим – пожизненный срок.
в гуще туманов – лишь тень фиолетовых крыльев.
гулко стучит по вискам водяной метроном.
хочешь колумбом ты быть? и в далёкой севилье
ты побываешь однажды... в обличье ином.
встретишь в соборе того, кто антверпенской розой
звал чью-то душу, лаская холодный кристалл...
судьбы свои назовѣте скучнейшею прозой,
вслух рассуждая: кто больше от жизни устал.

хочешь ты быть отражением генриха крамера?
тело желанное в огненных струях топить?
женщины тело нагое – в тюремную камеру
бросить, как куклу, срезая бесовскую нить?
плоть истязая, молитву шептать у покойницы
с тонкими пальцами, ранее чувственным ртом?
зная подспудно, что сила божественной вольницы
не в энтропии безумья. но правит фантом –
спит милосердие... разум – в порыве величия,
тени сомнения в полдень исходят «на нет»...
«праведник крамер» карает во имя приличия? –
жертвенной кровью питает свой истинный цвет.

травы безропотно жухнут по воле Ярила...
ночи – подлунные сводни – знакомят со страхом.
думаешь, где-то лилит на мгновенье явила
будущих демонов над человеческим прахом.
и, уменьшая величье космических лоций,
и, умножая без меры количество бедствий,
вдруг забываешь согласие своё с песталоцци,
сердцебиенье снижая лекарственным средством.
яркими снами – в небесных полях персеиды,
но алфавит их писаний тебе не по силам.
молвишь: «за что?», проклиная лихие планиды,
с тайной надеждой на чёрта и... божию милость.

пляшет махаон над уснувшей троей,
жёлтый, чёрный цвет в красной бузине...
веришь или нет – смерть тебя не тронет?
видишь или нет – кровь свою в вине?
порохом войны щели конопатят –
в замках и дворцах. молкнут небеси.
слышишь шёпот, там... в самой бедной хате:
«Матерь Божия, сыновей спаси...»?
слышишь, как скрипит мир седой, но зыбкий,
ветру дань свою выплатив сполна?
дни несут в рассвет прошлого ошибки
с привкусом земли, свежего вина...

III

... и только робкий взгляд со дна первооснов –
из створок бытия, улиточной одежды,
скользнёт по облакам. над чашами весов
оформится в мечту, но... обнулится – между
золою и огнём. лишь памяти глагол –
любить! тебя любить, как встарь, и не иначе,
спешит из сердца ввысь – в заоблачный подол,
туда, где вёсны все, несбыточные, плачут
капелью давних снов, в которых нам с тобой
дано с избытком встреч и нежности избытком.
с беспамятства, с нуля – безмолвную рабой
иду на голос твой. но холодно и зыбко...

колюч терновник, острые шипы –
табу для смертных или блажь природы?
безвинные свидетели волшбы,
скрепившей одиночества на годы?
я – не изольда, но... к тебе иду,
ты – не тристан, но голос полон страсти.
так птицы устремляются к гнезду,
когда один закон над ними властен –
экстаз. он предрекает долгий путь,
но, может быть, короткий, быстротечный.
в миг сладости – где праведная суть?
где снадобье, которым страсть залечат?

был светлым день. на вспаханное поле
из клюва птицы выпало зерно.
но ты молчал. ты – в лунном ореоле
искал всех бед злосчастное звено.
клинком трофейным – вёл по изголовью,
где след от нашей встречи не остыл,
хранитель твой с великою любовью
в который раз гасил безумный пыл...
но ветер бездны, чёрный и спесивый,
из тонких стрел неверия и лжи,
по капле – в кровь твою, несуетливо,
всегда вливал ночные миражи.

из сотен дорог, где могли бы мы встретиться снова,
из разных сюжетов – наивных, банальных и вечных,
ты выбрал ущелье, где меркнет от слабости слово,
где гаснут лампы и не загораются свечи.
я слышала крик твой, звенящий от злого бессилья,
свинцовые осы садились на плечи и темя ...
и голос – другой, в вышине: «...и в далёкой севилье
ты будешь однажды ...но вовсе не здесь и не с теми...».
а после – кружил хоровод умирающих вёсен.
сезонная пыль и туманы, дожди, снегопады...
одно неизменно – над тёмными пиками сосен
любовью светилась моя огневая лампада.

IV

...это вселенский клевер ищет земной воды,
смешанной с лепестками памяти человеческой.
выйдешь, дитя, из лона – в мареве лебеды
колос ржаной и тёплый лунным мечом засвечен.
выйдешь... где сильный предок, боль суеты изжив,
стал отраженьем мифа на рукавах столетий.
хрупкое сердце бьётся – сколько в нём скрыто лжи...
или за ложь и правду мифы давно в ответе?
в узких ладонях века – жизнью людских не счесть.
вхожи в телесный омут жидкости, соль, металлы,
но... если сердцу больно, значит, ты точно *есть*,
сколько бы снов не видел ты – о цветах валгаллы.

чтобы от боли зажглись в небесах иммортели,
целился вольный стрелок в синеоблачный остров.
стрелы летели на солнечный свет, и летели.
блики янтарной степи – в наконечниках острых...
было ли, не было... знает колчан опустевший.
но, где хранится колчан, неизвестно поныне.
только сквозь время, в душе, может быть, обрусевшей,
бьющейся птицей затравленной, в чьём-нибудь сыне,
давняя память начертит мишень-недотрогу
в непостижимом умом перелётном пространстве...
и мальчуган, жёлтой краской рисуя дорогу,
скажет: бессмертники всюду, где есть постоянство...

беззвучная царила пустота
на расстоянье в тысячи парсеков,
глотаю сон с немого листа,
но собирая числа по сусекам –
в единый слог... на плоскости монет
не увидеть первоначальных формул,
где равновесны атом – и ранет...
где братьев обнуляют – каин... ромул...
не просчитать, насколько заряжён
один обол и квант души харона,
когда шестёрка лезет на рожон,
нацелясь на имперскую корону,
как много дней заложено в реестр
болезней, страха и хмельной тревоги...
в культурный слой давно впечатан крест
природных истин и – духовный подвиг.
тук-тук... долбят дожди в земную плешь.
число дождинок, кратное сюжетам.
их суть – вино девических надежд,
химерный дух – на городских манжетах,
и сотни правд на лезвии войны,
сыновий хор, подобный камнепаду,
и женщины... рождающие сны,
где боль любви сжигается в лампадах.

(Пунктуация в стихотворениях подборки – авторская).

Редакция сердечно благодарит поэта, выпускающего редактора литературно-художественного журнала «Южное Сияние» Сергея Главацкого за предоставленную подборку.

Ведущий рубрики – Сергей ПАГЫН

ПРОЗА



Поле притяжения

НАТАЛЬЯ НОВОХАТНЯЯ

ПОД НАСТОЙЧИВОЙ КИСТЬЮ

– Ну что, приступим, – сказал Марк и шагнул к мольберту. И в решимости, что была написана на его лице, я прочитала собственный приговор.

...Всё началось с прикосновений, они будто задались целью вырвать меня из дрёмы, бывшей до этого моей единственной реальностью. Меня тормошили и тормошили. Потом отовсюду хлынул яркий свет, и мир открылся мне во всей своей пестроте и суеде. Однако это не было полным пробуждением, ещё нет. Настоящее пробуждение наступило позже, когда, заслоняя мир, на меня надвинулось нечто. Через мгновение (знание необъяснимым образом вливалось вместе со светом) стало ясно: нечто – это лицо, точнее, лицо мужчины. Оно неприятно поразило меня. Трудно было представить что-то более несовершенное, чем эти хаотичные линии – они разбегались и сбегались, как им заблагорассудится, образуя углы и скосы назло всем законам гармонии. Смотреть на них не хотелось, и если бы у меня был выбор... Тем временем два чёрных влажных глаза внимательно изучали меня, а мясистые губы беззвучно шевелились. Было в этом шевелении что-то пугающее. А когда длинные узловатые пальцы потянулись ко мне, я, *обречённое* на неподвижность, внутренне *сжалось*. Он не мог этого знать (или почувствовал?), но рука повисла в воздухе, так и не дотронувшись до меня.

«Всё хорошо...».

Оказалось, я понимаю слова. Но не они рассеяли мои страхи – голос низкий, густой успокоил и одновременно заставил трепетать. Удивительный голос! Он почти примирил с некрасивостью его обладателя. Впрочем, так ли он некрасив? В поисках ответа я *вглядывалась* в мужчину, попутно отмечая рассыпанные по плечам иссиня-чёрные волосы, атлетическую фигуру, которую не могла скрыть даже мешковатая одежда... Именно тогда я впервые *ощутило* наплыв своего пола. Что-то внутри меня откликнулось на несомненную мужественность обладателя голоса и, откликнувшись, качнулось в противоположную сторону. Рядом с таким плюсом я *не могла* стать ничем иным, кроме как минусом. А мужчина



уже отвернулся от меня. «Всё хорошо, друзья, всё просто замечательно!». В ответ засмеялись, заплодировали, закричали на разные голоса: «Марк, ты молодец!», «Ура художнику!». Десятки рук с бокалами взлетели вверх, и льющийся с потолка свет раздробился в тонком стекле.

Неподвижная и безгласая, я только и могла, что смотреть. На мужчин с бесстрастными глазами, на женщин с щедро накрашенными лицами. Казалось, все они исполняют какой-то замысловатый танец. Вот, меняясь друг с другом местами, они перемещаются по комнате. А то сбиваются в группы, и шелест одежды сменяется шуршанием голосов. Скоро я поняла главное: эти люди поклонялись успеху. Сегодня успех олицетворял Марк. Мужчины одобрительно хлопали его по плечу, женщины норовили на этом же плече повиснуть. Такова магия успеха – все хотят к нему прикоснуться, даже просто физически. Меня они не замечали. Лишь однажды чей-то перекошенный рот обронил непонятную фразу. «Силки для новой птички», – прозвучало это или что другое, я не знаю, но я ещё долго чувствовала на себе липкий взгляд. И, конечно, Марк – тот, беседуя с одним из гостей (обтянутая пиджаком мощная спина, голый, в световых бликах затылок), всё поглядывал в мою сторону, и потаённая его мысль, что плескалась в глубине тёмных зрачков, странно волновала. Но выловить её не было никакой возможности, оставалось лишь надеяться, что всё прояснится само собой, а пока...

Они были здесь повсюду. Мы смотрели друг на друга, так смотрят кровные родственники, машинально отмечая разницу, удивлённо и благодарно – общность. Я должна была казаться им младшей сестрой, несмыслёнышем, у которого всё впереди, тогда как они... Отработанный материал? Любимое выражение Марка. Он часто повторял его, пытаясь отгородиться от чужого назойливого любопытства. Но это я узнаю потом, а пока я вглядываюсь в картины, пытаюсь разгадать тайну – их, Марка, свою?..

Большинство из них – женские портреты. Хороши ли они, я не знаю. Слух мой обострился, я без труда улавливала восторженные слова – перезрелыми плодами те легко слетали с человеческих губ. Подобная лёгкость настораживала, не часть ли это давно и хорошо отработанного ритуала? Что касается меня, я быстро соскучилась от этого пиршества профилей и локонов. Но были другие картины, они и привлекли моё внимание. Три из них висели на стене как раз напротив меня, поэтому и запомнились в мельчайших подробностях.

Первая была премилой пасторалью: окаймлённая деревьями лужайка, на ней пастушка – та плела венок из полевых маков, – и пастушок, чей взгляд не отрывался от нежного девичьего лица. У ног пастушка замер кудлатый пёс, а любимица-овечка жалась к пышным юбкам своей хозяйки. Можно ли представить себе более умиротворённую сцену? Но чем дольше я смотрела, тем тревожнее мне становилось. Повинен ли в этом недобрый блеск в глазах пастушка, кривая ухмылка, что больше подошла бы сладострастному сатиру, разбойнику с большой дороги, но уж никак не влюблённому юноше? И какие громадные клыки у его собаки! А пастушка с овечкой так схожи в своей незащитности. Даже маки, и те, казалось, предвещали беду, полыхая так ярко, так кроваво...

Вторая картина – балкон старинного особняка. На балконе флиртующая пара: великолепные бакенбарды, белоснежная пена жабо с одной стороны, золотые букли, безупречный фарфор лица и плеч – с другой. Ещё веер, трепещущий затейливой бабочкой в тонких, изящных пальчиках. Тот на своём немом языке

красноречиво намекал на... любовь? Но взгляды скрестились острыми кинжалами, и не было в них ничего, кроме стали и холода. Неудивительно, что один из атлантов, чьи мраморные руки, вздуваясь жилами, держали балкон, гневно нахмурился. А мускулистый торс изогнулся таким образом, будто его хозяин вот-вот прыгнет с пьедестала – стоит ли удерживать мир, в котором нет настоящего, живого чувства...

И, наконец, третья. На убогой постели лежит старик. Истончённое болезнью тело почти полностью накрыто простынёй, снаружи только лицо и ступни ног. Но если в искажённом от боли лице ещё пульсирует жизнь, то восковые ступни скорее говорят о том, что все земные дороги позади. На эти ступни и уставился мальчик, судя по сходству, внук старика, и взгляд его, полный не жалости, нет, но жадного любопытства, выглядел чуть ли не непристойно.

Забыла упомянуть: все мужские персонажи были похожи на своего создателя. Это его ухмылка кривила лицо псевдопастушка, и его глаза мерцали холодом со второй картины. Да и старик с мальчиком, оба они напоминали Марка, с поправкой на возраст, конечно. Что это, случайность, авторский замысел? Я так долго всматривалась, что стала видеть даже то, чего, возможно, и не было вовсе: например, два женских персонажа, пастушка и светская кокетка, уже казались мне схожими между собой. Картины мучили меня, не давали покоя, и я испытала облегчение, когда Марк отнёс их в угол, отвернув к стене. Он вообще стал очень деятелен: всё ходил по комнате, что-то куда-то запихивал, переставлял с места на место. Меня он выдвинул на самую середину комнаты. Там, залитая светом, я и стояла, ожидая неизвестно чего – судьбы?..

А потом появилась Нора.

К тому времени я успела привыкнуть к Марку, неправильность черт больше не пугала меня, наоборот, глядя на него, я получала неизъяснимое удовольствие. На таком фоне тихая ненавязчивая гармония лица Норы казалась чуть ли не изыском. Хороши были волосы, струящиеся по плечам каштановыми прядями. Но всему её облику не хватало чего-то главного, может, яркого мазка. Явно стесняясь собственной фигуры, Нора держала на весу перед собой руки – прикрывала полноватое тело. И говорила, говорила, про портрет (причуда мужа), про своё нежелание позировать. «А это долго? Бедная моя спина...». С виноватой улыбкой она развела руки в стороны, на мгновение став крылатой. Тут бы мне и разглядеть её, но нет! Крылья обмякли, а сама Нора очутилась сбоку от меня – туда, к стулу, её незаметно подпихивал Марк, – теперь я отчётливо слышала её дыхание. Почему-то казалось, что это дышу я сама.

Что послужило толчком, одно на двоих дыхание, нацеленная на меня длинная тонкая кисть в руке Марка, – я не знаю. Только всё вдруг сошлось в одной точке: непонятная фраза, странный взгляд Марка, упоминание про портрет... Так и есть, мне суждено стать двойником Норы! Чувство, которое я испытала, было похоже на сожаление. Словно меня лишили выбора. Хотя его и так не было, но сейчас это стало очевидным. Поэтому каждое прикосновение кисти я встречала внутренним протестом. Неподвижность моя при этом оставалась неизменной, но у Марка всё равно ничего не получалось. Наконец, он сдался. «Не возражаете, если я закурю?» – спросил он у Норы. Та не возражала, мало того, сама попросила сигарету. И вот мы трое уже окутаны дымным облаком, линии смягчены, очертания размыты. Теперь-то я понимаю: судьба настойчиво намекала на переплетение наших жизней, но тогда... Кто мог прочесть её знаки, кто вообще может...

Но возвращаясь к Норе – догадывалась ли она о нашем с Марком противостоянии? Во время сеансов Марк был сдержан и улыбчив. Но стоило Норе уйти, как выражение его лица менялось. Растерянность, недоумение, недовольство, даже ярость. Однажды Марк так разозлился, что отшвырнул от себя ни в чём не повинную кисть. Окропленный краской пол мгновенно стал веснушчатый. Я сказала, что в присутствии Норы Марк был сдержан? Да, но не взгляд. Этот не признавал никаких ограничений и запретов. Нет-нет, не было в нём и намёка на мужское вожделение, так можно смотреть на сложный механизм в попытке разобраться, что и как устроено. Не вина Марка, если его взгляд, сам того не желая, пробуждал женскую чувственность. Кстати сказать, женское воркование не единожды доносилось до меня откуда-то издалека (об истинных размерах мастерской я могла только догадываться).

Хотя кое о чём (не о женщинах, но о нас с Марком) Нора всё-таки подозревала, недаром вспомнила то стихотворение. Она читала его медленно, нанизывая на нитку ритма бусины-слова. Слова находились не сразу: раскатились по закоулкам памяти, – и Нора, пытаясь отыскать нужное, снова и снова возвращалась к началу. От такого круговорота в памяти моей всё перемешалось, остались лишь отдельные строки. А начиналось стихотворение так: «Под настойчивой кистью приходится быть равнодушной». Рассказ вёлся от лица полотна, которое, как и я, превращалось в картину. О качестве стихотворения судить не берусь, но мысли, эмоции – всё было мне знакомо. И горькая ирония – «С полотном церемониться? Вот ещё – кто я такая!» – и обида, что стекала по каплям, «нарушая рисунок и цвет то ли грёз, то ли снов»... Только образ художника – безумца, садиста? – показался мне слишком утрированным. Как всё, изображённое только одной краской. А потом я услышала концовку и... Сострадание, жалость – я знала значение этих слов, но впервые испытывала что-то подобное. Как же я удивилась, услышав смех Марка.

– Это написала женщина, – проговорил он уже серьёзно, но морщинки в уголках глаз продолжали досмеиваться. – Только женщины из ничего умудряются сделать трагедию. И вообще, вы уверены, что речь идёт о картине?

А о чём? Жаль, что я не могу говорить.

Зато это могла делать Нора, и я даже не представляла себе... Но обо всём по порядку.

– Расскажи что-нибудь, – фраза, небрежно брошенная Марком во время одного из сеансов, меня возмутила. Не знаю, что покорило больше: неизвестно откуда взявшееся фамильярное тыканье или это «что-нибудь». Как будто можно вот так, по заказу. Однако Нора и вида не подала, просто стала рассказывать. Хотя я не назвала бы это рассказом, скорее картинками, написанными при помощи слов. Но, в отличие от картин Марка с их безрадостным сумраком, эти искрились светом. Герои вызвали симпатию, будь то уличный музыкант, так артистично откидывающий со лба чёлку, что хотелось одарить его только за это (слова Норы), или крикливая, пропитанная летним зноем торговка виноградом. Толстые пальцы этой последней в тёмно-лиловых пятнах невольно притягивали к себе внимание. Чернила? Ах, вы уже не в том возрасте. А ведь не скажешь.

В какой-то момент Нора оказалась передо мной, и я, наконец, разглядела её настоящую. Тёплые волнующие глаза, губы, что трепетали лепестками на ветру, тогда как прежде смотрелись наглухо закрытыми створками, и вся она – натянутая струна, с которой звучал гимн жизни. Вот чего ей не хватало, запоздало поняла я. Какими же пресными по сравнению с этой нынешней Норой выглядели женщины

на портретах Марка (да простят меня мои товарки-картины)! Всё-таки хорошо, что мне суждено стать ею, а не какой-нибудь приторно-зефирной мордашкой.

Марк, тот тоже смотрел не отрываясь. Марк, Марк, мы оба с тобой были слепы!

А Нора уже спешила дальше, перемещаясь по странам, городам. Некоторые места казались мне смутно знакомыми, например, тот город. Изысканно-серый, он дремал на берегу залива. Покатые от времени ступени лестниц, словно измученные жаждой путники, стремились к лениво плещущейся воде, а увенчанные крестами храмы в не меньшей жажде тянулись к небу. И только статуи стыдливо прятали свою мраморную наготу в зелени парков. Этот город тревожил меня, как тревожит всё однажды незавершённое, внезапно прерванный разговор, встреча без продолжения. Может, это просыпалась моя память? Ведь до того, как стать натянутой на мольберт тканью, была же я чем-то – травой, проросшей из пустых глазниц выбеленного временем черепа, комком земли, из которой всё произрастает и в которую возвращается... Но почему я так быстро стала понимать человеческую речь, больше того – почему мне так близки и понятны человеческие мысли и чувства? А знания, которые неожиданно обнаруживали себя безо всяких усилий с моей стороны... Я не знаю, куда завёл бы меня путь из догадок и домыслов, но Нора замолчала, наваждение закончилось.

«Мне пора». Лицо, ещё недавно озарённое внутренним светом, сейчас будто угасло, но это уже не имело никакого значения.

– Вы ведь придёте завтра? – спросил Марк, опять перейдя на «вы». Всё лишнее, наносное, маска, которую он натягивал на себя по привычке или в угоду светской публике, слетела с него. С надеждой и страхом – вдруг не придёт? – он заглядывал Норе в глаза, и такая просительная интонация была в его голосе... «Да», – прозвучал ответ.

Любовь накрыла их, как ливень накрывает город. А я, что испытывала при этом я? Странно, но моя женская суть, пусть и закованная в рамки холста, оказалась неожиданно восприимчива к вопросам... гм... физиологии. В одиночестве Марк часто снимал с себя одежду, нагота давала ему ощущение свободы, в которой он так нуждался. Его тело, напряжённость спины, чётко прорисованные жилы на руках и шее, мышцы, что перекачивались под смуглой кожей подобно извивающейся под водой змее, – всё это было так близко от меня. Возбуждение накатывало, не находя выхода. Как же я завидовала Норе, она могла насладиться этим прекрасным телом, тогда как мне доставалось немного: голос, взгляды, осторожные прикосновения. Но ревности во мне не было. С каждым новым мазком кисти я всё больше превращалась в Нору, видеть этого я не могла, просто знала, чувствовала. Я смотрела на Марка её глазами, улыбалась её улыбкой. А когда губы её сливались с губами Марка, я словно ощущала вкус... Как могла я ревновать к самой себе?!

Мы троём были неразделимы, во всех смыслах. Я казалась себе то ребёнком, плодом любви Марка и Норы, то ангелом-хранителем обезумевших от страсти любовников. Но было ещё одно, непонятно откуда взявшееся знание: однажды мы уже были связаны друг с другом. Когда – не знаю, но в той реальности я наверняка была человеком. Почему мы опять вместе – путь не был пройден до конца? Хотя какое это сейчас имело значение, сумеем ли мы воспользоваться новым шансом, вот что меня беспокоило. Сумеют ли эти двое?! Пока страсть толкает их друг к другу, я могу быть спокойна, но что если...

При мысли об этом «если» я затрепетала.

– Она движется! – воскликнул Марк. Кисть в его руке удивлённо замерла. Не желая выдавать себя, застыла и я. Впрочем, у меня не было никакой уверенности, что через мгновение это не повторится. Меня спасла Нора. «Это просто усталость...».

Голос был нежен, ласка успокаивала. Слова возражения замерли у Марка на губах. Ласка стала настойчивей, вскоре эти двое уже скрылись в глубине мастерской, откуда слышались... Впрочем, неважно. Однако сделанное Марком открытие меня поразило: неужели я могу двигаться, я, так страдавшая от собственной неподвижности! Но от чего это зависит? Я попыталась шевельнуться – безуспешно. Значит, одного моего желания недостаточно, должна быть какая-то причина, её мне и предстояло выяснить.

Я наблюдала за своими ощущениями с педантичностью учёного, поставившего эксперимент на собственном теле. Но прошло время, прежде чем это повторилось. В тот день Марк с Норой поссорились (размолвки между ними происходили всё чаще, увы). Марк сказал что-то резкое, настолько резкое, что Нора в обиде выбежала из комнаты. Марк бросился её догонять. Наверно, я инстинктивно дёрнулась следом, и чуть было не рухнула вниз вместе с мольбертом, в последний момент еле удержала равновесие. Только позже, уже успокоившись, я смогла всё проанализировать. Вот что я поняла: моя новообретённая способность напрямую зависела от моих переживаний, и чем сильнее эмоциональный всплеск... Но что мне теперь с этим умением делать? Представилось, как переступая тонкими ногами мольберта, я выхожу на улицу. И мир, который до этого был лишь звуками, скупыми красками в окне, наконец, вижу воочию. Спутанные, будто со сна, гривы деревьев, бегущие разноцветными машинами дороги, ослепительный мяч солнца, закинутый в небо чьей-то атлетической рукой, да так там и оставшийся... Невозможно.

Между тем я с каждым днём хорошела. Другие картины, прежде смотревшие на меня свысока, теперь признавали во мне равную. Марк, тот хоть и придирался по привычке, но тоже казался довольным. А уж восхищению Норы не было предела. «Это лучшая твоя работа!» – не уставала она повторять. Но откуда этот испуг в её глазах? Предчувствовала, что плата за красоту окажется непомерно высокой (любовь)? Последнее время Нора вообще выглядела какой-то подавленной. Едва размыкая губы, сухо сообщила, что муж обо всём догадывается. Бедная Нора, представляю, как измучила её эта двусмысленная ситуация, как претила её честной натуре. Не знаю, слышал ли сказанное Марк, только он вдруг заговорил о свободе. Он вообще часто о ней говорил, причём с таким выражением, что само слово «свобода» звучало у него с заглавной буквы. «Настоящий творец должен быть свободен!». В подтверждение этой мысли – кстати, не особенно оригинальной – Марк приводил цитаты каких-то людей (подозреваю, они давно умерли, так что он ничем не рисковал), факты из чужой жизни... В какой-то момент, спохватившись, что наговорил лишнего, и, желая загладить собственную то ли бестактность, то ли жестокость, Марк становился удивительно нежен. Под влиянием всё той же нежности даже заикнулся о том, что вот пройдёт выставка (он собирался выставлять свои работы), и тогда... Закончить фразу он не смог – закашлялся.

Неудивительно, что однажды Нора просто пришла. В тот день мы прождали её до вечера. Марк не отходил от мольберта. Писать не писал – не было настроения, всё старался найти себе занятие. Курил. А то вдруг стал выуживать

из карманов скопившийся там хлам: какие-то бумажки, записки. И долго, с упованием разрывал на мелкие клочки, после чего запихнул всё это в пепельницу. Марк часто бросал туда всякий мусор, и Нора всегда его за это ругала. Говорила, незачем искушать судьбу. (Интересно, что она имела в виду?) Теперь ругать было некому, свобода, не этого ли он добивался? Я же старалась не смотреть в сторону пустого стула, но всё равно помнила о нём, и эта пустота ощущалась мною, как сквозная дыра в собственном теле.

Скоро Марк вообще утратил ко мне интерес. Правда, и портрет был закончен, но после такого внимания одиночество показалось мне пыткой. И хотя вокруг были картины, я слишком привыкла к человеческой речи, чтобы их молчаливое сочувствие могло стать равнозначной заменой. Постепенно я впала в странное состояние. Словно вернулись те времена, когда, лишённая чувств, мыслей, мучительного ощущения пола, я была непроявленным *нечто*. Непроявленным, с человеческой точки зрения. На самом же деле была энергия, много энергий, они плавно перетекали друг в друга. И ещё – ощущение абсолютного покоя. Но посещали меня и вполне земные видения: я видела Марка, Нору, чокаясь пузатыми бокалами, они счастливо смеялись. Другой раз на меня надвинулись чьи-то глаза. Я знала их – не могла не знать! – и всё-таки не узнавала, так они были мрачны. Сделав над собой усилие, я заглянула в этот мрак: там, на самой глубине, ворочалась громадная, как гигантская рыба, печаль. «Я не гожусь на роль мужа, ты же понимаешь...». Слова прошелестели чуть слышно. Да нет, почудилось.

К реальности меня вернул дуэт из мужских голосов. Я узнала роскошный бархат Марка. Но второй голос был мне незнаком. Впрочем, он тоже был неплох: уступая в богатстве тембра, он восполнял это мощным нижним регистром, и когда он говорил, всё вокруг вибрировало. А вот и его обладатель. Мужчина смотрел на меня с таким непередаваемым выражением, что мне стало неловко. Почему-то я сразу поняла, кто это. Я представляла его разным: то брутального вида усачом, то сублильным очкариком, короче, не самым приятным типом. И, конечно, не ожидала, что он мне понравится. Крупная, без растительности голова, умные глаза, крепкий мужской подбородок. Ростом мужчина был ниже Марка, но ощущалась в нём недюжинная сила. Видимо, он привык её сдерживать, движения его были мягкими, слишком мягкими для такого мощного тела. Я прослушала его имя, но я в нём и не нуждалась, зачем? В моём внутреннем пространстве он давно существовал как муж Норы, этого было достаточно.

Кстати, деньги за портрет – увесистую пачку купюр – он небрежно бросил на тот самый стул, на котором во время сеансов всегда сидела его жена. Мужчина об этом не догадывался, но жест от этого не стал менее пошлым. Марк автоматически проследил за рукой взглядом, но я видела, мысли его заняты другим. Его заботила предстоящая выставка. И в связи с этим он хотел попросить уважаемого гостя, чтобы тот... чтобы портрет его жены...

– Нет, – голос звучал ровно, но было ясно: своего решения мужчина не изменит. Марк начал уговаривать. Но я знала, надолго его не хватит, и даже не удивилась, когда, оборвав себя на полуслове, он смолк. Эти двое застыли друг напротив друга каменными утёсами. А ещё они любили одну и ту же женщину. Мне вдруг стало страшно. В воображении возникло протянувшееся до самого горизонта поле, на нём две враждующие армии. Мгновение – и они сойдутся в смертельной схватке. Повторюсь, мне стало страшно. Наверное, мужчины что-то почувствовали: не сговариваясь, они одновременно посмотрели на меня. Нет, не

на меня – на Нору! Что они прочитали в её взгляде, я не узнаю никогда, только лица их прояснились, позы стали менее напряжёнными.

– Хорошо, но только на один день, – негромко сказал муж Норы, после чего развернулся и пошёл к выходу. Глядя вслед удаляющейся спине, я вдруг вспомнила и её, и этот затылок. Это случилось в первый день моего так называемого пробуждения. Люди, много людей. Рядом с Марком какой-то мужчина, он стоит ко мне спиной, и Марк поглядывает на меня поверх его лишённой волос головы. Норин муж, значит, это был он. Тогда же они и договорились о портрете. Обнаруженная взаимосвязь меня взволновала. Как всё переплетено в этом мире, причины, следствия... Впрочем, для самоуспокоения всё можно свести к простой схеме: мужчина, женщина, портрет в качестве подарка, художник, он же любовник, – обычная жизнь.

Потом была выставка. Мне казалось, про тот день я могу рассказать всё от начала и до конца. Как же я удивилась, обнаружив в памяти неожиданные пробелы! Я отлично помнила, как Марк наряжал меня в раму цвета усталой бронзы, и я совсем по-женски вдруг засомневалась: идёт ли мне этот цвет, не старит ли. Но как я оказалась в том зале – сияющие люстры, фигурные колонны, натёртый до блеска паркет, – не помню вовсе. Ещё были большие, почти в пол, окна. В одно из них, любопытствуя, заглядывал симпатичный, весь в завитках дом. В обрамлении оконной рамы он смотрелся совсем как картина, лучше многих в этом зале. Но вскоре я о нём забыла, переключилась на людскую толпу. Она же, будто стараясь поразить, демонстрировала то смешливую молодость, то сдержанную зрелость, то тщательно напудренную, снисходительную старость. Вдалеке мелькнула высокая фигура Марка. Рядом с ним была какая-то женщина, вся в классическом чёрном – Нора? Толпа заслонила их, прежде чем я успела рассмотреть. Но пока я наблюдала за людьми, те, в свою очередь, смотрели на меня. И шептали, шептали, про настоящую, не зализано-открыточную нежность, про удивительный свет... «А вы знаете, что она, что они... неужели не слышали?..». Я только равнодушно улыбалась Нориными губами.

Я всё ещё искала в толпе Марка и Нору, как вдруг обнаружила этих двоих прямо перед собой. Марк в костюме выглядел безупречно, впрочем, он всегда был хорош, но как же восхитительна была Нора! Высокая причёска открывала грациозную шею, строгий футляр платья делал фигуру стройнее. Вот только лицо... все краски словно покинули его, сосредоточившись в пульсирующем на груди кроваво-красном кулоне. Марк и Нора. Как бы мне хотелось увидеть их улыбающимися, даже спорящими! Но ничего этого не было: они стояли и молча смотрели на меня. «Насмотришься ещё!», – криво усмехаясь, сказал Норин муж, внезапно появившись рядом. Я сразу возненавидела его за эту усмешку, но больше за то, что взяв Нору под руку, он уводил её от нас. Будто дожидаясь этого самого момента, застерила скрипка, глухо заворчала виолончель. Тоскуя, я вспомнила о доме – как он там? Но за окном была только густая, как кофейная гуща, ночь.

...Мы снова в мастерской. Мы – это Марк и я. Картин нет, часть из них осталась на выставке, другие давно разобрали предыдущие заказчики. Издалека до меня доносятся шаги Марка: он всё кружит и кружит по мастерской. Иногда он заходит ко мне, и я вижу его растерянное лицо. Будто никак не может поверить в случившееся. Благо, весь трагизм ситуации ему недоступен. А ведь развязка нашей общей истории опять отодвинулась на неопределённый срок, возможно, на века. При этой мысли я содрогнулась, словно заглянула в бездонную пропасть.

«Насмотришься...». В таком контексте слова Нориного мужа звучали зловещим пророчеством. Хотя мужчина говорил совсем не об этом. Впрочем, его словам в их первоначальном значении я всё равно не поверила. Он ведь не сумасшедший держать у себя дома портрет жены, зная все подробности. Скорее всего я окажусь в какой-нибудь художественной галерее. Представилась длинная, как кишка, комната, увешанная полусонными картинами. За каждой – потускневшим от времени шлейфом тянется своя собственная история, в которой правда и вымысел так перепутались, что сама хозяйка не в силах отличить одно от другого. Неужели мне суждено стать одной из них, беспамятной, ко всему равнодушной, засиженной мухами? Мухи. Почему-то эти безобидные, в общем, создания вызвали у меня приступ брезгливого отвращения. Но о какой ерунде я думаю, мне ведь предстоит расстаться с Марком!

Расстаться с Марком – невозможно. В поисках выхода мысли мои лихорадочно заматались. Я придумывала вариант за вариантом и тут же отбрасывала их за негодностью. Ах да, я же могу двигаться! Если, конечно, можно назвать движением один-единственный рывок, а ведь это всё, на что я была способна. Кроме того, я совершенно не понимала, как это использовать. Но в тот самый момент, когда я почти отчаялась, я вдруг вспомнила стихотворение, которое читала Нора. Рецепт был так потрясающе прост, даже странно, почему я не подумала об этом раньше.

«И надеюсь на случай: сигара, неловкость и дым...».

Я повторяла строку снова и снова, пять раз, десять, сто. Это сработает, не может не сработать. В конце концов, я так неистово в это поверила, что даже не удивилась, когда Марк, зайдя в комнату, не вышел, как обычно, сразу, а сел напротив меня и закурил. Курил он долго. Раньше я отмечала бы каждое движение, поворот головы, взгляд, но не сейчас: нервное возбуждение было настолько сильным, я еле сдерживала себя, чтобы не дёрнуться раньше времени. Он докурил и вышел из комнаты. И, конечно, не потушил сигарету, отчего мусор в пепельнице (Марку и в голову не пришло его выбросить) радостно вспыхнул. Я смотрела на огонь, мигающий маяком в ночи, и понимала, что пора решаться. В этот момент силы чуть не покинули меня. Неужели я боюсь, но чего, ведь смерть – это иллюзия, всего лишь переход. Тем временем, перебирая красными, оранжевыми, жёлтыми лепестками, огонь рос. Он стал похож на яркий экзотический цветок. В самом центре цветка я вдруг увидела лицо Марка. Он *так* смотрел на меня, будто звал. Ни в чём больше не сомневаясь, я качнулась ему навстречу.

Наталья НОВОХАТНЯЯ – поэт, прозаик. Родилась и живёт в Кишинёве. Окончила Академию музыки имени Гавриила Музическу (факультет «Академическое пение»). Автор поэтических сборников «И вечный блюз», «Об авторах и героях» и сборника прозы «Побывать в тишине». Член Ассоциации русских писателей РМ.

Бронзовый лауреат германского международного конкурса «Лучшая книга года» в номинации «Малая проза» (Берлин-Франкфурт, 2016). Лауреат, дипломант и финалист литературных конкурсов поэзии и прозы.

Публиковалась в журналах: «Юность» (Москва), «Русское поле» (Кишинёв), «Союз писателей» (Новокузнецк). Печаталась в газете «Русское слово», в альманахах русских авторов «Русский Stil» (Вюрцбург). В коллективном сборнике писателей Беларуси и Молдовы «Край мой заповедный» (Минск, серия «Созвучие сердец»), коллективных сборниках литературной группы «Белый Арап»: «Пролетая над», «Кишинёв 2013», Антология БА, «Поиск любви»; в интернет-изданиях: «Пролог», «Подлинник», «45 параллель», «Зарубежные записки», «Кольцо А», «Московский BAZAR».

Рассказ «Под настойчивой кистью» занял второе место в 13-м литературном интернет-конкурсе «Вся королевская рать» в прозаической номинации «Фантастика, фэнтези, мистика, приключения» (2016).

ТАТЬЯНА ШАДРИНА

ПРОВИНИЛСЯ

Бабушка Фролки была верующей. Ходила в церковь. Дома за старинным буфетом у неё висели иконки-образа. Что бы она ни делала, становилась перед ними, крестясь, и в молитве шептала... Впрочем, Фролка не мог запомнить, что она там приговаривала, а то бы тоже начал повторять. Настолько его восхищали и умиляли сокровенные обращения к невидимому святому. Особенно, когда бабушка ласково называла «Никола Чудотворчик», возносила и вымаливала «здравие», перечисляя имена – мамы и его, Фролушки. Ещё бабушка молилась Иисусу Христу, Пресвятой Богородице, Ангелу-хранителю. Но больше всех любила Николу Чудотворчика. И Фролка тоже его полюбил. Если маме вдруг нездоровилось, он украдкой заглядывал за буфет, начинал креститься и шептать: «О, Никола Чудотворчик! Сделай так, чтобы мамочка не болела никогда! Я тебе, что хочешь, отдам – хочешь, бери мою мотогонку, только мамочку исцели!». Потом он падал на колени, ударяя лбом по полу, и с ударением на первую букву заговорщицки произносил: «Аминь!», как это делала бабушка. Успокоившись, он ждал результата.



Однажды мама всё-таки долго болела, и Фролка открыл бабушке тайну, что он молится, но что-то Чудотворчик не помогает. Тогда бабушка предложила: «А ты сперва поблагодари его, покайся, а после проси». Фролка задумался. Он не знал, как покаяться, и спросил. Бабушка нахмурила седые брови так, что они коснулись переносицы, на которой сидели её «толстостенные» очки. Очки, словно под грузом, опустились, и она, глядя поверх них своими мутно-кариими глазами, сурово выговорила ему: «Всегда ли ты послушан, всегда ли вещаешь правду? Сколько раз ты не слухался и плутовал? Вот! А Никола Чудотворче усё видит. Ты должен вспомнить, у чём првинилси и просить помилование. Если Никола Чудотворче свидит, что ты стал исправным, он усё сполнит».

Фрол опустил голову и старался не смотреть на бабушку и на Чудотворчика. Конечно, он обязательно всё припомнит и даже накажет себя.

Это было жарким летним днём. Он не захотел поехать с мамой к её подруге, преподобной Люсечке-Дурлюсечке, которую он так про себя со злости называл. Когда они ходили к ней, то торчали там до ночи. Она, не смолкая, трещала маме про всяких своих ухажёров и восклицала: «Слушай, малышка, а хочешь я тебя с Боссом познакомлю или с Цунами? А может, с Цвыркой?». Мама краснела и пожимала плечами. Конечно, согласиться она не хотела, а отказаться – боялась обидеть закадычную подругу. Тогда Фрол старался защитить маму и грубил Люське-Дурлюське: «Сама с ними знакомься, а мы папу будем ждать». Мама говорила Фролушке, что папа ушёл в плавание. Когда Фрол сильно скучал, он убегал на причал. Потом приходил и рассказывал маме, как встречал корабли, а капитаны

махали ему и звали: «Пошли с нами!». Тогда Фрол волновался и отвечал, что если он пойдёт с ними, то пропустит папу. Мама прижимала его к себе, а в глазах у неё были слёзы. Она, наверное, тоже хотела видеть папу. Но ушла к этой Люське. А Фролка не пошёл с ней тогда. Он заявил, что останется дома. Пришли мальчишки, и они тайком ушли на купалку. Вода была тёплая. Стоило окунуться – и уже не чувствовалось такого душного воздуха. Они играли в «ловитки». Бегать в воде очень тяжело, да к тому же столько детворы вертелось под ногами, что Фролка налетел на какую-то конопатую девчонку. Она как запищит! Хотела вцепиться в его мохнатый чуб, но рука соскользнула и прямо острыми коготочками по его мокрому животу. Дико зашипало! Так и осталось пять окровавленных дорожек. Как ещё Фрол не завыл! Продолжать ныряние было не под силу. С досадой собрался и ушёл. Никто и не заметил. Фрол пошёл на причал и представлял, как встретит папу. Подбежит к нему с разбега, прижмётся, а папа подхватит его на руки и высоко-высоко подбросит. К самому небу! И они вместе придут домой. И мама улыбнётся.

Но пришёл Фролка опять один. Тут всё и понял! Мама, как назло, долго не торчала у Люськи. А бабушка не знала, куда пропал их любимец. Мальчишки, конечно, «заложили», что он был с ними на купалке и исчез. Мама, наверное, бегала по берегу и кричала: «Где же моя крошечка? Лучше бы я не ходила к той Люське-Дурлюське!»...

Увидев живого и невредимого Фролушку, мама заплакала, а бабушка запричитала: «Что же ты, негодник, мать волнуешь? Ежели мать не жалуешь, тогда иди туда, где был!». Но Фролке было жалко маму, и он не ушёл. Он налил в стакан воды и подал маме. Бабушка накапала туда лекарство, и мама выпила. Фролушке вдруг стало жалко себя. Бабушка с мамой думали, что он утонул. И он представил, что было бы, если бы и правда утонул. Как бы они тогда плакали и уже больше не ругали его. Как хорошо, когда тебя не ругают, а только жалеют. Лучше бы он утонул! От этого желания Фрол стал всхлипывать, в носу зашипало, и он залился горячими слезами. «Что с тобой, Фролушка?» – и мама, и бабушка сразу забыли свои переживания и начали успокаивать своего несчастного мальчика. А он плакал всё сильнее... Потому что жить ему всё-таки ещё хотелось.

«Вот тогда надо было мне покаяться, пожалеть не себя, а маму!», – понял Фролка. «О, Никола Чудотворче! Прости меня, я больше не буду!».

ОЖИДАНИЕ

Когда я очень хочу видеть тебя, еду до центральной остановки, где останавливаются все маршрутные автобусы города. Хотя точно знаю, по какому маршруту ходишь ты, и могла бы ждать поближе, не доезжая до центра. Но я не смотрю на номера маршрутов, а жду каждый показавшийся вдали автобус и каждый раз надеюсь, что это твой. Я так хочу видеть тебя, что у меня не хватает терпения ждать, когда автобусов мало. А здесь, в центре, их много и каждый – моя надежда.

Дорога, где я стою, расширяется, образуя посередине круглую площадь с клумбой и лавочками для отдыха. Летом здесь многолюдно, а сейчас, зимой, все переходят площадь, не задерживаясь, и очень хорошо видны автобусы на противоположной стороне.

Тщательно всматриваюсь в окна подъезжающих автобусов. Я изучила водителей в лицо и легко узнаю тех, кто подъезжает несколько раз. Этот на «единице» при свете дня был ярко-рыжий, а в вечерних сумерках сливается с темнотой и стал менее заметен. Прогуливаюсь и разглядываю следующего за ним. Разочарована. Это не ты. От его улыбки мне становится ещё грустней. С нетерпением смотрю на дорогу. И вдруг меня охватывает волнение: светлая рубашка, темно-волосая голова доходит почти до верхнего края окна кабины. Я буду стоять, а ты махнёшь мне рукой...

Жёлтый цвет – не измена, внимание:
Я стою у дороги опять.
Цвет волос на плечах – зажиганием
Светофора ты можешь считать.
И лицо загорится вдруг краскою –
Это значит «Стоять!» – мой сигнал.
Твой автобус «зелёными глазками»
«Заходи!» – мне в ответ замигал.

Я войду через задние двери и пройду через весь салон к твоему окну. Ты протянешь руку и откроешь верхнее стекло, а я встану на цыпочки, загляну в кабину и улыбнусь тебе.

И заходят, выходят – всё заново.
Только мне не устать заходить!
С твоего отраженья зеркального
Глаз своих долго не отводить.
И когда выходить – неизвестно мне,
Остановка моя – это ты!
Ты ведь знаешь маршруты все местные –
Подскажи: я не сбилась с пути?

Но грустное лицо этого шофёра мне тоже не знакомо. Больше автобусов не видно. Сжимая в варежках заledenелые пальцы, я смотрю на загоревшийся фонарь, и мне становится немного теплей. Я помню, как в первый раз ждала тебя. Юбка, футболка, лето... Если бы ты не сказал номер своего автобуса, я и не додумалась бы никогда ждать тебя. Да и первое ожидание было безразличным. «А если бы я не вошла?». В вопросе моём звучал выбор. «Я бы позвал тебя». Слов больше не надо было. Мы разговаривали взглядами, улыбкой. И понимали друг друга.

А вдруг ты не работаешь сегодня и пошёл ко мне домой? Но я ждала тебя там, а ты не шёл. Теперь я не бываю дома, потому что не могу там без тебя. А ты, наверное, приходил, но я не знаю об этом. Точно так же не знаешь ты, что я жду тебя на остановке. Уходить горько, но я уже замёрзла. И опять стоит мой маршрутный автобус, словно зовёт: «Поехали домой!». Сейчас вбегу в него, а вдруг подъедешь ты? И уходящий автобус кажется мне ещё холодней...

Издалека вижу: не ты. Как узнают человека по походке, я узнаю твою посадку в автобусе. Ты словно возвышаешься в кабине, она для тебя маловата. Твои сильные руки спокойно и твёрдо держат руль, в губах – сигарета. Этот водитель ссутулился. Он кажется жалким, лицо его чем-то взволнованно. Я участливо разглядываю его и киваю, потому что мне тяжело, как, может быть, и ему. Он удив-

лённо сводит брови и улыбается краешками губ, видимо, наполовину отвлѣкшись от своих сосредоточенных мыслей. Из-за этого мне становится легче.

Воображение моё смешалось, как при тусклом свете фонаря автобусы и люди. А вдруг ты был бы не рад встрече со мной? Или грустишь, не застав меня дома? Лучше второе. Если первое, то надо садиться в свой автобус, а если второе, то только ехать домой. Но я боюсь это делать. Вдруг ты не придѣшь никогда, а я буду ждать... Нет, лучше думать, что ты приходил, но меня не застал. Тогда я опять приеду на эту остановку, буду ждать тебя, чтобы спросить об этом.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Это ещё не произошло, но тяжѣлое предчувствие неминуемой разлуки уже сейчас овладевает мною, заранее подготавливая к душе разрывающим воспоминаниям. Детский смех во время игры, прогулки в лесу, когда мы с пятилетним сыном наблюдаем за неуёмной работой муравьѣв в муравейнике, бросая им хлебные крошки. Эти беспорядочно снующие насекомые без разбора ползут прямо под ноги. «Осторожно! – предупреждает меня Дениска, – Укусят!».

А вот его внимание привлекает пчелиная пасека – множество ульѣв с жужжащими роями пчѣл и озабоченные хозяева – мужчины в шляпах и масках из сетки, за плетѣнной из сухих веток изгородью. Неудовлетворѣнный моими пояснениями, не совсем исчерпывающими его объѣмное воображение, Денди тащит меня за руку к массивным дядям. В глазах – огонь любопытства и в то же время огонѣк нерешительности. «Мама, пошли, узнаем, что они делают?», – упрашивает меня настойчивый Дениска, а сам прячется за моей спиной, едва головы в масках кивают нам, отрывая взгляды от рамок с сотами. «Ну, спрашивай!», – подталкиваю. Я должна побороть в нём робость своим присутствием, тѣрдой рукой, в которую он вцепился, как в поддержку. Больно мне будет её разжать!

Но пока мы рядом. Мой мальчик подбирает недозрелые грецкие орехи с усыпанной хвоей земли. Они не влезают в его маленькие ручки. Ему неудобно их держать, и он выбрасывает лишние, оставляя только те зелёные шарики, которые помещаются в его ладошках. Ничего не подозревая, мой смышлѣныш утверждает: «Мама, когда они поспеют, мы придѣм сюда с корзинкой!». Но я с грустью думаю, что в это время буду уже далеко...

Жадно ловлю каждое движение, взгляд своего сынишки, но не смею прощаться, а только с болью чувствую приближение минут, часов или, страшнее всего – годов, когда буду тосковать по его неутомонным затеям. Вот он с отчаянной ловкостью взбирается на железобетонные трубы, превращая их в корабль. Отдаѣт команды воображаемым морякам и сам за них отвечает: «Так точно, товарищ капитан!».

Не ощущая усталости, малыш готов резвиться до ночи, а мой запас энергии уже иссяк. С трудом усадив его за рисование, замечаю нетерпение и с волнением откликаюсь на просьбы помочь. Рисуем вместе, а я прошу эту минуту не завершаться никогда! Бросив карандаши, Деникин берѣтся за складывание из кубиков картинок. Здесь я ему уже не помощник, он сам справляется с быстротой и лёгкостью. Пока я выискиваю соседние кубики, чтобы выложить рисунок, он берѣт первые попавшиеся и безошибочно ставит каждый на своё место – в угол, в середину. И готово!

А вот укладываться спать будем опять со сказками, и мне жаль не то, что я рассказываю, устав, а что УСТАЛО рассказываю. Но Денис слушает с интересом,

зная сказки наизусть и делая свои выводы: «А кот-рыболов не дал рыбы лисе и волку, потому что они злые? Правильно, её нужно отнести котяткам. Они беспомощные и маленькие, им надо расти». И я подтверждаю его рассуждения, которые так дороги мне. Хочется бесконечно его поддерживать, но зевота сковывает мой язык. Уже сердобольная прабабушка, потеряв счёт моим сказкам, просит для меня пощады у своего пытливого правнука. Но упрямый потомок не соглашается и возмущённо возражает: «Это ты, баба Шура, старая, тебе спать надо, а мне нет, я уже не маленький!». Я ругаю сына за грубость, но знаю, что буду потом казнить себя. И делаю это уже сейчас...

УЛИТКА

По влажной от дождя траве ползала Улитка. Она боялась Большой дороги – тропинки, ведущей к озеру. Опасалась быть затоптанной Большими ногами. Соскальзывая в пористую почву, распустив пещеристую юбочку, она нет-нет, да и поглядывала в синее небо. Со стороны казалось, будто она двигается на крошечных колёсиках или кружится в медленном улиточном вальсе. Ей было хорошо. Вот бы и радоваться жизни дальше...

Так нет же, рядом оказался вдруг Червяк. Он изошрённо извивался, всячески привлекая к себе внимание. Отползал и снова радостно приближался. Не успела Улитка оглянуться, обвинил он её так крепко, что нельзя было ни продохнуть, ни различить, где голова, а где хвост, который он предложил ей в придачу с сердцем. Так наша юная улиточная красавица оказалась окольцованной...

Подземное царство, в котором Червяк был так счастлив, со всех сторон нещадно давило на Улитку. Ей так хотелось видеть блики солнца на мокром цветке, а он всё пытался втиснуть её в свой убогий мрачный дом, подточить её под себя. Однажды терпение раскололось: не выдержав натиска, Улитка решила бежать.

На рассвете, когда Червяк по обыкновению мирно посапывал, обвивая мёртвой петлёй свою избранницу, она, пренебрежительно глядя его высунувшимися рожками, осторожно выползла из ненавистных объятий. Как листок на ветру, трепетала от страха! Как жаль, что она не умеет летать. Сейчас бы взмахнула крыльями! Дерево... Во что бы то ни стало вползти на верхушку! К самому небу! К полудню по шершавому стволу ободранной липки она добралась, наконец, до ветвей, решив замаскироваться и передохнуть в листе. Глянула вниз, узнала в розовой склизкой полоске яростно ползающего Червяка. С высоты он казался маленьким и жалким. «Обратной дороги нет!» – крикнула торжествуя и поползла дальше. Солнце клонилось к закату, когда Улитка достигла макушки старой липы. Зацепиться, повиснуть, держаться!

Утром Улитка огляделась. Свобода! Она собой гордилась. Вдруг внезапно сильный порыв ветра сорвал листок, на котором она так уютно примостилась... Словно на ковре-самолёте полетела вниз. Рейс завершился приводнением на озеро. На берегу нервно ползал Червяк, смотрел угрожающе, ждал беглянку. Спрятавшись в свой домик, Улитка скатилась с плотика-листика в Подводное царство. На дне ползал Рак...

Татьяна ШАДРИНА родилась в Одессе, росла в Кишинёве, училась в городе Якутске. Работала методистом Якутского музыкального общества. В прошлом – член литературного объединения «Горизонт». Её стихотворения, сказки, рассказы, статьи печатались в журналах «Полярная звезда» и «Колокольчик», в газетах: «Будь готов!», «Эхо недели», «Социалистическая Якутия». Рассказы и сказки переводились на якутский язык. Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

ПАМЯТЬ



Звезда над полем

ГАЛИНА КОЧАРОВА



ИДЕАЛИСТ, РОМАНТИК, ГЛАШАТАЙ КУЛЬТУРЫ

Иногда говорят, что ценность прожитой жизни измеряется не столько её продолжительностью, сколько насыщенностью событиями и добрыми делами. Оглядываясь на судьбу Сергея Пожара, чей земной путь оказался до обидного коротким (всего 48 лет – с апреля 1961-го до января 2010-го), можно сполна оценить правоту этого суждения. Сейчас, когда мы отметили 55-летие со дня рождения Сергея, можно только поразиться масштабам осуществлённой им деятельности – необычайно активной и разнообразной. У меня всегда при общении с ним возникала мысль, что он словно сам выстраивал концепцию своей жизни, энергично расширяя круг общения, раскрываясь навстречу людям и привлекая их к себе, в свой дружеский круг, в круг своих интересов.

Щедрость и открытость души, как и пытливость разума, сквозили в его взгляде, в улыбке, в порыве движений, направленных к собеседнику. Это ощущалось в

нём всегда. Попад ко мне на первом курсе, тогда ещё в Институте искусств имени Г. Музическу, он выглядел настолько юным и наивным юношей, с постоянной искоркой удивления в глазах и с ямочками на щеках, когда улыбался (а улыбкой он встречал и своих товарищей по группе, и преподавателей), что невозможно было испытывать к нему какое-то иное чувство, кроме симпатии. Он обожал Моцарта, и педагог Феликс Бирюков, знавший его ещё с доинститутских времён, пошучивал, что Сергей выучил наизусть весь кёхелевский каталог моцартовских сочинений.

А об основательности его музыковедческого поиска и критической мысли я могла судить ещё тогда, когда он писал со мной свою первую в жизни теоретическую научную работу. По учебному плану это была курсовая по гармонии, и мы выбрали в качестве темы творчество Прокофьева, в ракурсе преломления в нём черт неоклассицизма. Серёжа проявил тогда незаурядные настойчивость и пытливость, тщательно собирал к ней материалы, выполнил необходимый анализ, и в итоге его работа выглядела очень обоснованной, радовала широтой исследовательского взгляда, солидной базой с точки зрения освоения музыковедческой литературы. Работу он защитил на «отлично», а вскоре, после премьеры балета Евгения Доги «Лучафэрул» в 1982 году, увлёкся новой темой, связанной с поэзией Михая Эминеску и её отражением в музыке. Так родился его диплом, выполненный уже в историческом ракурсе, под руководством профессора Елены Сергеевны Мироненко.

Позже это дало толчок и его самостоятельной исследовательской деятельности, а также проектам по созданию и выходу в свет музыкальной «Эминесцианы» (и это при том, что родным языком для Серёжи был русский). На следующем этапе его биографии он пришёл к решению писать диссертацию в докторантуре Академии наук, несмотря на наступившее уже тогда для него осознание природы своей тяжелейшей болезни. Когда он советовался со мной, идти ли ему на такой шаг, я порекомендовала не тратить время на диссертацию, а направить свои усилия на публикацию всех имеющихся у него в разработке материалов. Он меня не послушал и всё же держал вступительные экзамены, выбрав для себя в качестве руководителя авторитетного в Молдове музыковеда – Владимира Вячеславовича Аксёнова. И лишь после смерти Серёжи я поняла, насколько он старался всеми силами отогнать от себя пессимистические мысли, как хотел надеяться на лучший исход и избавление от столь ранней смерти.

И он всё-таки успел создать и на этом пути немало ценного. Работая в лоне Академии наук, готовил публикации, в том числе и по теме, связанной с именами Михая Эминеску и Евгения Доги. Боюсь ошибиться, но, очевидно, последней его развернутой публикацией в этой области стала статья его как докторанта Академии наук Молдовы *Lumina Luceafărului reflectată în muzica lui Eugen Doga* («Мир Лучафэра, отражённый в музыке Евгения Доги»). Она была издана в переводе на румынский язык в солидной книге из серии ACADEMICA, вышедшей к юбилею композитора (Eugen Doga. Compozitor, academician. Chişinău, Ştiinţa, 2007, p.60-92, traducere de Claudia Vârlan), став едва ли не самой объёмной среди всех материалов в этом томе. Текст её свидетельствует и о той эволюции, которую претерпел его обычно лёгкий, популярный стиль как автора многочисленных рецензий в газетах и журналах. Он стал вполне серьёзным, точным в деталях, а многоплановый подход обеспечил глубину его выводов. Одним из таковых стало заключение о жанровой природе балета, о проявлении в нём черт симфонизма.

И всё же Сергей, стремясь постоянно аккумулировать в себе профессиональные знания, не был ограничен в своих изысканиях только учебными задачами. Выше уже шла речь о нём как о любителе и знатоке музыки Моцарта. Подтверждением тому может служить одна из первых его статей, опубликованная в газете «Молодёжь Молдавии» 29 января 1981 года к 225-летию великого композитора, которая была озаглавлена очень образно и точно: «Солнечный свет в музыке». Имя Моцарта многократно упоминается и в связи с перечнем Серёжиных работ в изданной в 2015 году персонеграфии «Сергей Пожар: летописец музыкальной жизни Молдовы»¹.

Студентом он копил личные впечатления от общения со своими «однокашниками» по консерватории, ставшими потом видными молдавскими композиторами, такими, как Анатол Кирияк, Ион Алдя-Теодорович, Георгий Мустя. Поддерживал доверительные отношения с работавшими в консерватории педагогами и исполнителями – Лидией Валериановной Аксёновой и её сыновьями, Александром Палеем, Ионом Жосаном, Думитру Гоя и другими, о ком он с радостью писал и оставил для нас свои публикации.

Статьи Сергея в газетах и журналах – это отдельный разговор, который касается не только его поразительной работоспособности и оперативности в отражении событий музыкальной жизни Кишинёва, но и его стремления расширить круг контактов с деятелями культуры самого разного ранга. Отсюда – поездки в Тирасполь, Москву, присутствие на наиболее важных культурных мероприятиях, пресс-конференциях, встречах – и не только музыкальных. Важно и то, каким восторженным чувством он наполнял свои очерки, зарисовки, какой искренней любовью он проникался к героям своих статей – как правило, становившимся его близкими друзьями. Тесной дружбой оборачивался и каждый контакт с сотрудниками редакций, поддерживавшими Сергея в его неуёмных поисках всё новых и новых тем. Недаром же, когда его постигло несчастье, он не остался наедине со своей бедой. И, пожалуй, именно в своих друзьях он нашёл ту поддержку, которой ему не хватало порой в личной жизни.

Он умел длительно сохранять личные и творческие контакты, которые завязывал. Один из таких примеров – тёплые отношения, которые, несмотря на разницу в возрасте и общественном положении, связывали Сергея с композитором Давидом Григорьевичем Гершфельдом, продолжившись даже после его отъезда в Сочи. А о пианистке Людмиле Ваверко он позже напишет целую книгу, изданную в серии *«Гордость музыкальной Молдовы»* под красноречивым заголовком: «К тайнствам пианизма: уроки жизни и творчества Людмилы Ваверко»². Книга эта и сегодня стоит у меня на полке впереди других, с очень тёплой дарственной надписью, написанной рукой Серёжи: «Мудрой наставнице Галине Вартановне Кочаровой от не всегда прилежного ученика с пожеланием здоровья, благополучия, удач. Равняюсь на Вашу энциклопедичность и творческий азарт. Сергей Пожар, 4 июля 2001 года».

¹ Serghei Pojar: cronicarul vieții muzicale a Moldovei. СЕРГЕЙ ПОЖАР: летописец музыкальной жизни Молдовы. Personografie. Chișinău: Bibl. Municipală „B.P. Hașdeu”, Filiala “Mihail Lomonosov”: Alcăt.: Margarita Șcelcicova, Larisa Balaban, 2015.

² Пожар С. «К тайнствам пианизма: уроки жизни и творчества Людмилы Ваверко», Кишинёв, ИПФ «Центральная типография», 1999.

Последние слова можно было бы оценить как девиз и всей жизни самого Серёжи – широко ориентированной, многогранной и наполненной энергией постоянного созидания нового. Не случайно мне показалось невозможным в двух словах обозначить ведущее направление его деятельности и круг имён людей, которым он посвящал свои труды. А если добавить к этому и его собственные композиторские опыты, выступления с лекциями, публикацию различного рода интервью, которые он брал не только у видных деятелей музыкальной культуры Молдовы, но и едва ли не у всех приезжавших в Кишинёв гастролёров, масштабы круга его интересов буквально поражают. В этом смысле у Сергея был, что называется, особый «нюх» на самые важные события музыкальной жизни Молдавии, на талантливых людей и на малоизвестные факты из истории родного края.

Многое из того, что он накопил как музыкальный краевед, нашло отражение в капитальном энциклопедическом издании, реализованном вместе с Константином Шишканом³. Поистине всеохватный характер носит этот двухтомник, посвящённый молдавско-русским взаимосвязям в искусстве, сложившимся на протяжении XVIII – первой половины XX века (том 1) и второй половины XX – начала XXI века (том 2). Эти два фолианта сохранили на своих страницах немало статей и самого Серёжи, одновременно представив и многих отечественных искусствоведов, ведь, работая над столь ценными книгами, – а, по сути, над коллективным исследованием в области культуры, – он стремился привлечь к написанию статей для двухтомника всех, кого он уважал за их авторитет и профессионализм. Я уверена, что, будь Серёжа жив до завершения работы над этим изданием, в него бы вошли и те все материалы, которые он для него подготовил, и которые, по видимому, так и канули в неизвестность в его архиве...

В персонаграфии о Сергее Пожаре, которую можно себе представить как попытку преодолеть эту безвестность, содержится не только полезная информация о нём, об итогах его жизненного труда. Здесь присутствует немало и субъективных мнений и оценок: много тёплых слов о нём, фотографий, отмечающих его шаги по родной земле, знакомящих с кругом его ближайших друзей, с памятными для него самыми встречами.

А я теперь очень сожалею, что в своё время не взяла у него наше со Златой Моисеевной Ткач фото, которое он сделал собственноручно; что не побывала на концертах, где он представлял слушателям свои романсы, всё казалось, что успеется... Правда, я как-то его спросила, почему он меня не известил об одном из таких событий, на что он мне ответил, порозовев: «А я боялся, что Вам мои песни не понравятся»... И сейчас, вспоминая эти слова, я невольно подумала – как же всё-таки Серёжа был требователен к себе и как он во всех своих ипостасях – критика, музыковед, лектора – старался следовать своему идеалу и профессионально расти. Он многое должен был успеть и старался всё успеть. И мы его ценили не только за то, что он сделал, но и за его перспективы, за то, о чём мечтал, что задумывал.

Жизнь, однако, рано поставила точку в наших надеждах, и это нас потрясло до глубины души. Меня же ждало ещё одно потрясение: не забуду, как, вернувшись с похорон Серёжи и открыв Интернет, я нашла в своём почтовом ящике

³ Молдавско-русские взаимосвязи в искусстве в лицах и персоналиях: биобиблиографический словарь-справочник в 2-х томах. Кишинёв, 2009, 2010.

письмо с его обратным адресом. Мой испуг прошёл, когда я увидела, что мне писала Лариса Балабан, которая не только помогала Серёже, навещая его в больнице и поддерживая его во всём, но и взяла на себя миссию вести его страничку в mail.ru. Потом был и памятный поминальный день в русской библиотеке им. Ломоносова, где через год после смерти Сергея собрались те, кто его ценил. А на следующий год я позвонила композитору Владимиру Чолаку (Володя и его старший брат Николай Михайлович оказывали искреннюю помощь Серёже во многом и помогли ему принять крещение незадолго до его ухода из жизни). Мне хотелось поздравить его с днём рождения, и мы хорошо побеседовали. Тогда же мы заговорили и о Пожаре, вспомнив его ещё раз, поскольку день рождения у Владимира и Сергея был общий. Они всегда взаимно поздравляли друг друга, но на сей раз Володя избрал поминальную форму: работая в церкви, он организовал панихиду по Серёже, посетив перед этим вместе с братом его могилу на кладбище.

После того разговора я сразу же послала Володе по электронной почте адрес сайта (<http://dem-2011.livejournal.com/2012/04/22/>), на котором наш друг и бывший коллега, композитор Дмитрий Киценко, ныне проживающий в Канаде, решил увековечить память о Серёже, чтобы каждый мог составить собственное представление о нём. Это и сегодня может сделать любой, зайдя в Интернет на страничку «Живого журнала», где опубликованы воспоминания о Сергее Пожаре, дополненные некоторыми его материалами и фотографиями. Не забудем – человек живёт, пока живёт наша память о нём, и для нас самих жизненно необходимо сохранять её как можно дольше! Необходимо ещё и потому, что это память о настоящем интеллигенте, ставшем, несмотря на свою молодость, одним из виднейших носителей русской культуры в Молдове.

Галина КОЧАРОВА родилась 22 января 1944 года в городе Баку. С 1974 года работает в Кишинёве. Доктор искусствоведения, профессор Академии музыки, театра и изобразительных искусств, Мастер искусств, член Союза композиторов и музыковедов РМ, Союза музыкальных деятелей РМ, Союза театральных деятелей РМ, Союза композиторов России (Москва). Автор монографий о Злате Ткач, о Борисе Милютине, совместно с А. Дэниэлэ – о Валентине Савицкой и о Михаиле Мунтяне. Автор более 350 статей в прессе, в научных сборниках и журналах, изданных в Молдове и за рубежом, в Интернете. Галиной Кочаровой создан первый в Молдове двухтомный вузовский учебник *Агмопіа* (Теория гармонии и История гармонии), написанный на основе разработанного ею спецкурса для композиторов и музыковедов (соавтор – В. Мельник). Постоянный автор журнала «Русское поле».

«ИГРАЕТ В ЛЕСУ ЛИСТОПАД»...

Памяти *Сергея Пожара*

*Осеннее солнце балует, листву в обе щёчки целует,
Румянит зелёный наряд. Играет в лесу листопад.
Укутается облаками и в них пропадёт за лугами,
А листья вдогонку спешат. Такая игра – листопад.*

В моих руках сборник детских песен композитора Сергея Пожара «Какого цвета детство?». По ярко-оранжевой обложке, как бабочки по солнечной поляне, салютно разлетаются ноты, скрипичные ключи, нотные паузы, диезы, бемоли, бекары, форте и фортиссимо... Танцующая смеющаяся девочка, весёлый мальчик в скоморошьем костюме с мандолиной... На странице тридцать семь – песня, написанная Сергеем на моё стихотворение с пометкой исполнять подвижно, светло, ритм шесть восьмых.

Ты помнишь, Серёжа?

Был осенний тусклый, унылый, промозглый день. С неба лился холодный дождь, насыщая сыростью атмосферу, наполняя собой лужи, поливая слезами землю, машины, дороги, прохожих и меня, идущую по своему почтовому участку. В сапогах хлюпало, плечи ныли от тяжёлой ноши, голова болела, мысли путались, от температуры перед глазами плыли круги, а взгляд бороздил грязь, которую я месила неподъёмными сапогами. Одним словом, бронхит. Дождь понимал меня, помогая скрывать плач, рисуя на щеках дорожки. Понурая, самой себе напоминая ослика, нагружённого тяжеленными мешками, я шла вверх по улице Петру Мовилэ, когда уткнулась глазами в чьи-то ботинки, которые мне загородили дорогу. Подняла голову и увидела тебя. Ты улыбался!

Ты помнишь, Серёжа?

Ты всё увидел и всё сразу понял. Ты начал говорить, что написал музыку на моё стихотворение, почему-то назвав его детским. «Ну, догадайся, догадайся, на какое, оно же твоё, ты его знаешь!» – повторял ты. Мои отсыревшие мозги отказывались соображать категорически. И тогда прямо посреди улицы ты стал напевать! Ты пел, помогая себе руками, и улыбался, глядя ясно-синими глазами в мои заплаканные зелёные! Мимо проходили промокшие люди, оглядывались и начинали улыбаться. Обращаясь лучами солнца, они уносили с собою свет, которым ты делился со мной. Я слушала и улыбалась, забыв о температуре, струйках воды, стекавших с берета за ворот куртки.

Мы попрощались, и ты побежал по своим делам. А я шла и улыбалась. И всё, встречающееся мне в пути, уже не ранило, придавливая к земле, а лечило, придавало сил, а ещё... уверенность в том, что по нашей земле ходят ангелы, что они живут не где-то далеко в небесах, а рядом. Они очень похожи на людей: одеваются, как люди, едят, ходят на работу, разговаривают, совершают поступки. Но делают они всё это *по-ангельски*.

Наталья РОДИНА, поэт, прозаик,
ответственный секретарь Ассоциации русских писателей РМ

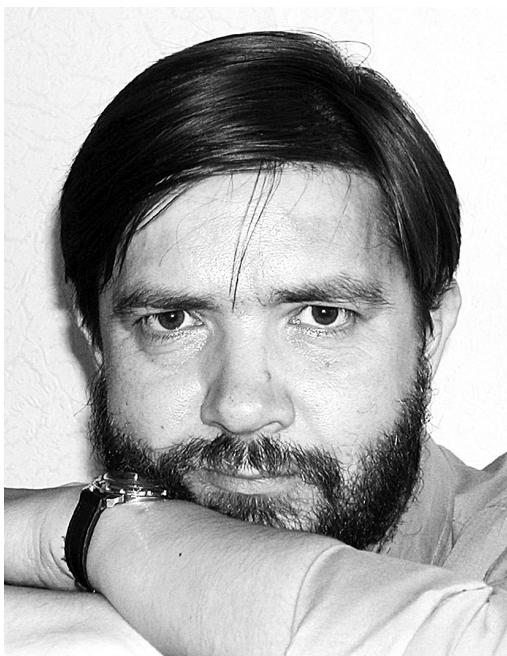
ДРАМАТУРГИЯ



Время несётся стремительно. Говорят, Вселенная сжимается. И в 2016 году мир отметил уже 30-летие самой масштабной техногенной катастрофы в истории человечества – аварии на Чернобыльской АЭС. Сотни погибших при её ликвидации. Тысячи искалеченных жизней. Тысячи тысяч пострадавших от её последствий. На борьбу с невидимой смертоносной угрозой были посланы представители всех республик бывшего Советского Союза. Около трёх тысяч своих сыновей отправила в Чернобыль и Молдова. Многие из них сегодня уже нет на земле.

Имя Сергея Сулина хорошо известно молдавским ликвидаторам-чернобыльцам. Бывший командир взвода радиационной разведки, он – единственный профессиональный художник среди них и единственный «ликвидатор» среди членов Союза художников РМ.

Все эти годы тема Чернобыля занимает ведущее место в его творчестве, которое оригинально и полифонично. График, живописец Сергей Сулин ещё и прекрасно пишет. Два года назад в старейшем российском издательстве «Художественная литература» в Москве вышел в свет его, по оценкам критиков, необычайно свежий, неординарный роман под названием «S Золотой рыбы». Роман о мире и времени вокруг художника и внутри него. О таланте, его истоках и предназначении. О Чернобыле. О Кишинёве. Роман о творчестве. О любви. О творчестве любви. Роман о Творце. Предлагаем вниманию наших читателей пьесу Сергея Сулина по мотивам его собственного романа.



СЕРГЕЙ СУЛИН

КОГДА БОГИ ГОРШКИ ОБЖИГАЮТ

Лирико-ироническая драма в двух действиях

(Все герои реальные, события подлинные)

Действующие лица

СЕРГЕЙ, 28 лет, художник. На гражданке – в джинсах, рубашке на выпуск, кроссовках. В Чернобыле – в новенькой форме с погонами лейтенанта Советской Армии.

ОЛСЕ, 24-х лет. Высокая, стройная, симпатичная. Волосы русые, длинные. Улыбка обаятельная. В лёгком и светлом.

МАРИКА, 25-ти лет. Приятная шатенка в брючном костюме.

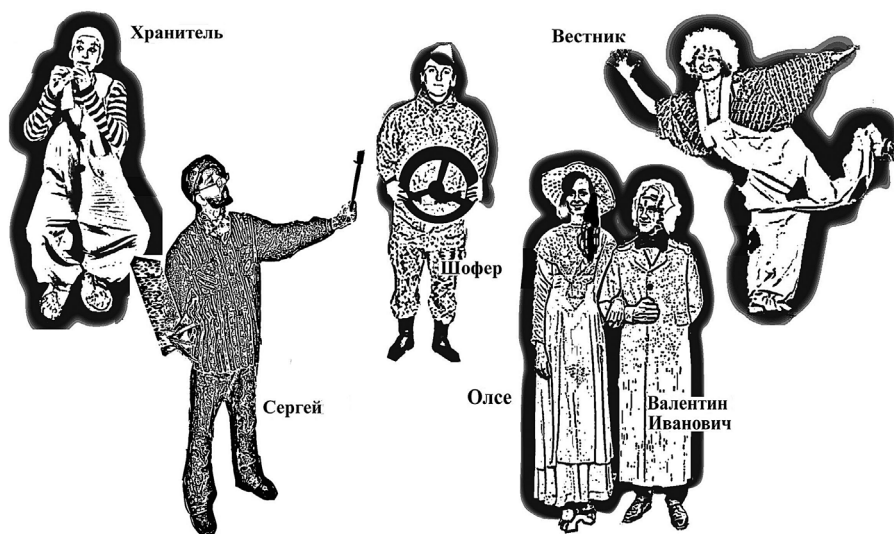
ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ (В. И.), старый учитель рисования. Носит допотопный пыльник, берет и длинный шарф. С претензией на богемность.

ХРАНИТЕЛЬ – создание высшего порядка, Ангел. Долговязый, лысый. Одет в балахон, подпоясанный рыболовной сетью. На голове – фонарик. На ногах – сандалии. Похож на «белого» клоуна.

ВЕСТНИК – тоже создание высшего порядка и тоже Ангел.

Щербатый, усеянный веснушками-конопушками. Волосы золотистые, собраны в хвостик. Одет в кисейную занавеску, на ногах чёрные колготы в крупную клеточку, шлёпанцы. Сзади красные габаритные огни. Похож на «рыжего» клоуна.

ШОФЁР, 30 лет. Чернявый, поджарый. В ватнике и сапогах.



Декорация: огромный перепачканный краской мольберт с установленным на нём белым холстом на подрамнике. Холст служит экраном для проецирования необходимых по ходу спектакля изображений.

Действие первое

Картина 1. Вместо пролога

Свет в зале постепенно гаснет.

На холсте-экране появляется силуэт Творца в традиционной для художников блузе. В одной руке палитра, в другой – кисточка. Творец размешивает краску и кладёт мазок на холст. Р-р-раз – и на экране появляется голубая полоска, два – и цвета морской волны, три – и жёлтая. Ещё пара мазков и перед зрителями – солнечный день, пустынный пляж, море и небо.

Слышен шум прибоя и крики чаек.

Появляются Сергей и Олсе. Держась за руки, они идут по берегу моря. Сергей поднимает с песка несколько перьев, дурачась, втыкает себе в волосы и исполняет перед спутницей птичий танец любви – высоко подбрасывает ноги, вертит головой, распускает хвост, ломает крыльями воздух и щёлкает клювом. Олсе отвечает тем же – изображая птицу, идёт навстречу, изящно выгибая шею и трепеща пёрышками.

Эротико-орнитологическая пантомима, в конце которой девушка увлекает Сергея в густую тень кулис.

Картина 2. Марика

По проходу к сцене направляются Ангелы. Хранитель в синем рабочем халате, запачканном краской, освещает путь фонариком. Вестник, отсвечивая габаритными огнями, тащит за ним ведро с краской и длинную малярную кисть.

Помогая друг другу, «маляры» взбираются на сцену. Становятся лицом к залу.

ГОЛОС (за кадром). Хранитель – создание высшего порядка, Ангел. Фас, профиль. (Хранитель поворачивает голову). Служит в Департаменте Охраны и Преображения Искры Божьей в Пожар Творчества. Характер – пессимистический. Особые приметы – отсутствие крыльев. (Хранитель криво усмехается).

ГОЛОС (за кадром). Вестник – тоже Ангел. Фас, профиль. (Вестник вертит головой). До недавних пор состоял в подотделе Частных сношений при Департаменте Чистой Любви. Характер – оптимистический. Особые приметы – наличие крыльев. (Вестник машет крыльями. Хранитель в насмешку начинает кудахтать).

Хранитель нахлобучивает сложенную из газеты треуголку, размешивает краску в ведре и замазывает холст чёрным цветом. Вестник безуспешно пытается удержать напарника. Когда всё оказывается замаранным, неожиданно раздаётся звук мощного взрыва в сопровождении ослепительной вспышки. Звучит тревожный вой сирены, мигает красный свет. На холсте-экране постепенно проступают очертания полуразрушенной Чернобыльской атомной электростанции и зловещий знак радиации.

Ангелы в панике мечутся по сцене, затем натягивают противогазы и скрываются за кулисами.

Свет гаснет.

В темноте слышен рык проезжающих грузовиков.

Доносится хриплый голос из громкоговорителя:

«Машине радиационно-химической разведки прибыть на КПП! Машине радиационно-химической разведки срочно прибыть на КПП! Срочно, твою мать! Срочно!».

Свет становится ярче.

На сцену быстрым шагом выходит озабоченный Сергей (лейтенант СА, на плече армейский дозиметр и планшетка). В ожидании той самой машины, он нетерпеливо поглядывает на часы, нервничает. Наконец раздаётся сигнал, и рядом останавливается машина. Из неё высовывается водитель.

Сергей (грозит кулаком). Ну, сержант!

Дальнейшее не слышно из-за рокота проносящихся мимо грузовиков, но по мимике и жестам шофёра можно догадаться, что на высказанное лейтенантом недовольство, он отвечает без всякого уважения к офицерским погонам. Не желая продолжать бесполезную перепалку, Сергей с раздражением машет рукой и садится в машину. Устроившись в кабине, Сергей натягивает марлевый респиратор, другой протягивает шофёру.

Шофёр (отмахивается). Да, ну его, кр-р-ружка медная! (Газует).

Фоном служит приглушённый звук работающего двигателя и треск дозиметра.

Сергей задумчиво смотрит в окно на проносящийся пейзаж. Он вспоминает. Звуки становятся всё более отдалёнными, их заглушает танцевальная мелодия восьмидесятых. На холсте-экране кружение разноцветных пятен света.

Сергей «на полном ходу» выходит из машины, стягивает респиратор.

Сергей (в зал). Впервые я увидел Марику на новогодней дискотеке.

Из-за кулис появляется Марика и в нерешительности останавливается. Сергей жестом приглашает её на танец. Сергей и Марика танцуют.

Сергей. Маричка была юная, весёлая, нежная, и я, незаметно для себя, утонул в её чёрных очах.

Марика (в зал). Я тоже не осталась равнодушной к молодому человеку, и мы стали встречаться.

Сергей. Наш роман разразился на закате советской эпохи, когда от пустых прилавков и талонов на трусы уже веяло сквозняком грядущей катастрофы. Но мы с Марикой были влюблены и ничего кругом не замечали.

Марика. Время шло, нам хорошо было вместе и, чтобы не усложнять жизнь ни себе, ни родителям, мы подали заявление в ЗАГС.

Звучат аккорды свадебного марша Мендельсона.

Марика в полном восторге примеряет фату.

Сергей. И тут, словно обухом по голове: какая свадьба? При одной только мысли о пупсе на радиаторе свадебного экипажа меня начинала бить дрожь, а перспектива обзавестись кучей новых родственников, которые станут примерять на меня, как смирительную рубашку, собственные взгляды на жизнь, вызывала полный ступор.

Марш Мендельсона начинает «пробуксовывать» и обрывается.

Дискотечное кружение света постепенно замирает.

Сергей. Ситуация разрешилась сама собой, когда какой-то лысый субъект, вручил мне повестку из военкомата. А уже через несколько дней я вместе с другими запасниками стоял на сборном пункте в ожидании автобуса на Чернобыль. Меня провожала Маричка. Девушка была словно заморожена, смотрела на меня совершенно пустыми глазами и отвечала невпопад. Когда, наконец, позвали на посадку, я чмокнул её в безжизненные губы и с явным облегчением поспешил в салон.

Машет Маришке, та безответно исчезает в полутьме.

На холсте-экране вновь изображение ЧАЭС.

Фоном служит атональная, абстрактная музыка.

Сергей. По грандиозности атомную станцию, со стороны взбесившегося реактора закованную в бетонную броню, можно было сравнить разве что с пирамидой Хеопса. В работах по её дезактивации принимали участие с десятков полков, чей личный состав радиация перемалывала за пару-тройку месяцев. Со своим подразделением отделился на станции и я, но всё же основной нашей задачей было наблюдение за радиационным состоянием окружающей местности.

Сергей настраивает дозиметр, определяет и записывает уровень радиации, затем быстро возвращается в машину.

Сергей. В этих краях люди и так жили бедно: дома из самана, ветхие заборы, непроходимые после дождя улицы, а теперь ещё и разбросанные во время поспешной эвакуации вещи, ободранные соломенные крыши и заколоченные окна. Я так и не смог к этому привыкнуть за время своих визитов в зону и всякий раз, когда мой взгляд случайно натёкался на вдавленную в колею книгу или детскую игрушку, почти физически ощущал удар под дых.

Мотор «чихает» и глохнет. Автомобиль останавливается.

Слышно громкое и частое потрескивание дозиметра.

Сергей (обеспокоенно). Сержант, в чём дело?

Шофёр (осипшим голосом). Бензин кончился, кр-р-ружка медная!

Сергей (взволнованно). Так что же ты?! (Берёт себя в руки). Ладно, потом разберёмся. Давай выбиратьсья!

Разведчики натягивают респираторы, покидают машину и поспешно скрываются за кулисами.

Сергей и шофёр, уже не так быстро, появляются из глубины сцены. Респираторы болтаются на груди.

Шофёр (нервно, громко). Лейтенант, а ты о сгинувших в болотах пожарных-десантниках слышал? Нет? (Оглядывается, прислушивается, говорит тише). А о кроликах-мутантах, которые сбиваются в стаи и нападают на мародёров? У них глаза красные и в темноте светятся, ей-богу, не вру...

Сергей (смахивает со лба паутину, устало). День уже приближался к вечеру, а мы с сержантом, изнывая от голода и жажды, всё ещё брели по мёртвой зоне. Заблудиться в окрестностях атомной станции, в местности, изборождённой многочисленными автодорогами, линиями электропередач и железнодорожными путями – глупее ситуации не придумаешь!

Раздаётся тихий, протяжный колокольный звон.

Картина 3. В.И.

Мастерская. На холсте-экране нарисованная Сергеем картина: полуразрушенная мельница с поломанными крыльями, почерневшие виноградные кусты, словно обугленное небо.

Сергей (в порванных на коленях джинсах, заляпанной краской рубашке, всклокоченный) с палитрой в одной руке и кистью в другой в задумчивости стоит перед мольбертом. Он делает несколько последних мазков и отступает. Некоторое время, скрестив руки на груди, мрачно созерцает своё произведение. Художник внутренне опустошён и подавлен. Хочет плеснуть себе вина в стакан, но бутылка пуста. Сергей шарит по карманам. Найдя несколько завалившихся монет, подбрасывает их на ладони, затем накидывает куртку и выкатывается на улицу.

На холсте-экране интерьер кабака. На сцене стол и лавка.

К лавке прислонен этюдник. На столе кувшин с вином и стаканы.

Фоном звучит музыка из радиоточки. Слышны возгласы: «Ну, будем!» и «Хай, норок!»

За столом сидит Валентин Иванович. Он в очках, с газетой в руках. Смотрит в газету, потом задумчиво – в потолок, шевелит губами, что-то записывает на странице. Появляется Сергей.

Сергей. И этот кабак, прилепившийся к стене городского кладбища, и эта улица, где в старой развалюхе у меня мастерская, и множество других улиц, домов и людей их населяющих – всё это мой родной город. Он – столица древнего Княжества, бывшего до недавних пор частью огромной страны, и находится почти в самом центре Европы.

(В.И. замечает Сергея и призывно машет рукой. Сергей машет в ответ).

Сергей. Валентин Иванович преподавал мне когда-то в художке и с тех пор, кажется, совсем не изменился. Злые языки утверждают, что старик давно уже выжил из ума, но лично я ничего такого за ним не замечал. Мне всегда нравились его работы, проникнутые одновременно и высоким мастерством, и детской непосредственностью. *(Присаживается за стол).* Здравствуйте, маэстро!

В.И. (жизнерадостно). Привет! Что слышно? *(Наливает Сергею вина).*

Сергей. В центре города, кажется, опять заварушка. То ли праздник какой, то ли снова виноградная революция.

В.И. Интересно люди живут! А я вот всё кроссворды разгадываю. *(Старик демонстрирует таблоид с огромным кроссвордом на развороте).* Ну-ка, подскажи, друг ситный: в чём смысл бытия? *(Сергей озадаченно скребёт в затылке, пожимает плечами вздыхает).* Вот и мне ничего путного в голову не приходит... Ну, твоё здоровье! *(Пьют. В.И. – немного, Сергей – залпом).* А вот пить вино ты не умеешь. Его надо смаковать, а не хлестать, как водку.

Сергей (грустно). Скоро буду воду смаковать. Мой Чернобыль никто не покупает.

В.И. (разглядывая на свет вино в стакане). Поменяй тему. А деньги – пустое! Под шкафом или за подкладкой обязательно найдётся несколько завалившихся монет, так что не пропадём! *(Хлопает Сергея по плечу).*

Сергей (*быстро пьянея*). Валентин Иванович, а что, когда Вы рисуете, не возникает порой такое чувство, что Вашей рукой кто-то водит, что Вы сами являетесь только посредником между Космосом... или, если хотите, Богом и остальным человечеством?

В.И. (*усмехается*). Да, бывает, но после стакана доброго вина быстро проходит. (*Берёт газету*). Итак, что есть истина?

Сергей (*пьяненько*). Загляните в следующий номер, там есть все ответы.

В.И. А вот это и не главное. Правильно поставленный вопрос – вот что важнее всего... Теперь по вертикали: что было вначале? Гм... Ну, положим, это я-а-а...

Не договорив, заполняет свободные клеточки.

Сергей (*подперев голову рукой, с любовью глядя на старого учителя*). Валентин Иванович, а откуда Вы родом?

В.И. Есть такая глухая станция... Да ты о ней, поди, и не слышал. А знаешь, как там красиво, какие пейзажи? А какие девушки!.. (*Закатывает глаза*). Кстати, всё хотел тебя спросить, как там у тебя с Марикой?

Сергей (*с горечью*). Мои черныбыльские «подвиги» остались далеко позади. За прошедшее время успела сгинуть целая империя, а у нас с Марикой всё остаётся по-прежнему. Правда, сейчас мы встречаемся реже, так как она... вышла замуж. Конечно, надо было расстаться, но мы этого сразу не сделали, а потом, когда у нас с ней появился ребёнок (*печально и светло улыбается*) – девочка, слава Богу, здоровенькая, – всё запуталось окончательно и бесповоротно. Марика обещает вернуться, однако идут годы, а ничего не меняется. Наверное, я всё ещё её люблю, но былой страсти уже нет. Даже ревность, сводившая поначалу с ума, куда-то улетучилась. Теперь я более-менее спокоен, хотя и совершенно опустошён.

Слышен звук разбитого стекла.

Картина 4. Пикник

На холсте-экране среди звёзд вращается старушка-Земля, на ночной стороне озарённая бесчисленными огоньками. За ней скрывается далёкое Солнце. Справа, сверкая, словно ёлочная игрушка, висит Луна, слева маневрирует космическая станция «Мир». Фоном тихо звучит органная музыка.

Удобно расположившись на орбите планеты, ангелы пьют нектар из высоких бокалов и любуются открывающимся видом.

Вестник. Надо чаще встречаться в неформальной обстановке. А то после твоего возвращения толком и пообщаться некогда было. Всё работа, работа... (*Поглядывая на космическую станцию*). Разлетались, спасу нет. На орбите мусорную свалку устроили. Скоро в космос без скафандра не выйдешь... (*С ностальгией*).

А помнишь, как ещё молодыми оболтусами плевали отсюда вниз на Землю – проверяли Закон всемирного тяготения?

Хранитель (*закатывает глаза*). Было дело. А потом САМ лично нам пенделей отвесил за недоверие к его космической механике и отправил на планету трилобитам хвосты крутить.

Вестник (*с умилением*). И Департамент тогда всего один был – Чистой Любви... (*Замявшись*). Послушай, теперь это уже дело прошлого... Тебя простили,

вернули из бессрочной ссылки, восстановили в правах. А что, собственно, тогда произошло? Нас ведь в подробности не посвящали. Огласили только: «Лишён, разжалован и низвергнут на вечные времена». Но я-то знаю тебя как облупленного. Не мог же ты, в самом деле, пренебречь волею САМОГО? Помнится, ты у НЕГО даже в любимчиках хаживал.

Хранитель (*ворчливо*). Простили, восстановили... А крыльев, полагающих-ся по статусу, так и не дали... (*Шевелит плечами*).

Н-да... А тогда, понимаешь, такая дурацкая история вышла. Я как раз вернулся с самого края Света, где ладил красное смещение.

В департаменте Чистой Любви – никого. Вседержитель всю крылатую рать, и тебя в том числе, отправил затыкать чёрные дыры, а САМ, как всегда, носился с какой-то своей очередной идеей. Люди же – ЕГО последний суперпроект – слонялись без дела по Райскому саду и понемногу дичали. Они, хоть и были созданы сразу взрослыми, но в любви и внимании нуждались всё равно что малые дети. Я от нечего делать и решил заняться их образованием. В общем, первый класс, вторая смена... И вот как-то взялся я учить Адама играть в шахматы. Он – парень смыслённый, всё схватывал на лету, и уже вскоре мы с ним затеяли нешуточную баталию. А Евка в это время рядом крутилась и, как могла, нам мешала. Скучно ей, видишь ли, было. То Адаму на плечи взгромоздится, кобыла этакая, то меня начнёт за уши тянуть, а потом ещё и ныть стала: «Абрикосу хочу!». А у нас как раз самый разгар партии. Да и абрикос нигде не наблюдалось – не сезон. Вот я и сорвал несколько плодов с соседнего дерева, того самого – запретного. Евке сунул, Адамку угостил, ну и сам, конечно, попробовал. Кислым фрукт оказался, недозревшим, но в пылу схватки, мы и не заметили, как всё обнесли... Кто же знать мог, что наш САДОВОД так из-за этого огорчится? Видите ли, первый урожай не дали отведать.

Вестник (*сокрушенно*). Значит, всё вышло по недоразумению? И сразу поражение в правах и шесть тысяч лет без права переписки! Кошмар!.. А у нас после твоего... гм... гамбита такая кутерьма началась, мама не горюй. При Департаменте Чистой Любви пришлось в срочном порядке организовать подотдел Частных сношений. Меня штатным Амуром туда назначили.... Впрочем, ты это, конечно, знаешь. Вот аврал в вашем Департаменте помогу устранить, и подамся к себе – «поля влюблённым стелить» и браки на небесах устраивать.

Хранитель (*усмехается*). Размечтался! С таким приростом населения работы по Преображению Искры Божьей в Пожар Творчества ещё надолго хватит.

Вестник (*серьёзно*). Как раз хотел с тобой об этом поговорить. Не слишком ли ты прессуешь своего подопечного? Художник и так кожу с себя сдирает, чтобы острее чувствовать, а ты норовишь ему за шиворот ещё и битое стекло насыпать.

Хранитель (*устало*). Здра-а-асьте, приехали! Я же уже объяснял... Ладно, ещё раз – специально для рыжих. (*Словно малому ребёнку*). Спасение Бессмертной Души – самое ценное, что есть во Вселенной, напрямую зависит от развития в человеке творческого начала. А вся история человечества свидетельствует о том, что истинный художник достигает максимальных результатов только в том случае, если переживает какое-либо потрясение: личную драму, общественно-политический катаклизм или, на худой конец, природную катастрофу. Лучше, конечно, всё вместе. И мы, Хранители, просто обязаны ему в этом поспособствовать.

Вестник (*запальчиво*). Ну уж нет! ЛЮБОВЬ – вот основа всему! И только она – истинный двигатель Прогресса и Творчества.

Хранитель (*ворчливо*). Вот и отлично. Теперь ты сможешь на деле проверить свою завиравальную теорию.

Вестник. Почему теорию? Мне поручили курировать одну начинающую поэтессу. У женщин ведь творческое начало - в Любви, вот меня и приставили к ней как профи в этой области. Сейчас, как раз подыскиваю достойный объект для стимуляции её вдохновения. А-а-а, кстати...

Хранитель (*категорически*). Нет!

Вестник (*напористо*). Да почему же? Наши подопечные живут в одном городе. Это сама Судьба. Давай сведём их вместе.

Хранитель (*пожимая плечами*). У моего жизнь и так не сахар. Как раз то, что доктор прописал. Зачем что-то менять?

Вестник (*с энтузиазмом*). Ради интереса! Столкнём две личности и посмотрим, что получится. А хочешь пари? Моя поэтесса в творческом плане обставит твоего художника!

Хранитель (*неуверенно*). У него сейчас путаная любовная история.

Вестник (*кривится, как от зубной боли*). Да знаю я! Сам когда-то его с Мариной свёл... Вот и дадим парню ещё шанс, пока окончательно не свихнулся.

Хранитель (*нехотя*). Ну, ладно. Лишний стресс ему не помешает. А... на что спорим?

Вестник. Я обещал одной знакомой Луну с неба. Для тебя ведь это не проблема?

Хранитель. А если ты продуешь?

Вестник (*беспечно*). Отдам тебе пару из шести моих крыльев.

Хранитель (*подумав*). Третье в качестве запаски.

Вестник (*радостно*). Вот и договорились.

Хранитель. Только у меня условие: поможешь и дальше донимать художника.

Вестник (*смеётся*). Но и ты подсобишь мне окрутить подопечных. (*Ударяют по рукам*).

Хранитель (*понижив голос*). Слушай, я, конечно, понимаю, что никому не дано знать, и всё такое, но всё же, может, ты в курсе... где ОН, что сейчас делает?

Вестник (*печально улыбаясь*). ОН, брат, как всегда, – везде и во всём. Но в основном, конечно, где-то там, на Земле, среди людей. Их грехи на СЕБЯ взял, жестокие муки вынес, а уйти, оставить тех, кого сотворил по образу СВОЕМУ и подобию, наделил свободой воли и даром созидания, так и не смог. Лично держит за руку каждого умирающего, переносит вместе со своими неврастеничными чадами боль и страдания, тяготы и лишения, которые не может предотвратить, потому что САМ дал на это право... У НЕГО, понимаешь, Вселенная пошла вразнос, галактики в разные стороны разлетаются, а ОН сидит на Земле, в каком-то медвежьем углу и страдает за всё человечество... Мне порой кажется, что в этом ЕГО слабость.

Хранитель (*изумлённо*). В чём?

Вестник (*печально*). Во всемогуществе. ОН не в состоянии изменить принятого решения, ибо всегда прав. И отказаться от Любви – СВОЕЙ сущности, тоже не может, – это означало бы поражение, а такое в принципе невозможно... Уф, заговорил я тебя, брат. Это ведь только моя гипотеза. (*Поднимает бокал*). Ну, что, ещё по маленькой?

Хранитель (*хихикает*). И в школу не пойдём!

Картина 5. Вдохновение

Мастерская Сергея. В ней полный кавардак: на столе пустые бутылки из-под вина, повсюду разбросана одежда.

Сергей спит. Во сне стонет, кричит, вздрагивает. Сваливается с кровати и просыпается. Художнику с перепоя плохо. Он перебирает бутылки, надеясь опохмелиться. Находит банку с рассолом. С жадностью пьёт. В банку попадает луч света. Она – словно светится изнутри. По стенам мастерской разбегаются солнечные зайчики. Феерическое зрелище. Сергей приходит в восторг. Вглядывается в банку, о чём-то задумывается. Ставит банку на стол и закрывает глаза.

Художник начинает творить.

Взмахом руки он создаёт на холсте-экране банку, полную до краёв солнца. Затем, вызывает разные видения: солнечный пейзаж с мельницей в окружении цветов и кустов винограда; освещённые солнцем цветущие деревья; вид с речкой, в которой отражается расплавленное солнце и, наконец, картина с обнажённой женской фигурой в морском прибое, в брызгах горящей на солнце пены.

Фоном – музыка, соответствующая акту творения.

Когда Сергей открывает глаза, на холсте-экране всё пропадает. Художник намеревается запечатлеть привидевшееся. Он поспешно выдавливает краски на палитру, становится перед мольбертом, заносит кисть над холстом и на мгновение замирает.

На сцене маленькая фигура художника и большой мольберт с девственно-белым холстом на нём.

В дверь бесцеремонно стучат.

В мастерскую вваливается какой-то пьянчужка (переодетый Хранитель).

Хранитель (прокуренным голосом). Слышь, парень, тебе слон нужен? (достаёт из сумки большого игрушечного слона с оторванным ухом). Купи слона. За червонец отдам... Ну за пятак. Пятак на бутылку – святое дело!

Сергей с нетерпением роется в карманах, молча суёт визитёру деньги. Тот уходит. Сергей поспешно возвращается к прерванной работе.

Раздаётся телефонный звонок.

Сергей (хватает трубку). Марика!?

Мужской голос. Не угадал. (Смеётся). Ты что делаешь? Приходи, посидим.

Сергей (хмуро). Извини, работаю.

Мужской голос (заинтригованно). Что, заказ?

Сергей (мрачно). Для души.

Мужской голос. Чего? А-а-а... Слышал уже про Валентина Ивановича? Старик провозгласил себя единственным носителем чистого искусства на всём последниковом пространстве. Каково?

Сергей. Да об этом каждый второй наш коллега рассказывает.

А каждый первый утверждает, что он Господь Бог в живописи.

Мужской голос. А, по-моему, он просто рехнулся.

Сергей кладёт трубку и вновь берётся за кисть.

В дверь опять барабанят.

В мастерской появляется «чёрт» (переодетый в вывернутый мехом наружу тулуп Вестник. На нём страшная маска, за которой видна рыжая шевелюра).

Ангел колядует: «Сею, сею, посеваю, с Новым годом поздравляю!» и обильно посыпает Сергея зерном.

Сергей (удивлённо). Да разве уже Рождество?

Вестник (подставляя мешок для гостинцев). Я репетирую! Гони подарки!

Сергей затравленно оглядывается по сторонам и засовывает в мешок пустые бутылки. Тяжело нагруженный ряженный уходит.

Снова раздаётся телефонный звонок.

Сергей обречённо берёт трубку. На сей раз – долгожданная Марика.

Марика (громким шёпотом). Не могу говорить. Уезжаю к родственникам. Люблю, целую. Привет от дочери. Всё. Пока! До встречи! (Короткие гудки).

Сергей медленно кладёт трубку. Он расстроен, но скрепя сердце решает всё же поработать. Предусмотрительно отключает телефон и на цыпочках крадётся к мольберту. Но все его ухищрения напрасны.

Раздаётся мелодия «Лебединого озера» и в мастерскую, изображая балетные па, врывается пара «маленьких лебедей» (Вестник и Хранитель в пачках и кедах). Сергей, ошалев от такого вторжения, лишь хлопает глазами. Он безнадёжно смотрит на пустой холст и в порыве отчаяния ломает кисть. Затем надевает чёрную пачку, и под звуки канкана коршуном обрушивается на «белых лебедей».

Картина 6. Олсе

На холсте-экране интерьер художественной галереи.

Среди других видны и новые – «солнечные» работы Сергея.

Фоном – голоса и шум дождя.

Сергей и В.И. с фужерами в руках стоят на краю сцены.

Гости выставки – ангелы, с видом знатоков прохаживаются вдоль полотен. Они оживлённо жестикуют, обмениваясь мнениями.

В.И. (проникновенно). Эх, Серёженька, да если бы мои работы тронули душу только одного человека, то и тогда бы я посчитал, что не напрасно перевожу краску.

Сергей (мрачно). Найти ценителя не так уж и сложно, но вот убедить купить картину – настоящее искусство.

В галерею прямо из дождя влетает Олсе. Отряхивает зонтик.

К ней тут же устремляются Вестник и Хранитель. Забирают зонт, помогают снять плащ.

Вестник. Господа, прошу любить и жаловать...

Олсе (представляется, смущённо улыбаясь). Олсе.

Сквозь шум дождя начинает звучать тихая музыка.

Сергей (эхом). О-ол-се... У неё были изменчивые, словно морская волна, глаза, брови, похожие на распростёртые крылья чайки, и невероятно обаятельная улыбка.

Хранитель. Между прочим, подающая надежды поэтесса. А это авторы представленных здесь картин.

В.И. галантно целует девушке руку. Сергей заворожённо смотрит на Олсе.

Вестник, улыбаясь во всю свою конопатую физиономию, выдирает перо у себя из гузки и щекочет Сергея между лопаток. Сергей передёргивает плечами.

Сергей. При виде этой девушки неожиданно возникло такое ощущение, словно кто-то садистски медленно водит пером у меня между лопаток. (*Вестник демонстрирует перо зрителям*). Давно забытое – головокружительное и сладостное чувство. (*Пожимает руку Олсе*). Слышен треск электрического разряда. Между Сергеем и Олсе пробегает искра.

Вестник (*радостно*). Есть контакт!

Хранитель (*деловито*). От винта!

Олсе. Очень приятно. (*Не отрываясь, смотрит на Сергея*).

Вестник (*Хранителю*). Главное сейчас, чтобы не заглохло.

Хранитель (*Вестнику*). Так добавь обороты!

Вестник (*хватает Олсе под руку*). Пойдёмте, я покажу вам выставку. Это гениально! Работы достойны всяческих похвал.

Хранитель (*подхватывает Олсе с другой стороны, рычит*).

Не слушайте его. Я лучше разбираюсь. Это самый настоящий декаданс, полное вырождение и деградация!

Ангелы оттесняют Олсе от Сергея, та оглядывается.

В.И. (*вклинивается между ангелами*). Мадмуазель, они оба ничего не смыслят в живописи. (*Делает приглашающий жест*). Не желаете шампанского?

Вестник. Но позвольте, господа, я первый положил глаз на барышню.

Хранитель. Вы, милейший, ни одной юбки не пропустите.

В.И. Молодые люди, не ссорьтесь! Лучше уступите место старику.

Хранитель и Вестник (*хором*). Не в троллейбусе!

Свет меркнет. Голоса спорящих становятся едва слышными. Видно лишь Сергея и Олсе, которые, словно зачарованные, смотрят друг на друга.

Сергей (*улыбается*). Как поживает твоя розовая курточка?

Олсе (*удивлённо*). А мы разве?..

Сергей. Ты была у меня в мастерской с какой-то компанией и умудрилась влезть рукавом в краску.

Олсе. Точно! Ты ещё оттирал масляное пятно этим ужа-асным растворителем, я потом благоухала весь вечер, и тревожно молчал.

Сергей. Прикидывал, что ещё можно от тебя ожидать.

Олсе (*насмешливо*). Я смотрю, у нас есть что вспомнить.

Сергей. А то... Дождь кончился. (*Нерешительно*). Может, сбежим?

Олсе. Не получится. Мне только что сделали предложение... Три предложения!

Яркий свет. Перед Олсе – один, опустившись на колено, другой, прижав руку к сердцу, третий – протягивая цветы – стоят её воздыхатели.

Сергей. И в этот момент я почувствовал, как во мне просыпается что-то первобытное, я бы даже сказал, звериное. Захотелось бить себя в грудь, рычать, скалиться и размахивать каменным топором.

Сергей, словно древний охотник добычу, забрасывает Олсе на плечо и уносит со сцены. После некоторого замешательства «женихи» с воплями бросаются следом.

Сергей и Олсе (девушка босиком, с распущенными волосами) медленно бредут по ночному городу. Мигают жёлтые глаза светофоров, горят фонари, светятся витрины и фары автомобилей.

*Фоном – шелест листвы и тихая музыка.
Олсе напевает.*

А в Ла-Валлетте дождь
Бессмысленный
и горький,
Ведёт хромой старик
Лошадку под уздцы...
О, как мы далеки,
О, как мы неразлучны,
Когда моих шагов
Не слышишь рядом ты.
Неаполь и Стамбул,
Пирей и остров Капри
Печальные следы
Читали по слогам,

Тускнели зеркала,
Смолкали вмиг базары,
В оцепененье помня
Лишь наши имена.
Бесхитростный мотив
Расстанется с Босфором
И Караван-сарай
Столетия простоит,
Но будет всё – не так,
Я знаю, древний город.
Без песен о тебе
Смертельно загрузит.

Олсе. Во время конфликта с Заречьем таким же поздним вечером шла домой с работы. Не горели фонари, не ходили троллейбусы, а далеко за городом грохотало. И не понятно: то ли гроза, то ли пушки. И надо было пройти через парк, где одетые в камуфляж комбатанты жгли костры, дожидаясь отправки на фронт. Было страшно.

*Сергей опускается на колени и обувает Олсе туфельки.
Девушка читает стихотворение.*

Ночь надкушенным персиком
истекает соком шагов
по асфальту горячих,
бездонных и долгих улиц.
Всплеск бесшумный босых,
удивлённых лёгкостью ног,
в наготу сновидений деревьев
невзначай посвящённых...

Близко, близко – дыхание,
смыслом всей жизни – рука
человека по имени
Никогда-с-тобой-не-расстанусь!..
Счастье? – Города тени, вздохи,
изъяны лица
изучать неустанно
доверчивыми ступнями.

Сергей обнимает Олсе за талию. Та замирает в его объятиях.

Сергей. А через несколько дней я пригласил Олсе к себе домой. В назначенное время она не появилась, и я в нетерпении бродил по пустой мастерской,

бездумно переставлял вещи, поглядывал на, казалось, остановившиеся часы и прислушивался к дверному колокольчику. Когда миновала первая тысяча лет, я затосковал. После второй впал в депрессию. Лишь по истечении третьего тысячелетия, когда уже был готов умереть от отчаяния, наконец, раздался drobный стук каблучков, и на пороге возникла со сбившейся чёлкой и сверкающими глазами невероятно красивая Олсе. (*Сергей с нежностью гладит Олсе по голове*). Раскалённая сковородка уже вовсю скворчала под нами, обжигая пятки.

Олсе (*с вызовом, в зал*). ...И мы оба с радостью на неё шлёпнулись.

Сергей на сцене один.

Сергей (*в зал*). С появлением в моей жизни Олсе незабвенный образ Марика значительно потускнел. Понимая, что потеряю дочь, я откладывал последнее объяснение и продолжал изредка с ней встречаться. Но долго так продолжаться не могло. Однажды, вернувшись с этюдов, я нашёл у себя в мастерской стерильную чистоту и две записки.

Одна была прижата сковородкой к столу, другая приколоты кухонным ножом к двери. Первая принадлежала Маричке и гласила...

Из тени кулис появляется Марика.

Марика. Два раза в одну реку не войти. Нам нужно расстаться. Так всем будет лучше. Олсе – хороший человек, желаю вам счастья. И нечего было врать, что по ночам разгружаешь вагоны! Прощай навек!

Сергей. Вторая – от Олсе, и в ней говорилось...

Выступает Олсе.

Олсе. У тебя прекрасная дочь, не лишай её отца. Больше мне не звони. Продолжай и дальше оформлять по ночам свои витрины. Прощай, прощай!

Сергей. И я с ужасом представил, как здесь сошлись две небезразличные мне дамы, посмотрели друг другу в глаза и сразу всё поняли.

Олсе. Почему вы не вместе?

Марика (*надменно*). Это наше личное дело!

Олсе. Нет, это и моё личное дело!

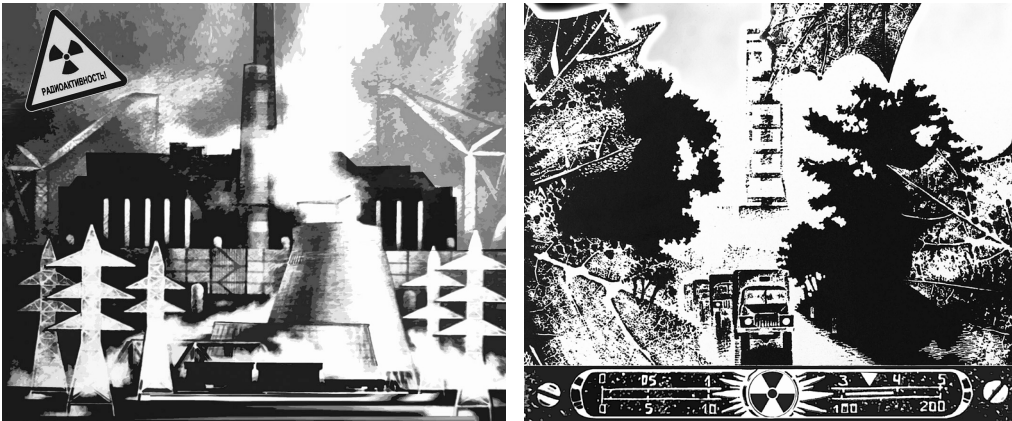
Марика. Почему это?!

Олсе. Потому, что я его люблю!

Марика (*затаив дыхание*). А он?

Олсе. Это уже не важно.

Сергей (*в зал*). Затем обе женщины, не сговариваясь, принялись яростно убирать мастерскую, а резвушка-дочь и мой пёс весело гоняли по дому, радуясь обшей суматохе...



Действие второе

Картина 1. Сергей

Сергей в своей мастерской. Полуголый, заросший, взъерошенный, с тёмными кругами под глазами. Сидит с початой бутылкой водки в руке. Рядом стоит В.И., с укоризной смотрит на Сергея.

Сергей (*мрачно*). Случилось то, что и должно было случиться, — меня бросили обе женщины. Конечно, очень хотелось увидаться с Олсе, да и с Маричкой надо было окончательно выяснить отношения, но, сознавая свою вину перед обеими, я никак не мог на это решиться. (*Прикладывается к бутылке*). Пока собирался с духом, позвонила Марика. Скорбным голосом она сообщила, что уезжает с дочерью за границу, где у мужа оказались родственники, и мы, скорее всего, больше не увидимся. Я понял, что потерял дочь, ощутил в груди бесконечную пустоту и, чтобы как-то её заполнить, запил по-чёрному. (*Прикладывается к бутылке. Заплетающимся языком*). Алкоголь не приносил успокоения, зато в моём одурманенном сознании стали возникать самые невероятные видения. Особенно часто меня посещали два странных существа, покрытых перьями. (*На сцене появляются ангелы в своих бредовых нарядах и исполняют «Летку-енку»*). В пьяном угаре я даже попытался их запечатлеть. (*Показывает В.И. стопку бумаги*). Рисовал, портил и опять рисовал. Через несколько дней мои неудавшиеся наброски, заполнив мастерскую, разлетелись по всей квартире. (*Швыряет вверх листы, и они разлетаются по сцене*). Всюду витал пух, раздавалось тихое квохтанье и шелест многочисленных крыльев. (*Втягивает носом воздух, подходя к В.И.*). Чувствуете, пахнет курятником? (*Прикладывается к бутылке. В.И., глядя на Сергея, скорбно качает головой. Сергей хватает В.И. за рукав*). Вот и сейчас мне кажется, что я их вижу. (*Указывает на ангелов*).

В.И. (*смотрит в сторону ангелов, те кривляются, гримасничают, глядя ему в лицо*). Здесь никого нет. (*Решительно*). Ну, вот что, с этим надо что-то делать! (*Отбирает бутылку. Возлагает руки на голову Сергея*). Слушай меня! (*Говорит с нажимом*). Ты больше не пей! Пить перестанешь — человеком ста-

нешь! Трезвость – норма жизни! *(Делает пассы. Раздаётся далёкий гром. Сергей вздрагивает).*

В.И. *(с угрозой).* А я уж позабочусь, чтобы эти милые видения оставили тебя в покое. *(Машет рукой в сторону ангелов).* Кыш, кыш!

Хранитель и Вестник в панике убегают.

Сергей, закутанный в плед, и Валентин Иванович сидят за столом и пьют чай из блюдец.

В.И. *(разглазольствует).* Каждый человек изначально несёт в себе отблеск Создателя. Но при рождении его Душа – всё равно что необработанный алмаз. Задача учителя – превратить её в бриллиант, чтобы она засверкала всеми своими гранями. Нужно помочь ребёнку осознать свой дар, дабы пронести его через всю жизнь, не изменив предназначению.

Сергей. А что, если кому не дано?

В.И. Ну так что же? ОН *(грустно улыбается)* всё равно их любит... А давай я расскажу одну сказку, может, она тебя чему-то научит. Это случилось в те времена, когда и понятий таких, как Пространство и Время ещё не существовало, а был лишь Творец перед пустым холстом Вселенной. И вот задумал ОН создать невиданную до того огненно-ледяную картину и вложить в неё свою Сущность.

Только представь, Первый день Творения: ОН берёт кисть и рисует миллиарды галактик и биллионы звёздных систем. Затем выбирает одну из планет – по случайности оказавшейся Землёй, населяет её разумными существами, создав их по образу и подобию СВОЕМУ и со спокойной совестью дожидается, когда они разнесут по всему Миру ЕГО гуманистические идеи. А люди со временем и думать забыли о своём великом предназначении. Войны и нажива стали их постоянным уделом. Наивная попытка Творца вразумить заблудших, окончилась для СЫНА ЕГО на кресте. И тогда решил ОН, что добьётся своего другим путём. Спланировал некое событие, отдалённые последствия которого должны будут повернуть всю историю в определённое изначально ей русло, и лично стал содействовать его осуществлению.

Сергей *(заинтересованно).* И что это за событие?

В.И. А Бог его знает. Главное в том, что именно с него начнётся постепенное изменение Мира и когда-нибудь свершится задуманное: ЛЮБОВЬ И ТВОРЧЕСТВО ЗАПОЛНЯТ ВСЕЛЕННУЮ.

Сергей *(вздыхает).* Красивая сказка... Только ждать долго.

В.И. *(грустно улыбается).* Так у НЕГО впереди вечность.

Сергей *(с подозрением).* Валентин Иванович, а к чему вы это рассказали?

В.И. Никогда не поздно начать всё заново!

На холсте-экране дом Олсе. Видны окна с занавесками, открытая форточка. Где-то играет музыка.

Сергей с букетом цветов стоит перед домом.

Хранитель и Вестник попеременно выглядывают из-за кулис, наблюдают.

Сергей. Только благодаря героическим усилиям моего старого учителя я вышел из штопора.

Где-то в это же время до меня стали доходить бередающие душу слухи об Олсе: то её видели за городом в обществе смазливовго блондина, то – танцующей цыганочку с выходом в какой-то полубогемной компании. Это было настолько невыносимо, что я решил: будь что будет, и отправился к ней вымалывать прощение.

По дороге в голову лезли всякие дурацкие мысли. Так, я очень живо вообразил, как Олсе, обворожительно красивая, встречается меня на пороге и, глядя насмешливо и презрительно, сообщает, что я опоздал, и теперь в её жизни другой мужчина.

И, конечно же, это самый лучший человек на свете: добрый, сильный и верный. Он владеец фирмы, увлекается спортом и виртуозно играет на маракасах. Они с Олсе безумно друг друга любят, скоро поженятся и уедут в романтическое путешествие в Венецию.

Сергей подходит к дому, не решается постучать в дверь, топчется у порога, прислушивается.

Сергей. Неужели я угадал и моя ненаглядная сейчас там, в объятиях этого... доброго, сильного, верного? Стоп! А если он никакой не бизнесмен, а обыкновенный жулик, который позарился на квартиру? Или того хуже – сексуальный маньяк и собирается над ней поглумиться! Что же делать? (*Кусаёт кулак*). Надо её спасать! (*Заглядывает в окно*). Заберусь в дом и... (*С угрозой трясёт букетом в воздухе*). Только бы в форточку пролезть.

Вестник хватается за голову, Хранитель крутит у виска пальцем. Сергей воровато оглядывается и снимает костюм. Затем берёт в зубы букет и взбирается на окно.

Ангелы выскакивают из укрытия и активно ему помогают.

Их усилия приводят к тому, что художник срывается с форточки и с грохотом падает в квартиру.

Ангелы прячутся за мольбертом.

Сергей на четвереньках, без штанов, с букетом в зубах в квартире Олсе. Слышны чьи-то осторожные шаги. Сергей, охнув, поднимается с пола и замахиывается поломанным букетом.

Сергей. Ну, держись, спортсмен... за свои маракасы!

Из дверей выглядывает Олсе и удивлённо взирает на Сергея. Немая сцена.

Олсе. Слышу, кто-то на кухне безобразничает. Ну, думаю, точно соседский кот. А это ты (*хихикает*), без штанов. Какая прелесть!

Сергей. Отпираться не имело смысла. Это действительно был я. Чуть позже, когда Олсе врачевала мою израненную шипами роз душу, я сделал ей сразу два предложения: одно – руки, другое – сердца, и она, помолчав, обещала подумать над обоими.

Ангелы поздравляют друг друга, жмут руки – СВЕРШИЛОСЬ!

Картина 2. Из жизни богемы

Сергей (*натягивая штаны, в зал*). Многие сказки заканчиваются свадьбой. Этим замечательным событием наша с Олсе история только началась. (*Обводит взглядом зрителей, усмехается*).

Хотите услышать подробности? (*Оглядывается на Олсе*). Ладно, расскажу... (*Задумчиво*). Поначалу у нас вроде бы всё было хорошо и даже здорово. Мы оба

занимались творчеством, раскручивали совместные проекты. И в личной жизни – лучше не придумаешь...

Сергей и Олсе где-то на природе, сидят, обнявшись, целуются.

Фоном – шелест листвы, кваканье лягушек и отдалённый гром в исполнении ангелов.

Сергей ложится головой Олсе на колени. Олсе читает стихи.

Созрели бабочки	С ладони осыпаются недели,
для краткого полёта,	Как фантики, прозрачны и легки,
Горячий ветер улицы метёт,	Но краски ни на миг
Пока за холм не закатилось лето,	не потускнели,
И нас на жар, на свет его несёт.	А небеса как никогда близки.

Сергей (восхищённо). Новое? Здорово! (Мечтательно). А хорошо бы издать сборник твоих стихов...

Олсе. С твоими иллюстрациями.

Сергей (потухая). Где только деньги взять?

Олсе (находчиво). Проведём презентацию неизданной книги, авось, спонсор и объявится.

Сергей (с восторгом). Верно! Совместим твой творческий вечер с выставкой моих работ...

Олсе. Обзовним журналистов, разнесём пригласительные толстосумам...

Сергей. Позовём поэтов, художников, бардов...

Олсе. Распечатки стихов будем бросать в зал, как листовки...

Сергей (с воодушевлением). А под конец устроим стриптиз на роле!

Олсе (смеётся). Это уже сам, а я полюбуюсь... (Потягивается). Жарко, мороженое хочу.

Сергей (роется в карманах, гордо). На порцию эскимо хватит.

Олсе (влюблённо). Мой меценат!

На холсте-экране картина Вселенной.

Сергей и Олсе стоят по разные стороны сцены, говорят в зал. По центру располагаются Ангелы. Во время диалога главных героев они по необходимости издают разного рода звуки, как-то: скулёж, стук, звонок телефона и скрип (последний отмечен звёздочками).

Фоном – что-то из Патриции Каас.

Освещение на героев. Ангелы в полумраке.

Сергей (пылко). Ну, иди сюда. Моя ты рыбка золотая...

Олсе (кокетливо). Пусти! Ты – ослик... ***

Сергей (страстно). Какая ты сладкая. *** Скрипит, нужно будет смазать. ***

Олсе (показывает на грудь). Смотри, у нас с тобой по ордену.

Сергей. А нечего было кусаться.

Олсе. Как цыганка, да? (Под цыганку, горячо). Любить не будешь, помнить будешь! (серьёзно). Кстати, дорогой, как ты относишься к акмеизму?

Сергей. Кххх... чему?

Олсе (*скороговоркой*). Ха! К акмеизму. «Акме» в переводе с древнегреческого – цветущая вершина. Поэты этого направления...

Сергей (*потрясённо*). Подожди, я не знал! Сейчас запишу... (*Слышен лай и скулёрж*).

Сергей. Аттила, а ну иди на место! Не до тебя! Ты его кормила?

Олсе. Я и тебе предлагала... Слушай, а что если насыпать пекарского порошка? Говорят, тогда мальчик будет.

Сергей (*беспечно*). Ну, ладно, сыпь... Ой!!! А почему мне?... А-а-а!!! Ты что?! Больно!

Олсе: Не сомневаюсь. А теперь нужно постараться *прибежать* вместе. *** Ну, ещё немножко, ну ещё!!! (*Звонок телефона*). (*Разочарованно*). Ну, вот. Я же просила отключить!

Сергей. Алло? Алло?... Ни-ко-го...

Олсе. Иди скорей... (*Слышен стук*). Стучат? Ты закрыл дверь?

Сергей (*нетерпеливо*). Нет, не знаю, не помню... (*Сюсюкает*). А что тут делает эта маленькая, вкусенькая девочка?

Олсе (*игриво*). Му-ужика ждёт!

Сергей (*грозно*). А это не мУжик, это Серый Волк.

Олсе (*удивлённо*). Слушай Волк: а что это у тебя?

Сергей (*застенчиво*). Это пистолет.

Олсе (*с любопытством*). А какой он системы?

Сергей. Револьвер.

Олсе. Леварвел?

Сергей (*с испугом*). Осторожно, выстрелит!

Олсе. Сссшш, сссшш... (*Восторженно*). Он... свистит!?

Сергей (*закатывает глаза*). Эй, что ты делаешь?! Я тебе не флейта!

Олсе (*входит во вкус*). Сшшшш... сшшшш... Ты – флейта, флейта! Нефритовая! Ха-ха! Ну, дай ещё!

Сергей. Да, ты, смотрю, уже совсем большая девочка.

Олсе (*лепечет*). Я маленькая. Мне мама целоваться не разрешает.

Сергей (*нетерпеливо*). А мы ей не скажем... Мадам, прошу, же не манж па сис жур. *** Ну, что же она так скрипит, проклятая? ***

Олсе (*кричит весело*). А, представь, что мы с тобой едем в Париж! ***

Сергей. На каруце? ***

(*Вестник увлечённо скрипит пружинами. Хранитель затыкает уши*).

Олсе. Господи, как это... Я... тебя... люблю-у-у! (*Скороговоркой*). Какое нынче число?

Сергей (*в зал*). Околдованные друг другом и своим творчеством, мы с женой поначалу почти не замечали окружающей нас нищеты. Однако уже вскоре суровая действительность с её железными законами, которые мы имели наглость игнорировать, с упорством маньяка стала лезть в наш дом из всех щелей (*ангелы с удовольствием изображают зомби-мутантов*), стараясь разрушить хрупкую скорлупу семейного счастья. Да чего там, други, вот дневник (*достаёт тетрадь*), судите сами.

На сцене полукругом выстраиваются Хранитель, В.И., Олсе, Сергей и Вестник. По очереди читают из дневника, передавая его друг другу.

Сергей. Месяц закончился, а милостыню под названием «зарплата» нам так и не дали. Поголодав несколько дней, мы с женой отправились в «ресторан» – пункт сдачи крови, где с донорами расплачиваются обедами. Ожидая кровопускания, я всю дорогу собирался с духом, однако отдуваться за нашу трапезу пришлось одной Олсе, поскольку моя кровь – кровь ликвидатора, как выяснилось, была непригодна для консервации.

В.И. Сносят старый город. То там, то здесь ломают знакомые с детства здания. Без зазрения совести меняют привычный вид улиц. На их месте зачастую появляются какие-то «шоколадные» дворцы и «пряничные» замки. В старых домах была душа. А в этих, словно сошедших с обложек глянцевого журналов, души нет, проектом не заложена.

Хранитель. Сегодня меня обокрали в маршрутке. С разных сторон обступили задумчивые ребята, воспользовавшись толчеей, залезли в карман и обобрали самым банальным образом. А там удостоверение было, черномыльское и написанная маминой рукой молитва, которую я нашёл у её постели в день смерти.

Сергей. Зашёл в мастерскую к Валентину Ивановичу и застал его кромсающим опасным лезвием свои картины. Щёки у старика пылали, глаза блестели. «Я плохой художник!», – заявил он мне и разрыдался. В.И. был в таком тяжёлом состоянии, что я, испугавшись, вызвал скорую помощь. Дежурный врач, едва взглянув на старика, тут же позвонил в психиатрическую больницу. У меня чуть не разорвалось сердце, когда два мордоворота, подгоняя прутиками, погнали несчастного к машине, и я вызвался его сопровождать.

Вестник. Мы с Олсе так пока и не нашли средств для издания нашей совместной книги. Бизнесмен, к которому мы обратились за помощью, кривя губы, заявил, что деньги нужно зарабатывать самим, а не отнимать время у делового человека. Он припомнил, как во время достопамятной перестройки, под видом глухонемого приторговывал на базаре порнушкой и не без гордости похвастался, что вот теперь под ним вся порноиндустрия Княжества, а он – уважаемый член общества...

Олсе. Один из героев очерков Олсе, жилистый старикан, живущий в ещё более стеснённых условиях, чем мы, таскает нам целыми сумками «зелёные витамины» – берёзовые листья, одуванчики, молодую крапиву, медвежий лук и многое другое. Олсе делает из всего этого многообразия вкуснейшие салаты, которые мы едим с утра до вечера. Правда, однажды после «мать-и-мачехи» у нас сильно подскочило давление, но... разве настоящего гурмана остановит такая мелочь?

Сергей. Пришло письмо от Марики. Они в Голландии. Снимают вполне приличные апартаменты. Дочь ходит в школу, занимается тхэквондо. Все семьёй ездили по туристическим визам в швейцарские Альпы. В будущем собираются посетить Париж. В общем, не бедствуют. Я рад за них, *(с тоской)* только по дочери скучаю. Очень! Ау-у-у, козочка моя, где ты?

Хранитель. Неожиданно у меня купили несколько картин. Мы с женой рассчитались с долгами, а на оставшиеся деньги, наконец-то, отдали в печать её многострадальную рукопись.

В.И. К гаданию на картах я всегда относился скептически, и только когда встретил Олсе, изменил к этому таинству своё отношение. Её уникальные спо-

собности не один раз выручали нас от суммы. Цену Олсе не назначает. Каждый сам определяет стоимость её работы. Порой порция мититеев, бутылка подсолнечного масла или банка консервов – её гонорар.

Сергей. Полночь. Несмотря на распахнутые окна, в мастерской жарко и душно. Время от времени я отрываюсь от холста и с вожделением поглядываю на заметно округлившуюся Олсе, которая, лёжа на диване, что-то правит в блокноте. После длительного перерыва у жёнки снова пошли стихи, и почти каждую ночь она зачитывает мне что-нибудь новенькое. Жена шутит, что издавать ребёнка и рожать новую книгу она будет одновременно.

Вестник. Заходили соседи. Они уже давно хотят купить мою развалюху. Нам с женой эта идея совсем не нравится... Да не хотим мы продавать нашу «Ясную поляну», не желаем отдавать наши «Пенаты» в чужие руки!

Сергей. Утром я забрал из типографии наш наконец-то напечатанный «Дуэт». Дома, не веря своему счастью, мы с Олсе тут же вскрыли один из увесистых пакетов, и на стол высыпались новенькие, ещё не знавшие читателя, книжицы (*показывает книгу*). Мы с женой долго любовались их матовыми, отпечатанными в два цвета обложками и, как токсикоманы, нюхали отдающие свежей краской страницы.

Хранитель (*скорбно*). Скоропостижно скончался В. – композитор, бард и душа нашей компании. Только третьего дня сидели на его концерте в «Проходном дворе». В числе прочих, он исполнил и несколько новых песен на стихи Олсе. После выступления В. признался, что уже подобрал мелодию ещё к одному стихотворению моей жены. Теперь мы уже никогда не узнаем, что это были за стихи, как звучала сочинённая на них музыка.

Олсе (*едва сдерживая рыдание*). Соседи срубили нашу ель. Двухметровая красавица, которую посадил ещё мой дед, всё ещё тянется к высокому голубому небу зелёными пахучими ветками и не знает, что уже умерла...

Сергей. Вчера в доме скорби я навестил Валентина Ивановича. (*Все смотрят на В.И.*). Старик предстал предо мной закутанным в больничную простыню, которая болталась на нём, словно древнеримская тога. (*В.И. заворачивается в простыню*). Я уж было собрался произнести заготовленную заранее приветственную фразу и передать гостинец, но В.И. вдруг погрозил мне пальцем, как в школе на уроке рисования, если был мной недоволен. Затем старик, так и не сказав ни слова, развернулся и с видом патриция, величественно удалился. (*В.И. грозит пальцем Сергею и уходит со сцены*).

Картина 3. Голос

Ангелы встречаются на орбите земли.

Вестник (*с истеричными нотками в голосе*). Моя поэтесса сбежала от твоего художника! (*В крайнем волнении носится по сцене, размахивая крыльями и причитая*). Только подумать, я сам отдал её в руки этому мазилке! А из-за твоих заморочек с ним даже рядом находиться опасно!

Хранитель. Я же предупреждал, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Вестник. Каюсь, не придавал значения. Один твой Чернобыль чего стоит!

Хранитель. Я лишь повестку вручил. А пребывание на атомной станции способствовало появлению у моего подопечного целой серии замечательных работ.

Вестник. И облучению!

Хранитель. Это случайность.

Вестник. Твои действия аморальны!

Хранитель. У самого рыльце в пушку.

Вестник. Что ты имеешь в виду?

Хранитель. Да о твоих любовных похождениях легенды складывают.

Вестник. Бабы сами ко мне липнут!... И вообще – это моё личное дело и прошу не... Ах ты, гад ползучий, да я тебя!..

Ангелы хватаются за грудки.

Раздаётся ГОЛОС. На холсте-экране пятно яркого света пульсирует в такт словам.

ГОЛОС (*простуженный, говорит в нос*). Что за шум, а драки нет?!

Ангелы на мгновение замирают, сообразив, КТО пред ними, склоняются в безграничном почтении.

ГОЛОС (*сморкается, потом говорит устало*). Напоминаю, голуби, что, помимо всего прочего, вашей задачей является следить за тем, чтобы Свобода Воли, данная МНОЙ изначально Человеку, по возможности, не нарушила МОИХ же собственных замыслов! А посему вам надлежит немедленно разыскать своих подопечных и сделать всё для их воссоединения. И учтите – от этого зависит судьба Вселенной!

Ангелы берут «под козырёк». Свечение пропадает.

Сергей (*перед занавесом, печально в зал*). От меня ушла Олсе. Наверное, этим всё и должно было закончиться... Моя нежная, добрая, ласковая девочка, стойчески переносившая вместе со мной все трудности постсвадебной жизни, в конце концов, не выдержала свалившихся на нас испытаний и покинула меня. Однажды поздним вечером она лиловым туманом просочилась в форточку и растаяла в неизвестном направлении. (*По сцене проносится Олсе, задрапированная во что-то лиловое. Сергей провожает её тоскующим взглядом*). Лишь на кухне остался пыхтеть чайник, да на столе лежала адресованная мне записка.

Олсе (*голос за кадром*). Фоном – тихая музыка.

Знаешь, милый, – ничья вина,
только в буднях весны не вижу...
Я в тебя ещё влюблена,
но уже почти ненавижу.

Сергей. Без жены для меня нет жизни, и я отправляюсь на её поиски, даже если на это уйдет целая вечность. (*Музыка смолкает*). Гм... Вот только где её искать, ума не приложу.

Раздаётся стук в дверь. Появляется Хранитель в фуражке почтальона.

Хранитель. Вам бандероль.

Сергей (*удивлённо*). От кого?

Хранитель. Здесь неразборчиво. Распишитесь. (*Уходит*).

Сергей вскрывает конверт, достаёт книжку, вертит в руках.

Сергей. Наш с Олсе «Дуэт»? Как же я сразу не догадался! Жена в Мире созданных ею образов. Но... как туда попасть? О, да здесь какая-то записка... (*Читает*). «Нету... Не ту... Не тупи! Ваши творческие Вселенные пересекаются в этой книге. Прочти любое стихотворение и окажешься на месте». Значит, так просто? Сейчас проверим. (*Нетерпеливо перелистывает страницы*). Это, пожалуй, подойдёт.

Олсе (*голос за кадром*). Фоном – тихая музыка.

Я цепляюсь за слова,
потому что быстротечна, –
просто кругом голова, –
этой жизни бесконечность:
От сознания тщеты,
от безудержных мгновений,
от пустыни, где следы
многих-многих поколений
засыпаются песком,
прахом рухнувших империй, –
засыпаю, и – бегом
в царство ярких сновидений (...)

Картина 4. Мастерская поэта

На зрителей обрушивается водопад звуков: голоса птиц, журчание воды, жужжание пчёл и шелест травы.

Сергей. И я оказался в Мире, созданном неудержимым воображением моей жены, в Мире со своими тайнами и законами.

Я пристально вглядывался в густые заросли в надежде отыскать какой-нибудь знак, указывающий на его творца. Пытался разглядеть её след на воде, ощутить знакомый запах волос в порывах ветра; уловить звук родного голоса в шелесте осоки. Но все мои усилия были напрасны. Олсе словно растворилась в этом пульсирующем пространстве – среди бегущих облаков, заливных лугов и скользящих отражений. Мой собственный опыт странствий по нарисованным дорогам тут был непригоден. В основе моего Мира – Свет, а здесь, естественно, Слово.

Махая крыльями, появляется Вестник.

Вестник (*кричит*). А это одно и то же! СУЩИЙ – во всём! ОН был, есть и будет!

Сергей (*изумлённо*). Ты кто, Б... Бэтмен?

Вестник (*радостно улыбаясь*). Я А... Ангел – Вестник Любви!

В последнее время способствовал развитию творческого начала твоей супруги!

Сергей (*обалдело*). Чего, чего?

Вестник (*приземляется*). Работа такая!

Сергей. А-а-а... а здесь что делаешь?

Вестник. Так, в засаде я. Поступило распоряжение: найти и воссоединить двух молодых идиотов... в смысле молодожёнов. Вот и выполняю. От кого указание, интересуешься? Так от Самого... Ну да, от НЕГО от самого... Зачем вы с Олсе понадобились? Да кто ж ЕГО знает. У НЕГО спрашивать не принято... Конечно, читаю мысли. Я думал, ты сразу сообразил... Ладно-ладно, не буду... *(хихикает)* если получится.

Сергей *(поражённый)*. Значит, вот так, запросто, вы с НИМ и общаетесь? Каков ОН?

Вестник *(ёжится)*. Господь с тобой! Это вы люди контактите с НИМ, когда захотите, а у нас, знаешь ли, строгая иерархия. Ну, а насчёт того, каков ОН, скажу лишь, что САМ – необъятен и постичь ЕГО нельзя. А о возможностях и говорить не приходится. Одно сотворение Мира чего стоит! Хочешь, расскажу?

Сергей. Извини, тороплюсь. Жену разыскать надо.

Вестник. Значит, дальше вместе. Ты же от помощи не откажешься?

Сергей. Понятное дело.

Вестник. Тогда, открывай книжку и... вперед!

Олсе *(голос за кадром)*. Фоном – тихая музыка.

Жизнь – только
повод упасть в стихи,
как в заросли пастушьей сумки цветущей,
которой поля футбольные заросли
заброшенных пионерлагерей – амнезии сущей.

И остаётся отчётливый след
тела с распахнутыми крылами
в траве, когда я ушла, а вслед –
кукушка и кто-то без имени
летними голосами...

Сергей и Вестник на лесной поляне. Сергей вертит головой, высматривая Олсе.

Вестник *(с лёгкой иронией)*. Не думал же ты, что сразу найдёшь свою жёнушку? *(Широко разводит руки. Благоговейно)*. Мастерская поэта! Это тебе не красками мазать. *(Доносится голос кукушки. Вестник поднимает палец, не без гордости)*. Слышишь? Моя работа. Это стихотворение Олсе сочинила, когда вы с ней однажды выбрались на пикник. Я тогда полдня куковал, стараясь настроить её на лирический лад... Нет, кроме шуток! У меня такая тактика – минимальным воздействием достигаю максимальных результатов. Что получилось, ты сам видишь... *(поднимает венок)*. Гляди-ка! А я и не знал, что твоя жена плела здесь ещё одно стихотворение.

Сергей *(огорчённо)*. Жаль, что не закончила.

Вестник *(ворчливо)*. Себя благодари... А кто стал приставать к ней с непристойными предложениями и сбил с рифмы? Эх ты, тюбик! Ладно, держи. Отдашь при встрече. Будет твоей индульгенцией... А теперь нам пора.

Олсе *(голос за кадром)*. Фоном – саксофон *(что-то грустное)*.

Она поёт, поёт простуженным сопрано,
 который век стоят большие холода,
 (Ужель на свете есть несбыточные страны,
 где солнце и прибой – нетленная вода?)

Не преисподня. То, что от неё осталось:
 банальный переход вброд бездны нищеты,
 вместилище теней, несущих крест, – усталость...
 Она поёт, поёт до слёз, до хрипоты (...)

Сергей и Вестник идут вдоль занавеса. Вестник, придерживая подол драпирующей его занавески, футболист перед собой пустую банку из-под пива.

Сергей (задумчиво). А ведь из своей засады ты должен был видеть Олсе.

Вестник. Как же, перед тобой лиловым туманом проплыла мимо. Почему не остановил? Обиделся. На что, спрашиваешь? Так, на эпиграмму.

Отставляет ногу, вытягивает руку, декламирует.

Гадкий ангел, не место тебе
 в стае сладкоголосых пернатых:
 перекошен твой лик и небес
 стяг лазурный не плещет в очах (...)

Ну, каково?

Сергей (вздыхает). Видать, была не в духе.

Вестник (ворчливо). Видно, кто-то сильно её обидел.

Сергей (сокрушённо). Я не хотел! Так получилось... (Кричит.) Смотри, вот она! (Показывает куда-то за кулисы, машет рукой, бежит вдогонку).

Вестник качает головой, вздыхает и, не торопясь, идёт следом.

*Сергей и Вестник идут в противоположном направлении.
 Вестник напевает.*

За окном рокошет гром,
 щурится от молний дом,
 в кухне – потолок протёк, –
 подставляю казанок,
 а потом в сковороду

я картошечку кладу:
 будет вечер, будет ужин
 (нам гроза не помешает) –
 суженый назвался мужем,
 весело огонь пылает (...)

Останавливаются.

Вестник (с досадой). Между прочим, крышу ты мог бы и починить! В последнее время я тобой, как катализатором вдохновения моей подопечной, сильно разочарован. Какая женщина, скажи мне, выдержит такое существование? (Сергей стоит, понурившись). Ну, чего застыл? Полетели дальше!

Олсе (голос за кадром). Фоном – перестук колёс.

Что может утешить?
Под стук колёс –
строка за строкой –
пробиваться упрямо
к тому, что – любовь,
к тому, от чего,
в сердцах отменив провожанье, сбежала! (...)

Сергей (*кричит Вестнику*). Олсе любит сочинять в поезде. Забирается на верхнюю полку и пишет, пишет...

Вестник (*громко*). Надо пройти по вагону. Здесь полно образов. Возможно, она ещё тут.

Сергей. В первом купе оказалась (*читает по книге*) «Тень кота на снегу в лунном свете». Она с негодованием зашипела на нас и заявила, что перед тем, как вламываться, нужно стучать.

Вестник. Во второе мы долго стучали. Не дождавшись ответа, заглянули. Там были (*читает по книге*) «деревья – просто деревья», и больше ничего.

Сергей. В третьем засело (*читает по книге*) «и не то чтоб любовь, и не то чтобы смерть, и не то чтоб знобящий предутренний зной», и мы решили не связываться.

Вестник. В четвёртом шёл (*читает по книге*) «дождь, так долго жданный летом», и мы вымокли до нитки.

Сергей. В пятом забаррикадировалось (*читает по книге*) «украденное пространство», оно оказалось не в духе и пообещало нам «жестоко мстить». Это было уже слишком, и мы поспешно ретировались. В шестом...

Вестник (*хватает Сергея за плечо*). Стой, не читай!

Сергей. А что такое?

Вестник. Там повышенная радиация.

Сергей. Ну, Бог не выдаст... (*Открывает книгу*).

Вестник (*кричит*). Не-е-ет!

Свет гаснет.

Олсе (*голос за кадром*). Фоном – монотонный колокольный звон.

Спешите в мой снег лиловый!
Ломайте мои ветви!..
Не запах – разносит полночь
густой погребальный звон.

Бред заколоченных окон –
стан яростного цветенья:
Ни вздоха, ни плача, ни пенья,
лишь птицы протяжный стон...

Из-за облака выползает Луна и освещает сцену.

Сергей (*в зал*). И в тот же миг я очутился где-то в мёртвой зоне, окружающей Чернобыльскую станцию. Была ночь. Луна освещала своим мертвенным светом погибшие деревья. Откуда-то издали доносился протяжный колокольный звон.

Появляется шофёр и раскуривает сигарету.

Сергей. Сержант, ты, что ли?

Шофёр (*нервно*). С утра я был, кружка медная... (*Озабоченно*). Слышь, командир, у нас в курилке болтали, что от «радииков» у мужиков... того... не стоит. Как думаешь, брешут?

Сергей. Вернёшься к жене, проверишь.

Шофёр. А ещё рассказывали, что доброволец, который флаг над станцией поднял, домой на новеньком «Волгаре» уехал. (*С завистью*). Повезло парню!

Сергей (*кашляет, угрюмо*). Не уверен.

Шофёр (*с тревогой*). Сколько идём – ни огонька. Словно леший водит! (*Останавливается рядом с Сергеем и раскуривает очередную сигарету*). Что-то ты, лейтенант, плохо выглядишь! Давай я сам вперед пройду, может, чего и угляжу. А ты здесь побудь. Я мигом. (*Скрывается за кулисами*).

Сергей (*в зал*). И тут Олсе не оказалось. (*Кашляет*).

А вдруг я потерял её навсегда? (*Закрывает глаза*).

На холсте-экране изображение солнечного дня, пляжа, неба и обнажённой женской фигуры в морском прибое.

Фоном – плеск набегающих на берег волн, который постепенно заглушается яростным треском дозиметра.

Сергей чувствует головокружение и теряет сознание.

Картина 5. В сумрачном лесу

По сцене стелется голубоватый туман.

Фоном – лёгкий шум бегущей воды.

Сергей в белой длинной рубаше и белых шлёпанцах на босу ногу в задумчивости сидит на берегу реки и бросает в воду камушки – бульк, бульк. Справа от него стоит Хранитель с большим сачком для ловли насекомых, слева – Вестник в съехавшей на затылок фуражке лесника.

Сергей. Вот какой нынче год? А век?.. Впрочем, не всё ли равно, если я даже себя толком не помню. Хотя имя, кажется, знаю... Смутно припоминаю город на холмах, утопающий в зелени лип, орехов и пирамидальных тополей. А ещё я вижу разные сны и особенно часто тот, где много моря, солнца и неба. Но моё ли это имя, где такой город и о чём эти непонятные видения? (*Вздыхает*). В голове полный туман... Давеча Док с умным видом заявил, что у меня... (*пытается вспомнить, оборачивается к Хранителю*). Как его?

Хранитель (*выступает вперёд*). Ам-не-зия в результате перенесённого шока. И это даже хорошо, потому как в жизни бывает такое, что лучше и вовсе не помнить. Вестник согласно кивает.

Сергей (*в зал*). Док уже после меня сюда прибил. Утверждает, что по научной надобности, дескать, отслеживает какое-то необычное насекомое. (*Хранитель демонстративно машет сачком*). Возможно, он прав, но вот у меня такое ощущение, словно там, где-то далеко, я оставил нечто очень важное. И, признаться, это не даёт мне покоя.

Вестник (*с надеждой Хранителю*). А сделать ничего нельзя? Вон как мучается, бедолага.

Хранитель (*вздыхает*). Уже отмучился. Как ему поможешь?

Сергей (*кивает на Вестника*). Кстати, это лесник подобрал меня на опушке сумрачного леса. (*Вестник козыряет*).

Его ветхая лачуга стоит на самом берегу реки. Рядом в тумане видны лишь покосившийся плетень, пристань и паром на переправе. Давеча я поинтересовался, зачем здесь это старое корыто?

Вестник. Так, это... Иногда приходится забредших туристов на другой берег доставлять... на пикник, значит.

На холсте-экране колышутся смутные очертания людей.

Сергей. А пикник, судя по всему, здесь намечается знатный. Лесник – добрая душа, приветает кого ни попадя. Мы с Доком ещё ладно, но уже после нас сюда забрёл совершенно голый волосатый тип, назвавшийся... Как же это? Вот – «недостающим звеном в цепи человеческой эволюции». Затем приبلудились какие-то покорители космоса в обгоревших скафандрах. Потом берлогу лесника почтила своим присутствием беременная цыганка. Вслед за ней последовательно пожаловали: целая орава папуасов, бригада телевизионщиков, правозащитники из Австралии, спортсмены, военные, наркоманы и многие-многие другие, чью национальную, профессиональную, а порой и половую принадлежность не всегда можно определить. Но у этих «пришельцев» есть и общая черта – все они постепенно блёкнут и... растворяются в тумане.

И со мной здесь тоже происходит что-то неладное. С некоторых пор я ощущаю себя наподобие воздушного шарика – необычайно легко и, я бы даже сказал, прозрачно.

(Рассматривает свои руки на свет).

Доносится неясный шум, словно шелест листвы.

Вестник (*поворачивается к экрану, поправляет фуражку, теням*). Господа-товарищи вот что я вам на дорожку скажу: не вы первые, не вы последние! Бог милостив, так что не теряйте надежды... И ещё: даже праведники дожидаются там семь дней своей очереди. Поэтому предупреждаю: по прибытии никто не расходится. А то в прошлый заезд, понимаешь, за пивом пошли... Ту-рррысты! (*Сквозь шелест доносится лёгкий смех. Вестник обращается к Сергею, ласково*). А ты, неприкаянная душа, с нами на ту сторону не желаешь? (*Сергей отрицательно мотает головой. Вестник вздыхает*). Видать, ещё не созрел, сердешный. (*Теням*). А теперь – в путь! И пусть каждому воздастся по его вере.

Свистит в дудку, делает отмашку.

На холсте-экране призрачные силуэты медленно растворяются в тумане.

Звучит походный марш, затем долгий пароходный гудок.

Картина 6. Вторая попытка

В.И., закутанный в простыню сидит на кровати в палате для умалишённых и вертит в руках серый мятый конверт. За стеной раздаётся чей-то вопль. В.И. прислушивается.

В.И. *(голос за кадром)*. По определению, Я МОГУ ВСЁ. Однако здесь, на Земле, чтобы особо не выделяться, МНЕ нужно придерживаться законов природы, раз уж САМ их выдумал, а также некоторых правил. К примеру, правил дорожного движения или, скажем, закона всемирного тяготения. Чтение писем – это местный обычай, и МНЕ тоже приходится ему следовать. *(Надрывает конверт, достаёт письмо)*.

В.И. Итак, посмотрим, что НАМ пишут *(цепляет очки, разворачивает бумагу)*. Из тени кулис выступает Хранитель.

Хранитель. Я, агент для особых поручений, с треском провалил задание и сейчас нахожусь в Сумрачном лесу вместе со своим подопечным, который в силу сложившихся обстоятельств отошёл в Мир иной.

В.И. С каждым может случиться. Повода для паники пока нет. У МЕНЯ всё под контролем.

Хранитель. Художник старается вспомнить прошлое, полагая, что оставил там нечто очень важное.

В.И. Ничего необычного. На переправе поначалу многие так думают.

Хранитель. Фигурант грезит о солнце, небе и море...

В.И. Помнится, что перед тем, как Я их сотворил, они и МНЕ долго мерещились.

Хранитель. ...И ещё о своей возлюбленной, с которой гуляет вдоль линии прибора.

В.И. *(ностальгически)*. Как мы когда-то с Марией.

Хранитель. Считаю своим долгом предупредить: художник может впасть в уныние – худший из грехов.

В.И. Молодец Хранитель, не побоялся признаться Высшей Силе во Вселенной о своём провале. Кстати, это ему в своё время была поручена совершенно секретная миссия – сдвинуть с мёртвой точки проект по размножению хомо сапиенса, забуксовавший из-за двух слишком послушных детишек, которые сами ну никак не хотели нарушить один МОЙ опрометчивый запрет. И агент с этой проблемой между прочим, блестяще справился. *(Смотрит в письмо)*. Уныние? А вот это серьёзно. Как бы не рухнул весь МОЙ хитроумный план по благоустройству Вселенной. По ЗАМЫСЛУ – именно со встречи Сергея и Олсе должна начаться череда событий, которая, в конце концов и приведет к перестройки Мироздания. Почему именно с этого момента? *(Смеётся)*. А не всё ли равно, если Я ТАК РЕШИЛ?

В общем, надо как можно скорее вытаскивать художника из Сумрачного леса. Да будет так! И точка!

В.И. надкусывает бублик, дует на горячий чай и пьёт из блюдечка.

Сергей стоит на берегу реки, широко открытыми глазами смотрит перед собой.

Сергей. Это выглядело так, словно кто-то большой и добрый провёл тёплой, шершавой ладонью мне по голове и в то же мгновение, словно пелена упала с глаз, в голове прояснилось и перед мысленным взором, как в кинохронике, пронеслась вся моя жизнь. Я вспомнил, кто я такой, что со мной приключилось и где теперь нахожусь.

Сергей опускается на колени, зачерпывает воду (слышен плеск) и споласкивает лицо.

Сергей. Стало быть, вот эта самая речка и есть легендарный Стикс? А добрый наш хозяин, значит, Харон свет Иваныч? Стоп, а Док тогда кто? *(Нервно хихикает)*. Нечистый, что ли?

На сцене появляется Хранитель. Сергей и Хранитель смотрят друг на друга – Сергей со страхом, Ангел с печалью. Он манит Сергея пальцем. Сергей отрицательно мотает головой. Ангел поднимает свой сачок и медленно, чтобы не спугнуть, направляется к Сергею. Сергей пьтится и убегает со сцены. Хранитель, размахивая сачком, вприпрыжку бежит следом.

Сергей и Хранитель сидят на берегу реки.

На холсте-экране игра солнечных бликов на поверхности воды.

Сергей. По правде говоря, тот Свет я представлял немного по-другому.

Хранитель. И был, конечно, прав. Просто сейчас твой разум по привычке цепляется за известные ему образы и знакомые понятия.

Сергей *(показывает на другой берег)*. А что там?

Хранитель. Царство Высшего Духа и Чистой Энергии. Там совсем неплохо тем, кто «за веру, царя и отечество» или из-за какой техногенной катастрофы сюда попал.

Сергей *(вздыхает)*. Рад слышать... *(Отодвигается)*. А тебя, Док, я вычислил. Ты...

Хранитель. Хранитель я. Занимаюсь преображением Искры Божьей в Пожар Творчества.

Сергей. С одним я уже знаком. Врал, что Ангел, что Вестник Любви, а оказался...

Хранитель. Он и есть Вестник. Души при переходе особенно ранимы. И переправа через Стикс, наравне с амурными делами, в его прямые обязанности входит.

Сергей *(уныло)*. А со мной теперь что будет?

Хранитель *(разводит руками)*. Как со всеми. Отправишься на тот берег со следующим заездом... Эх, предупреждали же тебя: не суйся в стихи с повышенной радиацией. *(Раздаётся телефонный звонок. Хранитель вскакивает, выхватывает мобильник и молча слушает. Затем отдаёт честь, приложив ладонь к лысой голове. Поворачивается к Сергею, радостно)*. Танцуй! Пришло указание о твоём досрочном воскрешении!

Сергей *(обалдело)*. Откуда указание?

Хранитель. Свыше! А теперь решай, где хочешь оказаться?

Сергей. А-а-а, можно мне...

Хранитель. Ты хочешь в свой сон, в свой удивительный сон – туда, где горячий песок под ногами, солнечные блики играют на воде и твоя любимая собирает

ракушки в морском приборе? *(Сергей кивает)*. Сожалею, старик, но эротическими фантазиями наша фирма не занимается. *(Снова раздаётся звонок. Хранитель торопливо достаёт мобильный телефон, внимает, говорит тихо)*. Будет исполнено! *(Сергею)*. САМ лично хочет сказать тебе несколько слов на дорожку...

Сергей с опаской берёт трубку.

ГОЛОС *(сквозь шум помех)*. Ни пуха ни пера!

Сергей *(срывающимся голосом)*. К... к чёрту! *(Слышны короткие гудки)*.

Хранитель *(чешет в затылке)*. И чем только ты ЕМУ приглянулся? Не пойму. Не иначе, как цеховая порука. Ну что ж – во исполнение Высочайшего Указа... В общем, будет тебе море, будет и... и всё остальное. Слушай! В реальном Море тот день, из твоего сновидения, давно уже канул в Лету, но в стихах Олсе, в твоих картинах он остался навсегда. Пройдут столетия, а ленивые волны всё так же будут накатывать на берег и лизать вам пятки. Вот туда для начала ты и отправишься. Закрой глаза. *(Сергей поднимает лицо вверх, закрывает глаза)*. Свет в конце туннеля видишь?

Н-е-е-ет? Безобразие, опять лампочку грохнули!.. Да шучу я *(ха-ха!)*, шучу. Ну что, готов? Тогда – ПОЕХАЛИ!!!

Яркая вспышка света.

Картина 7. Вместо эпилога

На холсте-экране берег моря. На пляж накатывают ленивые волны. Слышен шум прибоя и крики чаек.

На сцену выбегает Олсе, за ней Сергей. Догоняет, пытается поцеловать.

Олсе *(торопливо, высвобождаясь)*. погоди! У тебя бумага и ручка есть?

Сергей *(достаёт из кармана смятый лист и огрызок карандаша)*. Вот.

Олсе. Так, что здесь? *(Читает)* ...**только в буднях весны не вижу...** Понятно – старый черновик! А с другой стороны?... Пусто! Подожди, сейчас запишу. *(Что-то живо царапает на бумаге, потом сообщает)*. Представляешь, поставила чайник на плиту, и тут на меня накатило – сам знаешь, как это бывает. А едва попыталась записать стихотворение, как очутилась здесь... Хочешь послушать, что получилось? *(Сергей кивает)*.

Сбежавшие, как дети...

Край земли.

Ей двадцать пять,

он не намного старше.

За спинами – дельфины,

корабли

невидимые. Шторм,

но им не страшно.

Улыбок двух так безмятежен

свет,

и длится, длится на ветру

объятье...

Знак вечности очерчен –

смерти нет!

И некогда подумать

о расплате...

Сергей *(сконфуженно)*. А я смотрю – тебя нет. Думал, потерял навсегда. Бросился в погоню. По дороге чуть было не... *(Останавливается, не договорив)*.

Олсе (*чутко*). Что-то случилось?

Сергей (*машет рукой*). Неважно! (*Обнимает жену за плечи*).

Олсе. Любишь, что ли?

Сергей. Аж пяткам щекотно.

Олсе (*ласково*). Дура-а-ак.

Сергей (*радостно*). Действительно, дурак... (*Целует в висок*). Как ты себя чувствуешь?

Олсе (*прислушивается к себе, на её лице мечтательное выражение*). Всё время колотит.

Сергей опускается на колени и прижимается ухом к её животу.

ТУК, ТУК, ТУК... (*звучат приглушённые удары маленького сердца*).

На холсте-экране появляется расплывчатое изображение Создателя. Угадывается голова в обрамлении седых волос. Лицо заполняет весь экран. Создатель заглядывает в луну. В круглом стекле чётко виден старческий глаз, который с интересом смотрит на героев.

В шуме прибоя слышен ГОЛОС.

...И ТОГДА ЛЮБОВЬ И ТВОРЧЕСТВО ЗАПОЛНЯТ ВСЕЛЕННУЮ... (*эхо*)
ЗАПОЛНЯТ ВСЕЛЕННУЮ... ЗАПОЛНЯТ ВСЕЛЕННУЮ.

Олсе (*удивлённо*). Что это?

Сергей (*не отрываясь от живота*). Показалось...

Звучит песенка Олсе.

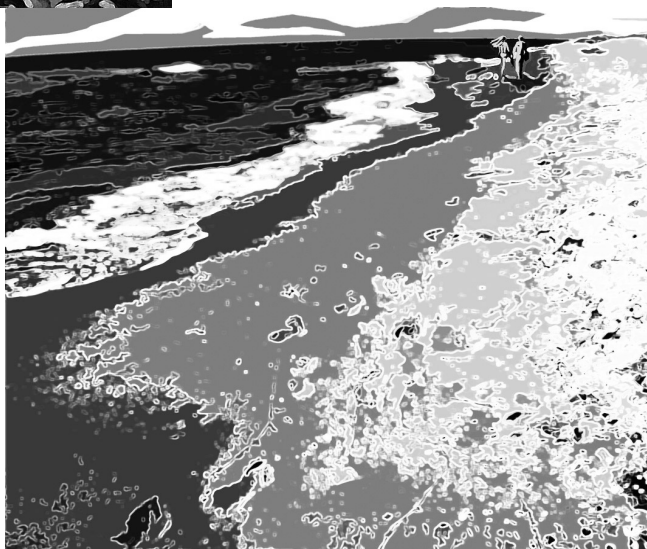
Угрюмый мальчишка в курсантских погонах
Унёс моё сердце, сжимая в ладонях.
Высокий и сильный, упрямый и страстный,
Он им забавлялся, как яблоком красным:
Подкинет повыше, и снова поймает,
И в пальцах до боли, до стога сжимает.

О, сколько на свете печали и снега,
О, сколько в душе моей тёплого света...

С тех пор и живу я
одним ожиданьем,
Когда же судьба нам
подарит свиданье,
Когда за всю муку
зимы неоглядной
Мне сердце своё
принесёт он в награду.
Задышит во мне,
засмеётся, как в детстве,
Мальчишки горячее,
гордое сердце!

О, сколько на свете
печали и снега,
О, сколько в душе моей
тёплого света...

31.12. 2013, Кишинёв.



В пьесе использованы стихи Олеси Рудягиной

Сергей СУЛИН родился в 1959 году в Кишинёве. Окончил архитектурный факультет Кишинёвского политехнического института. Член Ассоциации русских писателей РМ, Союза российских писателей, Международного сообщества писательских союзов.

Автор романа «S Золотой рыбы» (Москва, «Художественная литература», 2014).

Составитель каталога-справочника «Русская ветвь изобразительного древа Молдовы» (Санкт-Петербург) и альбома «Чернобыльский репортаж».

Председатель Товарищества русских художников Молдовы «М-АРТ», член Союза художников РМ.

Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Публиковался в журналах «Кодры», «Москва», в антологии «Современное русское зарубежье. Русские судьбы», «Литературной газете»; сборнике «Белый арап».



АЛЛА КОРКИНА

«КРУЖИТСЯ ВАЛЬСА ВИХОР ШУМНЫЙ...»

В 15-й раз в Кишинёве пройдёт Рождественский русский бал. За эти полтора десятилетия он стал знаменитым.

«Звезда Рождества» – так называли мы ежегодный фестиваль для творческой молодёжи, старшеклассников и студентов – с конкурсом вокалистов и музыкантов-исполнителей. На Рождественский бал, а он по традиции состоится в первое в году воскресенье, 8 января 2017-го, приглашены победители танцевальных и вокальных конкурсов. В год 15-летия проведения бала он снова откроется фанфарами и торжественным маршем, выходом всех участников в бальное каре, вальсом цветов, которые исполнят девочки из балетных студий. А потом прогремит полонез! Во многом эта торжественная часть начала бала повторяет открытие знаменитых императорских ассамблей во времена Петра Первого, Екатерины Великой и Александра Первого. Именно тогда императорские балы получили свою завершённую форму, открывали зимний сезон праздников и воспринимались высшим обществом как светская версия православных церковных литургий, совершаемых в храмах в большие праздники.

Церемониал нашего Рождественского бала на самом деле совпадает с тем, что происходило на императорских балах – только на другой, современной музыкальной и танцевальной основе. Да и содержание происходящего действия тоже, конечно же, несколько иное. Число участников на наших балах постоянно растёт. К



нему проявляют интерес и посольства. Списки приглашённых гостей теперь составляются заранее. наших хореографов зовут в районы для подготовки тех, кто хочет приехать на бал. При Бальном комитете в этом году открыт Клуб русского исторического танца (КРИТ), в котором уже более 100 участников, это в большинстве своём старшеклассники и студенты. В течение полугода они регулярно, два дня в неделю репетируют в Доме национальностей традиционные русские танцы, разучивают новые движения, поддержки, вращения. Осваивают бальный и светский этикет.

Группа студентов из Славянского университета готовится организовать «святочные гадания», «весёлую лотерею» и «почту знакомств». Это традиционные развлечения на Рождественском балу, которые помогают раскрепощению гостей, созданию особого настроения, радостного возбуждения.

С чего всё начиналось? Мы в Центре русской культуры в Молдове задумались о том, в каких формах продвигать русскую культуру, как привлечь молодёжь, чем заинтересовать её? Ограничиваться вечерами, посвященными великим русским поэтам и деятелям культуры, презентациями книг, издаваемых Центром, Днями кино, приглашением на гастроли известных деятелей культуры из России? Всё это хорошо, но на такие мероприятия молодые добровольно не ходят. И вот тогда возникла идея проведения новогоднего, а потом и Рождественского бала. Причём такого, на который с охотой могли бы пойти не только девушки, но и юноши. Это должно быть красивое, благородное и возвышенное событие, напоминающее им о сказке, о величественном прошлом, в котором и они могут принять участие. Но это не должно быть и театрализованным представлением, карнавалом, снижающим впечатление от торжественности действия элементами смеховой культуры...

Всё должно быть по-настоящему. В повседневной жизни и так есть над чем посмеяться, а вот серьёзного, значительного мало! Только тогда молодые люди примут такой бал как свой, как реальный, как необходимый им здесь и сейчас. И сами будут готовиться к нему, участвовать в его организации. Будут побуждать своих педагогов и директоров к участию в подготовке бала. Так и вышло. И уже после первых балов стало ясно, что они могут стать центром, вокруг которого будут возникать танцевальные и балетные студии, ибо участие в таком бале в большом зале, предполагает наличие массовой танцевальной культуры. А у коллективов появился и дополнительный стимул, и аргумент к освоению великой русской бальной и танцевальной традиции. Новый стимул для развития романса, балета, танца...

Первый наш бал состоялся в Русском драматическом театре им. А.П.Чехова. Танцоры из хореографического колледжа показали прекрасные балетные номера, юные музыканты сыграли свои любимые произведения, студенты из Академии музыки исполнили лучшие арии, своё творчество продемонстрировали гости из русских старообрядческих сёл... Но зал во время танцевальных дивертисментов был полупустой. Оказалось, что дети, подростки просто не умеют танцевать. В зале кружились всего несколько пар. А ведь бал – это не просто концерт, это действие, которое подразумевает участие всех присутствующих. Но это и не просто танцульки, не просто вечеринка. Это прежде всего особое коллективное действо...

И тогда во время подготовки очередного бала, мы вместе с заслуженной артисткой Молдовы Клавдией Осадчей и балериной Валентиной Степановой занялись подготовкой будущих участников бала. Сначала в одном из лицеев, с годами круг любителей бального танца значительно расширился. Например, в прошлом

году разучивали танцы уже в пяти лицеях города. А в КРИТ сегодня приходят дети из многих столичных лицеев. Благодаря бывшему танцору «Кодрянки», а теперь хореографу этого клуба Виталию Ульеру, ребята быстро осваивают балансе, вальсовые вращения, танговые поддержки... Некоторых наших танцоров уже приглашают на разные мероприятия, на подтанцовки...

Важно, что в этот клуб приходят не только творчески одарённые дети, будущие деятели культуры, но и молодые мастеровые, менеджеры, учёные... Эти юноши и девушки, как мы надеемся, наша будущая элита: они активны, они проявляют интерес к родной истории, культуре, к нашему прошлому. Значит, для них – это не пустой звук, а наполненные смыслом и содержанием достойные продолжения традиции.

Готовя Рождественский бал, Бальный комитет старается подобрать самые лучшие танцевальные площадки, изысканно оформить зал, подыскать наиболее интересные, популярные в настоящий момент классические музыкальные композиции для дивертисментов. Так, в прошлом году, по опросам любителей музыки, лучшими были признаны вальсы Дмитрия Шостаковича, Георгия Свиридова, Евгения Доги. Именно из них и были составлены танцевальные дивертисменты на балу. Наши балы проходили и на малой площадке во Дворце Республики, и в Национальном театре оперы и балета, и в Органном зале.

В январе, в юбилейном году, бал пройдет в большом зале Дворца Республики, самом величественном и торжественном зале страны.

Конечно, участие в таком необыкновенном действе – дело не простое, да и затратное. Подобрать костюм, бальное или вечернее платье, причесаться в парикмахерской. Но на прошлом балу у нас было более 120 пар, что говорит о многом. А ведь это только треть всех присутствующих. Обязательно приходят нарядно одетые родители участников и друзья, педагоги, пресса.

С утра приезжают на специально заказанных автобусах старшеклассники из регионов и переодеваются в гримёрных. Но за 20 минут до первых фанфар суета прекращается, гости рассаживаются по своим местам, и пары выстраиваются для выхода в зал...

Помню, как лихо отплясывали на балу в Национальном театре оперы и балета Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Молдове Валерий Кузьмин с женой. И как на прошлом балу профессионально вальсировала супруга нынешнего посла России Наиля Мухаметшина, подзадоривая своих молоденьких сотрудниц Российского Посольства. А какие прекрасные подарки она вручала победителям различных бальных конкурсов!

Руководительница русской общины из села Самананка Екатерина Георгюк, смеясь, как-то рассказывала: «Один наш папа вывозит на бал трёх дочерей! Это значит: три причёски, три бальных платья, три пары нарядных туфель...». А ведь это – только минимум, но обязательный! Без этого антуража не будет и самого бала, его духа избранности, отрешённости от сиюминутной повседневности. И мы в пригласительных билетах непременно прописываем эти условия. Многие, возможно, единственный раз в жизни побывают на таком событии, и оно должно им запомниться, чтобы потом воскликнуть: «Я танцевала на рождественском балу! Это было так здорово!». Думаю, что приехавшие прошлой зимой 12 пар старшеклассников из города Глодяны в прекрасных бальных платьях и с замечательной танцевальной композицией, надолго запомнят тот удивительный вечер. А в этом году мы ждём группы участников из Сорок, из Конгаза...

Наш бал состоит из трёх частей. Бал мастеров открывает бал в Рождество торжественным полонезом, большими медленными вальсами, кадрилию, полькой, танго. Затем начинается Бал дебютантов – с его весёлой «кадрилью Золушки», танцем «вару-вару», с «русским лирическим» и с современными вальсами, танго, «Ча-ча-ча». Завершается это волшебное действо бал-маскарадом или Святочным балом, когда подводятся итоги конкурсов, все танцуют быстрые и весёлые «Летку-енку», современные танцы.

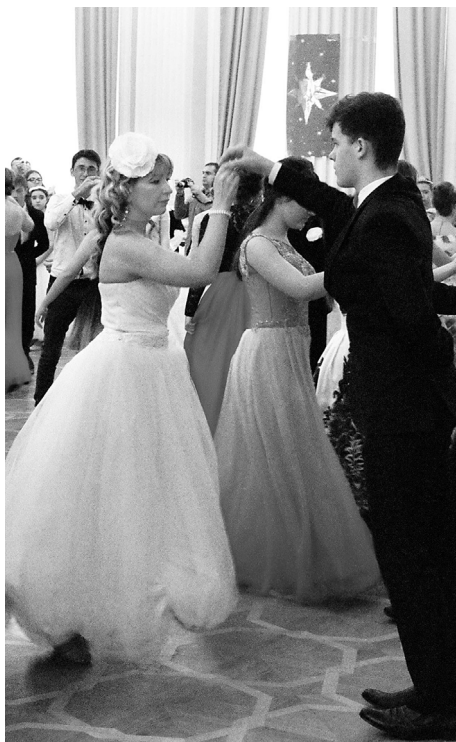
Для создания настроения радостной восторженности используется и особое, характерное именно для бала, построение (и по темпу, и по ритму) танцевальных дивертисментов. И, как показывает наш собственный опыт, только верно понимающие идею бала организаторы способны выполнить все необходимые для проведения современного бала условия.

Ведь бал, организатором которого традиционно, все эти годы, является поэт Дмитрий Николаев, дело очень дорогое и крайне хлопотное. Два месяца подготовки (работа с учредителями, с группами участников, отбор музыки, певцов, оформление зала), всё это отнимает много времени. И затраты, затраты... Здесь неоценимую помощь оказывают сотрудники Посольства России в РМ, Представительство Россотрудничества в РМ, Бюро межэтнических отношений при правительстве Молдовы, другие организации. Без совместных усилий такое масштабное мероприятие не провести. Одни предоставляют звуковую аппаратуру и транспорт, другие помогают финансово и организационно, кто-то работает в медийном пространстве.

В Бальный комитет входят руководители нескольких организаций, известные балерины и хореографы, педагоги, деятели культуры и молодёжь, которая когда-то участвовала в наших первых балах. С самого начала нам помогал руководитель «Русского духовного единства» Пётр Донцов, который привёл в оргкомитет свою дочь Ингу Донцову. Она была несколько лет ведущей бала. Тимофей Федоров, теперь секретарь Координационного совета, замечательный интернет-администратор, занимается в Бальном комитете компьютерным и звуковым обеспечением. Известный художник Галина Молотова и педагог Галина Слонова организуют «весёлую лотерею» и «почту знакомств». Клавдия Осадчая помогает готовить классические бальные танцы: полонез, кадрили, польку... Бывшая балерина Национального театра оперы и балета Валентина Степанова взяла на себя режиссёрские обязанности, работает с танцевальными коллективами и студиями, формируя их бальную программу. Обаятельные ведущие бала – Марина Подлесная и Ольга Кырлан – тоже входят в Бальный комитет, помогают в разработке сценария бала. Незаменимый человек в подготовке праздника – педагог Лилия Гуменная...

На нашем балу выступали многие, ныне известные певцы и исполнители. Олег Хереску, известный солист тираспольского театра, кажется, недавно, совсем юный, пел на балу «Русский вальс». У нас выступали и известные мастера сцены. Заслуженный артист РФ Владимир Загороднюк исполнял «Севастопольский вальс», под который танцевали все в Органном зале. Артисты, писатели, художники и поэты, творческая элита Кишинёва встречаются на балу, чтобы потанцевать, выпить бокал шампанского за Рождество, за процветание Молдовы, за радость в каждом доме.

А в зале звучит музыка великих русских композиторов-классиков. Так что пушкинское «Кружится вальса вихор шумный...» – это и про сегодняшний Кишинёв тоже.



Ведущими на балу были и известные артисты, и студенты Славянского университета, и старшеклассники. В разные годы выступали лауреаты Есенинской премии: народный артист Сергей Тиранин, заслуженные артисты Молдовы Владимир Кирюханцев, Алла Самарцева и Лариса Хромова. И солисты оперного театра, и студенты Академии музыки. Не раз звучали классические мелодии в исполнении ансамбля «Барокко» под руководством народной артистки РМ Анны Стрезевой. Демонстрировал своё мастерство неоднократно и ансамбль «Бригантина» из лицея им. Н. Гоголя.

На наших балах постоянно выступают, словно соревнуясь, балетная студия «Солнышко» (художественный руководитель Елена Станислав), ансамбль «Данс классик» Надежды Шигаевой, коллектив «Бум дэнс» заслуженной артистки РМ Валентины Загорской, ансамбль «Миорица» Валентины Кочи. Блистали вокалистки из студии «Соло» Марины Грумезы. Приезжали кол-

лективы из Оргеева, Глодян, Сорок. Бал – это и место встречи давних друзей, и место для новых знакомств.

Где бы ни учились потом участники бала, студенты и старшеклассники, они не забывают Рождественский русский бал с царящим на нём духом любви, согласия, творчества. Именно поэтому первые участники приезжают в Кишинёв в Рождество вновь и вновь – из Бухареста, Киева, Риги, Москвы, – чтобы опять ощутить волшебство танца в вальсе «Айседора», в вальсах Шостаковича, и через «почту знакомств» обрести, быть может, на всю жизнь душевного друга, а то и свою судьбу. И, как знать, возможно, золотая Рождественская звезда нашего бала вновь зажжёт любовь в молодых, полных светлой надежды сердцах.

Пятнадцать лет прошло со дня проведения нашего первого Рождественского бала. И вот уже и в Мурманске, и в Волгограде организуют такие балы. А в Лондоне, в Праге, в США Рождественские балы проводят российские посольства. Но мы были первыми!

Приходят уже и дети участников первых балов – наследники тех пар, чья любовь родилась на наших балах. И это прекрасно! Потому что русский Рождественский бал – не только из прошлого, он – в настоящем, он весь устремлён в будущее...

Алла КОРКИНА – поэт, писатель, журналист. Автор 19-ти книг стихов и прозы. Родилась в 1943 году в Костромской области. Детство прошло на Сахалине. Окончила Литературный институт им. М. Горького.

С 1960 года живёт в Кишинёве. Член Союза писателей СССР. Член Союза журналистов РМ, Союза театральных деятелей Молдовы. Лауреат международной премии за лучший перевод в номинации «Мастер перевода». Лауреат премии Есенинского комитета РМ. Маэстро литературы Молдовы. Председатель Центра русской культуры РМ.



Нива науки

ПРОВОЗВЕСТНИЦА БУДУЩЕГО

К 185-летию со дня рождения Любови Белюговой

Женское образование в Бессарабии – любопытная тема для педагогических размышлений. Возможно, кому-то она покажется узкой и не актуальной сегодня темой, но это только на первый взгляд. На деле она – часть нашей истории и отражает бессарабский менталитет, культурный уклад жизни на этом пространстве на протяжении столетий.

Середина XIX века в Бессарабии – своеобразный период накопления сил и укрепления гражданской позиции целой плеяды общественно-педагогических деятелей. Это Илья Гриневич – управляющий Дирекцией народных училищ Бессарабской области, профессор, магистр словесных наук; П. В. Архангельский – профессор из Ришельевского лицея, первый директор Кишинёвской мужской гимназии; И. А. Нелидов – директор Кишинёвской гимназии, преобразовавший учебно-воспитательный процесс; К. П. Яновский – инспектор и директор Кишинёвской мужской гимназии, внёсший большой вклад в физическое и эстетическое развитие гимназистов. Эти прогрессивные люди, опережавшие своё время, видели социальную необходимость создания условий для образования бессарабских женщин, боролись против словесной школы, ратовали за гуманное отношение к ученикам, устранение механического изучения предметов, за внедрение обновлённых учебных планов и программ, искали эффективные методы преподавания.

В бессарабском обществе к девушке относились только как будущей хозяйке в доме, матери, для которой ценность профессиональной или общественной карьеры сомнительна, второстепенна. Именно такая роль женщины представлялась тому поколению как единственная и основная. Культурной средой, благоприятной для возникновения женских школ, стало общественно-педагогическое движение 60-х годов XIX века в России, просветительская позиция бессарабских писателей



Л.А. Белюгова

Константина Стамати, Александра Хыждеу, Алеку Руссо, которые оказали положительное влияние на развитие педагогической мысли в Бессарабии и открытие разных типов школ, на формирование в них демократических традиций. На развитие бессарабской системы женского образования повлияло, несомненно, и расширение сети учебных заведений в европейских странах, особенно во Франции и Германии, где уже с конца XVI века появились школы разного уровня, в которых обучались девочки.

Особое место среди общественно-педагогических деятелей Бессарабии второй половины XIX века занимает **Любовь Александровна БЕЛЮГОВА**, которая, по мнению историка Владимира Аникина, стала «провозвестницей женского образования в Бессарабии». Бессарабское общество начинало осознавать, что для культурного развития страны необходимо широкое распространение образования, в том числе и женщин. Прогрессивные идеи женского просвещения были близки идеалам Любови Белюговой, стремившейся стать полезной обществу на педагогическом поприще, она мечтала о «воспитании и обучении детей своего пола» и обнаружила необыкновенную силу воли в достижении своей цели.

Любовь Александровна родилась в сентябре 1830 года в интеллигентной семье. Её отец Александр Иванович Белюгов окончил Киевскую духовную семинарию, преподавал физику, математику, греческий и еврейский языки в Кишинёвской духовной семинарии. Позже был избран управляющим Бессарабской областной палатой государственного имущества. Мать Вера Егоровна, женщина с утончённым литературным вкусом, была известна современникам как автор воспоминаний о встрече с Пушкиным в Кишинёве. Брат Евгений окончил юридический факультет Московского университета, но, как многие молодые люди своего времени, увлечённый демократическими идеями, выбрал свой путь служения обществу: он стал лучшим преподавателем латинского языка в Кишинёвской губернской первой мужской гимназии. Об этом свидетельствует высокая оценка его деятельности Николаем Ивановичем Пироговым, известным хирургом и педагогом, знатоком древних языков, который в 1856–1858 годах был попечителем Одесского учебного округа, куда входила и Бессарабская область. Любовь Александровна получила блестящее домашнее образование, проявив музыкальные способности и глубокий интерес к изучению современных проблем женского образования.

В 60-е годы XIX века Кирилл Петрович Яновский, инспектор Кишинёвской мужской гимназии, педагог, российский государственный деятель, и молодой талантливый преподаватель Евгений Белюгов организовали первый педагогический кружок. Кружковцы собирались на квартирах педагогов и обсуждали статьи, опубликованные в журналах: «Новая библиотека для воспитания», «Учитель, журнал для наставников и родителей», «Ясная поляна», который редактировал Л. Н. Толстой; «Педагогический сборник», «Народная школа».

Любовь Белюгова – активная участница педагогического кружка – мечтала об общественной и профессиональной карьере в системе народного просвещения. Однако учительского диплома у неё не было, что затрудняло осуществление заветной мечты.

Семья и близкая ей педагогическая среда, особенно друг семьи, занявший пост директора Кишинёвской мужской гимназии №1 Кирилл Яновский, поддер-

жали благородное стремление девицы Любови Белюговой открыть частную женскую школу, которая давала бы среднее образование девушкам и предоставляла им возможность продолжить учёбу в университетах Западной Европы и России. Бессарабская знать считала важным и необходимым открытие среднего женского учебного заведения и оказывала материальную помощь (Иоанн и Константин Кристи, княгиня Крупенская) в организации школы для девушек.

Наконец, попечитель Одесского учебного округа Адам Арцимович издал Указ от 23 декабря 1863 года об открытии женского училища Л. А. Белюговой в Кишинёве. Следует отметить, что в это время Министерством народного просвещения руководил Александр Васильевич Головнин, который боролся за широкую гласность в просвещении, привлечение образованного общества к всестороннему обсуждению преобразований в области просвещения, в том числе и женского образования. В 1864 году он издал «Устав гимназий и прогимназий», который предусматривал два типа гимназии: классическая – с преподаванием латинского и греческого и реальная – без преподавания древних языков.

8 марта 1864 года торжественно открыли частное женское училище Любови Белюговой, на правах реальной гимназии. Цель образования девушек была сформулирована ещё в «Положении о женских училищах» от 10 мая 1860 года: «Сообщать ученицам то религиозно-нравственное и умственное образование, которое должно требовать от каждой женщины, в особенности от будущей супруги и матери семейства».

В программах указывалось, что девушек надо обучать всем правилам доброго воспитания, благонравия, светского обхождения и учтивости, знанию домашнего хозяйства.

У истоков первой женской гимназии стояла автор и инициатор проекта директор гимназии Любовь Александровна Белюгова.

Первыми воспитанницами частной женской гимназии стали пятнадцать девиц дворянского происхождения. В 1864 году учебный год длился всего четыре месяца, с марта по июнь. Преподавание велось по программам, утверждённым Министерством народного просвещения. В женской гимназии преподавались обязательные учебные предметы: Закон Божий, русский и французский языки, арифметика, география, естественные науки, чистописание, рукоделие, домоводство. По выбору гимназисток – музыка, пение, танцы, рисование. В гимназии закладывались первоначальные основы методического обеспечения учебного процесса в школах Бессарабии. Это способствовало созданию благоприятных условий для разностороннего развития девочек, ведь обучение включало не только практико-ориентированные предметы, но и чтение иностранных книг, художественные и трудовые занятия.

Любовь Александровна, основательница гимназии, при подборе преподавательских кадров руководствовалась общеизвестной истиной: без хорошего учителя не может быть хорошей школы. В первый год обучения Закон Божий преподавал протоиерей Василий Михайлович Пархомович, священник Андреевской церкви, окончивший Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия; арифметику – Сырбу, русский язык – Башинский, географию – Божовский, французский язык – Кемриц. Частные учителя занимались преподаванием:

естественных наук – медик Левентон, чистописания – Гурлянд, танцев – Величин, практические занятия по французскому языку вела девица Яковлева, а сама начальница гимназии учила девочек игре на фортепиано, вела уроки музыки.

Особое внимание уделялось технологическому воспитанию гимназисток: изучались кройка и шитьё, вязание спицами и крючком, вышивка шёлком по канве и кружевное плетение. Для этого необходимо было усвоить различные техники рукоделия, знать орудия труда и уметь обращаться с ними, хорошо ориентироваться в выборе материалов и рисунков.

Классными надзирательницами в первый год обучения в гимназии были избраны девица Маркович (I кл. – 12 учениц) и содержательница гимназии девица Белюгова (II кл. – 3 ученицы). Обычно они назначались преимущественно из вдов, получивших образование в гимназии или институте. Если вдов не было, то на должность классной надзирательницы назначались «девицы», которые окончили полный курс гимназии и приобрели «некоторую опытность в воспитании детей».

В своей педагогической деятельности Любовь Белюгова опиралась на основной принцип, который сформулировал Кирилл Яновский, последователь педагогических идей Пирогова, который считал, что «Любовь, а не страх должна служить основой истинного воспитания». Принцип гуманного отношения к девочкам, развитие их самостоятельности и активности стал ведущим в её педагогической деятельности, а литературно-музыкальные вечера, организуемые Л.А. Белюговой, преследовали цель эстетического воспитания гимназисток, раскрытия их художественно-творческого потенциала.

В гимназии учились девушки из бессарабских дворянских семей, которые были хорошо известны в обществе. Это семьи Писаржевских, Крупенских, Стюарт, Ралль, Фезь, Донич, Семигравых, Лазо, Россет, Дическу, Синадило и другие. Каждый год в гимназии открывался новый класс, а количество гимназисток постоянно увеличивалось. В 1866–1867 учебном году обучались 133 гимназистки, а в 1869–1870 учебном году их было уже 153. Кроме общих предметов, ввели курс педагогики, который изучали ученицы по собственному желанию. Гимназистки, прослушавшие курс педагогики и успешно сдавшие экзамены, могли занимать должность учительницы в народных училищах. Ежегодное открытие классов свидетельствовало о популярности и признании женской гимназии, в которой был чётко организован учебно-воспитательный процесс, а качество преподавания предметов не уступало преподаванию в Кишинёвской мужской гимназии № 1.

Учредительница гимназии, известная безупречной репутацией, энергично и последовательно распространяла «умственное образование в женской среде», несмотря на материальные трудности учебного заведения и сложности с подбором квалифицированных учительских кадров. Она стремилась укрепить материальную базу гимназии: приобретала учебные пособия и классные принадлежности, формировала библиотеку для преподавателей и учениц (в библиотеке насчитывалось 200 названий книг).

Плата за обучение зависела от материального положения учениц: её максимум составлял до 60 рублей, а минимум – до 20 рублей серебром в год, но были ученицы, которые обучались бесплатно. Кроме того, они получали от гимназии учебные принадлежности, одежду, обувь. Так, в 1865–1866 учебном году в гим-

назии обучалось «19 беднейших девиц». В том же году был открыт IV класс и введено преподавание немецкого языка. Новым для гимназии явилось открытие приготовительного класса, так как большинство девочек по уровню интеллектуальной готовности не соответствовали требованиям, которые предъявлялись к детям, поступающим в первый класс гимназии.

Деятели бессарабского просвещения, общественность города относились к Любови Александровне Белоуговой с полным доверием и уважением, видели её преданность своему призванию – делу широкого распространения женского образования. Бессарабское земство очень ценило педагогическое дарование Любови Белоуговой и её профессиональные качества: умение создать доброжелательный климат в коллективе, забота о физическом и нравственном здоровье гимназисток, привитие им позитивного отношения к учёбе, вовлечение девушек в развивающую деятельность по интересам, творческий контакт с учителями, наставниками и родителями.

Первого января 1870 года Кишинёвское земство приняло женскую гимназию Белоуговой в своё ведение и взяло на себя все расходы по её содержанию. Она была переименована в Кишинёвскую земскую общественную гимназию № 1, получив твёрдую материальную основу. Здесь обучались девочки многих конфессий (православные, католики, лютеране, иудеи) и разных социальных категорий (дворяне, священнослужители, чиновники, военные). Любовь Александровна Белоугова продолжала занимать пост начальницы в Кишинёвской женской общественной гимназии. Она чувствовала признание и поддержку местного педагогического сообщества, гордилась успехами гимназисток. Об этом говорят материалы «Кишинёвских епархиальных ведомостей», свидетельствующие о том, что «образование, даваемое девицам в гимназии, значительно возвысило умственный уровень в женской среде и в настоящее время оно сделалось потребностью».

Как руководитель гимназии и опытный педагог, она сосредоточила свою деятельность на инновационных изменениях учебно-воспитательного процесса, который всегда являлся предметом её особого внимания и неустанной заботы. Любовь Белоугова была убеждена, что для развития женских школ в Бессарабии необходима подготовка учительских кадров. В связи с этим её волновала проблема открытия педагогического класса, дающего право окончившим его гимназисткам работать учительницами и наставницами в семьях.

Напряжённый педагогический труд подорвал здоровье Л.А. Белоуговой. 24 ноября 1871 года начальница Кишинёвской женской гимназии скончалась от тяжёлой болезни на 42-ом году жизни. Отпевание Любови Александровны происходило в Рождественском соборе, расположенном в городском парке, в самом сердце Кишинёва. На отпевании были произнесены речи: законоучителем гимназии протоиереем Василием Пархомовичем, учителем духовной семинарии и женской гимназии Петром Пахомским. Эти речи свидетельствовали о высоком доверии к гимназии Любови Белоуговой, из которой девицы «выносили доброе христианское направление, правила общественного приличия, вежливости, запас знаний, свойственных женщине...».

В «Некрологе» отмечалось, что родители Любови Александровны, коллеги, представители кишинёвского общества, толпы гимназисток – все скорбели о пре-

ждевременной смерти основательницы женской гимназии, которая доказала всей своей жизнью любовь и преданность делу «образования девиц».

В память о ней Бессарабский земский Учредительный совет открыл в гимназии 8-ой специализированный класс, который готовил народных учительниц, и учредил стипендию имени Л. А. Белюговой, которую могла получать каждая гимназистка. Как отмечали современники, Любовь Белюгова сумела на одной только нравственной почве взрастить зерно, развившееся в ветвистое дерево, принесшее плод, внушавший к себе доверие и уважение общества.

Общественно-педагогическая деятельность Любви Белюговой – самой видной личности на ниве бессарабского женского просвещения – своеобразный луч света и заслуживает глубокого уважения. Активная деятельность в сфере народного просвещения, неутомимая энергия основательницы первой женской гимназии положили начало коренным переменам в области женского образования в Бессарабии: расширению сети женских учебных заведений, совершенствованию педагогического процесса с учётом гендерных особенностей гимназисток, созданию социальных условий для равноправного самоопределения и самореализации девушек. Всё это оказало положительное влияние на прогрессивное развитие женских учебных заведений разного уровня, на начало последовательной подготовки учительских кадров (учителей начальных школ, домашних учительниц и воспитательниц), на признание женского образования в качестве общечеловеческой ценности. Женское образование, которое самоотверженно распространяла Любовь Александровна Белюгова в Бессарабии, стало реальной ареной столкновения различных культурных интересов и представлений о сущности женского обучения и воспитания. Организаторско-педагогическая деятельность Любви Белюговой оставила яркий след в истории развития женского образования в Бессарабии, а открытие Кишинёвской женской гимназии имело огромное значение: женщины получили возможность и право на равное с мужчинами образование, но оно всё ещё не гарантировало им равных с мужчинами возможностей.

Татьяна КОТЫЛЕВСКАЯ,

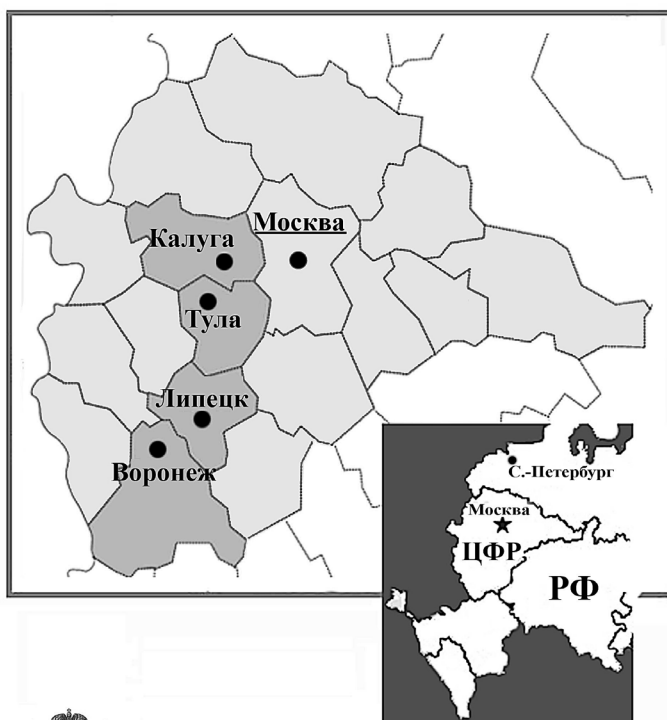
*доктор педагогики, конференциар Бельцкого
государственного университета им. А. Руссо*



В настоящее время в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, участвует 61 регион России. В этом году в реализацию Госпрограммы включились Томская область и Краснодарский край.

В 2016 году с заявлениями об участии в Госпрограмме обратились около 6 тысяч человек (с членами семьи – 15 тысяч). Наибольшей популярностью среди переселенцев пользуются регионы Центрального Федерального округа, 2/3 поданных заявлений приходится на 4 региона – Воронежскую, Калужскую, Липецкую и Тульскую области.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ РФ



Тульская область



Липецкая область

Воронежская область



Калужская область



ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

Воронежская область – наиболее крупный субъект Российской Федерации в составе Центрального федерального округа после Москвы и Московской области по территории, численности населения, а также экономическому потенциалу.

Воронежская область расположена в центре Европейской части России. Граничит с Белгородской, Липецкой, Тамбовской, Саратовской, Волгоградской областями России и Луганской областью Украины. Площадь территории составляет 52,2 тыс. кв. км. Ландшафты Воронежской области носят хорошо выраженный лесостепной и отчасти степной характер. Климат Воронежского региона – умеренно-континентальный, со сравнительно жарким и сухим летом и относительно холодной зимой. Численность населения области – 2 млн. 335 тыс. человек. Доля городских жителей в общей численности населения области составляет 63,3%. Административный центр – город Воронеж, численность населения которого – 979,5 тысяч человек. Крупнейшие города региона – Борисоглебск, Россошь, Лиски, Нововоронеж.

Регион входит в число наиболее развитых культурных и промышленных центров России, занимая почётное место в первой пятёрке. Его стратегическое месторасположение крайне выгодное: здесь сходятся в узел транспортные коммуникации, идущие в промышленные регионы РФ и стран СНГ. Многие воронежские предприятия являются флагманами отечественного промышленного производства. Среди них, например, Воронежский шинный завод, оборонный концерн «Созвездие», Воронежское авиастроительное объединение, Воронежский механический завод и другие. Воронежская область – крупный поставщик сельскохозяйственной продукции: производит зерно, в основном пшеницу, сахарную свёклу, подсолнечник и другие технические культуры, картофель и овощи.

Воронежская область участвует в реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом с 2009 года, а с 2013 года соотечественников принимает вся территория области. С начала действия Госпрограммы в регион переселились более 32 тысяч соотечественников. В прошлом году и нынешнем Воронежская область занимает первое место в Российской Федерации по количеству принятых переселенцев. Из Молдовы в регион переселились более 4,5 тысяч человек (второе место после Украины). Помимо выплат переселенцам, установленных федеральным бюджетом (подъёмное пособие участнику Государственной программы и членам семьи, компенсация расходов за проезд и провоз багажа, а также за уплату государственной пошлины за оформление документов, определяющих правовой статус переселенцев на территории Российской Федерации), в регионе предусмотрены дополнительные меры социальной поддержки соотечественников. Так, участникам Госпрограммы, имеющим детей в возрасте до 14 лет, а также имеющим члена семьи пенсионного возраста, прибывшим на территорию области, выплачивается единовременное пособие в размере 4700 рублей на каждого члена семьи. Единовременная выплата на временное размещение составляет 8000 рублей. Соотечественникам оказывается помощь в выборе профессии, трудоустройстве, прохождении профессионального обучения и получении дополнительного профессионального образования. Во время прохождения обучения выплачивается стипендия. Действует Центр временного размещения (Воронеж, пер. Отличников, д. 37, тел. (473) 23932-15, 230-32-18). Помещения предоставля-

ются участникам Государственной программы и членам их семей для временного проживания сроком до 6 месяцев. Стоимость составляет 150 рублей в сутки. Первоочередное право на временное размещение в центре получают участники Государственной программы и члены их семей, уведомившие администрацию о своём приезде не ранее чем за 10 рабочих дней до прибытия. Жилищный вопрос соотечественники решают самостоятельно.

Участники Госпрограммы имеют возможность приобретения земельных участков под индивидуальное жилищное строительство на территории муниципальных районов области в соответствии с действующим законодательством. Информацию о муниципальных районах, предоставляющих земельные участки на территории области, можно получить в «Центре содействия добровольному переселению соотечественников» (г.Воронеж, ул. Плехановская, д.53, телефон (473) 239-32-15). Все вопросы, касающиеся участия в программе переселения в Воронежскую область, граждане Молдовы могут задать по бесплатному телефонному номеру – 00 800 0000 0036 (оператор Молдтелеком). Действует сайт, посвящённый реализации Госпрограммы «Оказание содействия добровольному переселению в Воронежскую область соотечественников, проживающих за рубежом» государственной программы Воронежской области «Содействие занятости населения» ([http:// pereselenie-vrn.ru](http://pereselenie-vrn.ru)). Здесь можно ознакомиться с содержанием региональной программы переселения и памяткой участнику программы, найти информацию о Воронежской области, изучить нормативно-правовые акты, регулирующие процесс добровольного переселения, узнать о вакансиях для возможного трудоустройства.

Среди наиболее востребованных специальностей: садовод, плодоовощевод, тракторист, штукатур, слесарь аварийно-восстановительных работ, арматурщик, бетонщик, водитель автомобиля, каменщик, маляр, монтажник по монтажу стальных и железобетонных конструкций, токарь, врач, медицинская сестра, инженер. С подробным перечнем вакансий можно также ознакомиться на интернет-портале «Работа в России» (www.trudvsem.ru).

Контактная информация:

Департамент труда и занятости населения Воронежской области

Адрес: 394053, г.Воронеж, ул.Генерала Лизюкова, д.7

Телефон: (473) 212-70-67

Факс: (473) 273-29-87

Телефон горячей линии: (473) 212-70-80

Интернет-сайт: www.pereselenie-vrn.ru

Адрес электронной почты: slzan@govvrn.ru

КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

Калужская область расположена в центральной части России и граничит с Московской, Тульской, Брянской, Смоленской, Орловской областями.

Областной центр – город Калуга, расположен в 143 км от МКАД. С севера на юг и с запада на восток протяжённость области составляет 220 км. Численность населения составляет 1009,7 тысяч человек. Численность населения Калуги – 341,9 тысяч человек.

Область имеет выгодное географическое положение, благоприятные экологические и климатические условия. Преимуществами региона являются развитая промышленность и транспортная инфраструктура. По территории Калужской области проходят важнейшие железнодорожные и автомобильные магистрали, по которым осуществляются местные и транзитные связи не только с регионами России, но и странами ближнего зарубежья. В мае 2015 года введен в эксплуатацию международный аэропорт «Калуга». В регионе реализуется более 120 инвестиционных проектов. Созданы индустриальные парки и промышленные зоны. В область пришли ведущие мировые производители – «Фольксваген», «Вольво», «Нестле», «Самсунг», «Пежо Ситроен», «Л'Ореаль», «Гримме», «Лемкен», «Лафарж» и другие. Создаются новые предприятия, производящие высокотехнологичную продукцию – автомобили и автокомпоненты, телевизоры, строительные материалы и лекарственные препараты нового поколения. Интенсивное развитие региональной экономики, открытие на территории региона новых и модернизация уже существующих предприятий обуславливают создание новых рабочих мест.

По данным регионального прогноза потребности в кадрах, сформированного министерством труда и социальной защиты Калужской области, в 2017–2021 годах региону потребуется 62,9 тысяч рабочих и специалистов, из них более 12,6 тысяч человек – на создаваемые рабочие места (в том числе в рамках инвестиционных проектов) и 50,3 тысяч человек – на замену выбывающих работников.

Наибольшим спросом у работодателей пользуются рабочие строительных специальностей (каменщики, штукатуры, бетонщики, облицовщики-плиточники), подсобные рабочие, слесари, станочники, монтажники, машинисты, сварщики, водители, трактористы, швеи, продавцы, механики, инженеры, электрики, сантехники, медицинские работники.

В сельскохозяйственных организациях Калужской области востребованы специалисты зооветеринарного профиля, агрономы, специалисты бухгалтерско-экономических служб, операторы машинного доения, механизаторы, животноводы. Указанным специалистам и кадрам рабочих профессий предоставляется жилье, осуществляется выплата субсидий, на территории многих хозяйств имеется развитая социальная и инженерная инфраструктура.

В сфере туризма и агротуристической деятельности Калужской области недостает поваров, официантов, горничных.

Калужская область является одним из наиболее привлекательных регионов для переселения соотечественников. С 2007 года Калужская область участвует в реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Госпрограмма). С начала реализации Госпрограммы (2007–2016 гг.) на территорию Калужской области прибыло более 53 тысяч соотечественников (в том числе 40 тысяч – трудоспособного возраста). В 2016 году в Калужскую область прибыло более 10 тысяч соотечественников. Подавляющее большинство из них – 76% – в трудоспособном возрасте, пятую часть составляют дети и 5% – соотечественники пенсионного возраста. 38% общей численности прибывших соотечественников имеют высшее профессиональное образование, 37% – среднее техническое.

Участниками Госпрограммы в Калужскую область могут стать соотечественники, отвечающие следующим критериям:

- достигшие 18 лет, не превысившие пенсионный возраст (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин);
- обладающие дееспособностью и трудоспособностью;
- имеющие трудовые навыки (опыт работы), необходимые для осуществления трудовой деятельности на территории Калужской области по имеющимся вакансиям в заявленной работодателями потребности.

Для соотечественников предусмотрен ряд государственных гарантий, установленных федеральным законодательством – компенсация расходов за проезд и провоз багажа, а также за уплату государственной пошлины за оформление документов, определяющих правовой статус переселенцев на территории Российской Федерации, получение подъемного пособия. Кроме этого, в Калужской области существуют дополнительные меры социальной поддержки для переселенцев – это единовременные пособия в соответствии с проектом переселения: 10 тысяч рублей – участникам Госпрограммы, работающим и проживающим в Калужской области не менее 6 месяцев (по проекту переселения «Территория вселения – Калужская область»); 60 тысяч рублей – участникам Госпрограммы и членам их семей, создавшим крестьянское хозяйство, либо зарегистрировавшимся в качестве индивидуального предпринимателя в сельском хозяйстве (по проекту переселения «Сельское хозяйство»); 30 тысяч рублей – участникам Госпрограммы и членам их семей, получающим профессиональное образование в Калужской области (по проекту переселения «Образование»); 20 тысяч рублей – участникам Госпрограммы, трудоустроенным на объекты туристской индустрии (по проекту переселения «Объекты туристической индустрии»). Также предусмотрено оказание бесплатной плановой медицинской помощи соотечественникам до получения разрешения на временное проживание (т.е. до получения полиса обязательного медицинского страхования).

Соотечественники, прибывшие в Калужскую область, имеют возможность рассмотреть различные варианты жилищного обустройства в рамках действующего законодательства и принять решение в зависимости от уровня своей материальной обеспеченности. Основные варианты жилищного обустройства, как и для российских граждан, – это аренда (наём) жилого помещения, приобретение жилых помещений, покупка земельных участков для индивидуального жилищного строительства, приобретение права аренды или собственности на земельный участок на аукционах, переуступка прав аренды у физического лица или организаций. Наиболее востребованным специалистам жильё может быть предоставлено работодателем. Также возможно временное размещение в гостинице «Жилой комплекс «Калужский двор», где стоимость проживания ниже средней стоимости проживания в других гостиницах города (400 рублей в сутки на одного человека), с которой Министерством труда и социальной защиты Калужской области заключено соглашение об оказании содействия в размещении граждан, прибывающих в область с целью трудоустройства.

Контактная информация:

Министерство труда и социальной защиты Калужской области

Адрес: г. Калуга, ул. Пролетарская, д.111

Телефон: (4842) 71-94-11, 71-94-20

Консультационный пункт по работе с соотечественниками: (4842)71-93-83, 71-94-74

Интернет-сайт: <http://admobl.kaluga.ru>, раздел «Государственные программы»

Адрес электронной почты: mintrud@adm.kaluga.ru

ЛИПЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ

Липецкая область расположена в центре Европейской части России, на пересечении важнейших транспортных магистралей и граничит: на севере – с Рязанской, на востоке – с Тамбовской, на юге – с Воронежской и Курской, на западе – с Орловской областями. Административный и культурный центр области – город Липецк. Территория области составляет около 24,0 тысяч кв. км, что составляет 0,14 % от площади Российской Федерации. Протяжённость с севера на юг – 200 км, с запада на восток – 150 км. В Липецке действует аэропорт, имеется регулярное воздушное сообщение с центральными городами России.

По численности населения – 1 156 093 человек – Липецкая область занимает 45-е место в России. В областном центре проживает 510 тысяч человек. Вторым городом по численности населения является город Елец – 105 тысяч человек.

Липецкая область вошла в число 12 пилотных регионов России, которые первыми начали реализацию Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Госпрограмма). С начала действия Госпрограммы Липецкая область приняла более 37 тысяч соотечественников из 28 стран мира.

Участниками Госпрограммы на территории области могут стать соотечественники, отвечающие следующим критериям: достигшие 18 лет, обладающие дееспособностью; имеющие профессиональное образование по специальностям, востребованным на рынке труда области; желающие заняться инвестиционной и предпринимательской деятельностью, в том числе без создания юридического лица, а также новых рабочих мест; сельскохозяйственной деятельностью и агропромышленным производством, вести личное подсобное хозяйство; способные решать вопросы жилищного обустройства и регистрации в соответствии с законодательством Российской Федерации в выбранном муниципальном районе или городском округе области; планирующие получение среднего и высшего профессионального образования в образовательных учреждениях, расположенных на территории области.

За счёт средств федерального бюджета участникам Госпрограммы компенсируются расходы на проезд, провоз багажа, оформление правового статуса, выплачивается подъёмное пособие. За счёт средств областного бюджета до получения российского гражданства предусмотрены дополнительные меры поддержки, включающие услуги соцобеспечения, здравоохранения, службы занятости.

Область нуждается в специалистах, которые востребованы в регионе: это медработники (врачи, медсёстры, фельдшеры), инженеры, электрогазосварщики, каменщики, режиссёры – педагоги. Центры занятости населения оказывают содействие в поиске подходящей работы, включая профессиональную ориентацию при выборе профессии; профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации. Во время обучения выплачивает стипендия.

Участники Госпрограммы и каждый трудоспособный член его семьи, не имеющие работы и зарегистрированные в Центре занятости населения, имеют право на получение пособия в период поиска работы. Пособие назначается на срок не более 6 месяцев в размере 50% величины прожиточного минимума, установленного в области для трудоспособного населения.

Профессиональное обучение участников Госпрограммы и (или) членов их семей, имеющих право на получение пособия в период поиска работы, осуществ-

вляется по направлению центров занятости населения в муниципальных районах и городских округах.

Оплата профессионального обучения участников Госпрограммы и (или) членов их семей осуществляется в полном объёме за счет средств, предусмотренных в законе об областном бюджете на очередной финансовый год на реализацию Госпрограммы при условии, что на дату начала обучения участник Госпрограммы и (или) член его семьи не имели гражданства Российской Федерации.

Услуги компенсационного пакета: здравоохранения, социальной защиты населения, службы занятости, образования, предоставляются переселенцам в период до получения ими российского гражданства сроком не более 6 месяцев.

Граждане, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, могут обратиться в управление социальной защиты – для оказания материальной помощи в размере 1000 рублей на человека (но не более 3000 на одну семью). Эта мера поддержки является разовой.

Медицинские услуги (медицинское освидетельствование и медицинская помощь в экстренной форме) участникам Госпрограммы и членам их семей, включая детей, в период до получения гражданства Российской Федерации в течение 6 месяцев с даты постановки на учёт в территориальном органе МВД России, предоставляются в Липецкой области в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации за счёт средств бюджета, предусмотренных на реализацию Госпрограммы.

Вопрос жилищного обустройства участниками Госпрограммы решается самостоятельно за счёт собственных средств. В регионе действует областное бюджетное учреждение Центр временного размещения, в состав которого входят здания для временного обустройства соотечественников, прибывших в г. Липецк, Грязинский и Тербунский районы. Эти учреждения могут разместить одновременно до 340 человек, однако, жильё в них необходимо бронировать заранее. Гостям предоставляются одноместные, двухместные номера, двухкомнатные семейные блоки квартирного типа. Оплата проживания здесь минимальная и составляет в среднем 200 рублей в сутки.

Контактная информация

Управление труда и занятости Липецкой области

Адрес: 398001, г. Липецк, ул. Советская, д. 66

Тел./факс: (4742) 25-08-81, 22-37-69

Интернет-сайт: www.utiz.lipetsk.ru

Адрес электронной почты: utiz@admlr.lipetsk.ru

ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

Тульская область расположена в центре Восточно-Европейской (Русской) равнины. Расстояние от Тулы до Москвы – 185 км; от северной окраины Тулы (въезд в Тулу «Красные ворота») до южной окраины Москвы (Южное Бутово) – 150 км. Протяжённость территории области с севера на юг – 200 км, с запада на восток – 190 км.

Граничит: на севере и северо-востоке – с Московской, на востоке – с Рязанской, на юго-востоке и юге – с Липецкой, на юге и юго-западе – с Орловской, на западе и северо-западе – с Калужской областями.

Население – 1 506 446 человек. В областном центре проживает 551,6 тысяч человек.

Тула, считающаяся столицей русского оружия, родиной пряников и самоваров, ныне представляет самые современные, перспективные промышленные проекты. Тульская область известна своими производственными традициями. Основа её экономики – предприятия оборонно-промышленного комплекса, химической отрасли, металлургии, машиностроения, индустрии стройматериалов, пищевой промышленности. Этот потенциал сегодня получает новый импульс развития – модернизируются предприятия, внедряются современные технологии. В регионе идет реализация 50 инвестиционных проектов на общую сумму более 150 млрд. рублей. В 2017 году в Туле планируется начало работы предприятия «Тулачермет-Сталь» с объёмом инвестиций порядка 44 млрд. рублей. Проект даст региону более 1600 новых рабочих мест. Продолжается развитие индустриального парка «Узловая», ключевым инвестором которого является китайский автозавод Great Wall Motors. Речь идёт о строительстве завода мощностью 150 тысяч автомобилей в год и до 2500 рабочих мест. В регионе развиваются и новые направления аграрного бизнеса. Ведущие сельскохозяйственные предприятия области: «Воловский бройлер», «Краснобор», «Авиаген», «Тульский молочный комбинат» и компания «Мираторг», которая осуществляет крупный проект по строительству животноводческих ферм. При таком темпе развития экономики региону требуется немало специалистов, хорошо подготовленных рабочих.

В области востребованы квалифицированные специалисты рабочих профессий: токари, наладчики оборудования, операторы, электросварщики, электрогазосварщики, электромонтеры, каменщики, плотники, монтажники, водители, швеи, повара. Традиционно на рынке труда из профессий служащих востребованы врачи, фельдшеры, медсёстры, воспитатели детского сада. Для работы на селе востребованы водители, рабочие сельского хозяйства, животноводы.

С вакансиями, заявленными работодателями Тульской области, можно самостоятельно ознакомиться на портале «Работа в России» (<http://www.trudvsem.ru>).

Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Госпрограмма), в Тульской области реализуется с 2011 года. В Госпрограмме участвует вся территория области.

С начала реализации Госпрограммы в Тульскую область переселилось 29 тысяч соотечественников, при этом 12 тысяч человек в 2015 году, в 2016 году – более 7 тысяч человек.

Участники Госпрограммы и члены их семей имеют право на компенсацию расходов на переезд, расходов на уплату государственной пошлины за оформление документов, определяющих правовой статус на территории Российской Федерации, и на получение подъёмных. За счёт средств бюджета Тульской области соотечественникам предоставляются дополнительные гарантии: единовременная финансовая помощь на обустройство в размере 15000 рублей участнику Госпрограммы и 5000 рублей каждому члену семьи; компенсация расходов участников Госпрограммы и членов их семей на переаттестацию учёных степеней, ностри-

фикацию дипломов и других документов об образовании; компенсация расходов стоимости аренды жилья в размере 50%, но не более 5000 рублей в месяц на период до получения гражданства, но не более 6 месяцев; компенсация расходов на первичное медицинское обследование.

Кроме этого, Правительство Тульской области утвердило правила предоставления единовременной социальной выплаты участникам Госпрограммы имеющим трёх и более детей и (или) ребёнка-инвалида. Средства в размере 11500 рублей выделяются на каждого несовершеннолетнего ребёнка, а также на совершеннолетних детей – учащихся учебных заведений всех форм обучения любых организационно-правовых форм – до окончания обучения, и проходящих срочную военную службу по призыву, но не более чем до достижения ими возраста 23 лет (на момент подачи заявления), занесённых в свидетельство участника Государственной программы. На каждого ребёнка-инвалида предполагается выплата в размере 20 000 рублей.

Контактная информация

Министерство труда и социальной защиты Тульской области:

300041, г. Тула, ул. Пушкинская, д. 29

Телефон: (4872) 24-52-50

Адрес электронной почты: mintrud@tularegion.ru

РУССКОЕ СЛОВО

Подписной индекс газеты - 21555

Член поискового
отряда "Август"
Егор Симонян:

“Для памяти

срока давности нет”

